

МАША МОРАН

ПОСТУЧИ *в мою* ДВЕРЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Маша Моран

Постучи в мою дверь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Моран М.

Постучи в мою дверь / М. Моран — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Говорят: под Новый год что ни пожелается – все всегда произойдет, все всегда сбывается» – в Новый год этим строчкам верят даже взрослые. Вот и Олеся решила рискнуть. Тем более, настроение ужасное, совсем не до праздника. Загадала желание, а через минуту... умерла. Или нет? В книге присутствуют: подробные описания эротических сцен (их много и они откровенные), жестокость и насилие (НЕ между главными героями), авторский мир, необычный взгляд на Новый год, одержимые друг другом главные герои. Содержит нецензурную брань.

© Моран М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	43
Глава 7	47
Глава 8	64
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

Олесе удалось вырваться из офиса лишь за час до полуночи. Она куталась в колючий шарф и одновременно пыталась удержать тяжелый портфель с документами и коробку с самыми красивыми пирожными на свете. Кто-то празднует свадьбу, а она будет отмечать развод! Избавление от мужа-изменника и личной жизни. Больше никаких мужчин, никаких отношений, никакой любви. Хватит с нее! Натерпелась. Теперь у нее полно свободного времени, и она потратит его на карьеру. Добьется немыслимых высот, успеха и денег.

Прижимая к груди коробку с заветным лакомством, Олеся дошла до дороги. Недавно снова шел снег. Он успел укрыть укатанную сотнями колес дорогу и грязные сугробы новым белым слоем. В свете фонарей мерцали пушистые снежинки. Может, снеговика слепить? Глупая какая-то мысль. Зато появится у нее мужчина. Всегда молчаливый и спокойный. Не будет таскаться по снежным бабам. А при плюсовых температурах растает и плавно исчезнет из ее жизни.

И о чем она думает? Кого обманывает? Самая обычная неудачница с самой обычной жизнью. Ее ждет то же самое, что и тысячи других людей. Скудная рутинная работа, нудная возня с бумажками. И так изо дня в день. Пока не состарится и не умрет в унылом одиночестве. Не самые радостные мысли накануне Нового года. Но и праздник ей встречать, дежуря до последнего в офисе. Она, видите ли, теперь разведенка. «Ни мужа, ни детей, а значит вполне может подежурить вместо семейных» – слова ее уroda-начальника. И ведь не откажешься! Попрет с работы на раз. Плевать он хотел на трудовой договор. Нужно запастись любовным романчиком погорячее, коробкой конфет, желательно с ликером, и упаковкой бумажных платков, чтобы оплакивать свой убогий праздник. И ладно бы, была она врачом или спасателем. Но что делать тридцать первого декабря в офисе обычной пиарщице?!

Олеся остановилась у светофора. Конечно же, он уже не работал. Даже светофор ушел на покой, а ей еще тащиться домой. Пешком. Денег на такси не хватило. Между ним и пирожными, Олеся выбрала пирожные. Последний троллейбус ушел давным-давно. В лучшем случае через час она придет домой, наскоро примет душ, упадет спать и... через шесть часов проснется, чтобы снова ползти на работу. Вот и вся ее богатая событиями жизнь. Может, написать письмо Деду Морозу? Вон он как радостно и лукаво улыбается с огромного рекламного щита. Должна же у него где-то завалиться парочка чудес для подобных Олесе неудачниц.

Олеся непроизвольно замедлила шаг и совсем остановилась, не торопясь переходить дорогу. Она задумчиво рассматривала бородатого старика, всерьез размышляя о том, а не написать ли ему письмо? Впрочем, оно уже вряд ли успеет дойти, где бы старик сейчас ни находился.

Рекламный щит был похож на старинную винтажную открытку позапрошлого века. Дед Мороз в пушистом алом тулупе и таком же колпаке зазывал всех посетить какое-то чудесное место, затерянное непонятно где. Одной рукой он указывал на яркую, горящую праздничными огоньками деревушку, которая выглядела вполне сказочно и волшебю. В другой держал небольшую елку. Видимо, реклама какой-нибудь туристической компании. Ладно, письмо Деду Морозу писать действительно глупо. Но ведь никто же не запретит ей попросить?! Прижав к боку папку с документами и коробку с пирожными, Олеся быстро тихонько зашептала:

– Пожалуйста, Дедушка Мороз, я тебя очень-очень прошу... Исполни мое желание... Помоги мне встретить любовь... Я понимаю, что уже взрослая, но чего тебе стоит, а? Одно маленькое чудо? – Бабушка всегда говорила, что Вселенной нужно говорить конкретно, чего хочешь. – Пусть я завтра проснусь не от дурацкого будильника! Пускай ОН позвонит в дверь... Ой, нет, звонок у меня сломан. Пусть ОН постучит. Я открою, и мы пойдем, что созданы друг для друга. Пусть он будет смелым, сильным, каменной стеной. И сильно меня полюбит!

И хотелось бы богатого. Ну и симпатичного. И чтобы был мне верен. И ценил меня. А я буду делать все, чтобы он ни разу не пожалел, что ошибся дверью и встретил меня. Я знаю, что многого прошу, но пожа-а-алуйста...

Олеся с мольбой взглянула на Деда Мороза. Его шуба переливалась в мутном свете фонарей. Неожиданно пошел снег. С неба сыпались огромные пушистые хлопья. Олеся щурилась от снежинок, падающих на глаза. Может из-за этого, а может из-за того, что был напряженный день, но показалось, что Дед Мороз подмигнул ей. Олеся потеряла глаза. С ума уже сходит, наверное, от безысходности и одиночества. Ладно. Хватит тут торчать. Пока домой дойдет, можно будет на работу снова выдвигаться. Олеся посмотрела по сторонам, проверяя нет ли запоздавших машин. Но улица была пуста. Конечно, все уже давно дома. Нежатся в теплых постелях и крепких объятиях. А у нее даже игрушки мягкой нет, с которой можно пообщаться. Олеся едва успела сделать пару шагов, когда из-за поворота вылетел огромный черный внедорожник. Он несся на фантастической скорости и прямо на нее. На какое-то мгновение она застыла, не зная, куда бежать. Назад? Вперед? Боже... Олеся неловко дернулась, заставляя себя сдвинуться хоть в какую-нибудь сторону. Но не успела. Автомобиль врезался в нее с чудовищной силой. Адская боль парализовала тело. Крик застрял в горле хрипом. Дыхание перехватило, и Олеся взлетела в воздух. Ей хотелось кричать от мучительного спазма. Снежинки раскаленными ножами врезались в лицо. Внутри все пылало. Перед глазами кружилась улица, а время словно остановилось.

Олеся ощутила новую волну мучительной боли. Кажется, она упала на машину. В затылок врезалось что-то острое. Она не могла дышать. Пыталась, но не могла. Тупая нестерпимая боль сжигала тело, пульсировала. По лицу потекло что-то мокрое и горячее. В воздухе почему-то кружились листы белой бумаги. Позвоночник прошибло судорогой. Последнее, что она увидела, как Дед Мороз с рекламного щита широко улыбнулся, глядя прямо на нее.

* * *

Той ночью Олесе Ильевой дойти до дома было не суждено. И дежурить в офисе тридцать первого декабря тоже. Загадывая желание, она не знала, что в этот самый момент по дороге мчится пьяный водитель. Она не знала, что он ее даже не заметил. И, конечно, она никак не могла знать, что не остановись она перед щитом, то возможно уцелела бы. А еще ей было неизвестно, что на следующий день никто не ошибся бы адресом и не постучал в ее дверь. Что ей было суждено? Прожить одинокую тяжелую жизнь. Потому что в этом мире не существовало того мужчины, о котором она мечтала. Ей было суждено страдать от безысходности и невзгод. Но, конечно же, этого она тоже знала. И не узнает никогда.

Потому что той ночью Олеся Ильева умерла.

Но успела загадать желание...

Глава 1

Миклош рассматривал жену. Что-то долго она не приходит в себя. Возможно, он немного перестарался. Из ее носа все еще слабо сочилась кровь. На полу уже натекла темно-вишневая лужица. Хоть не сдохла? Он подошел к жене, опустился на корточки и, брезгливо морщась, запустил руку в спутавшиеся волосы. Едва он приподнял ее голову от пола, как послышался тихий стон. Жива. Равнодушно Миклош разжал ладонь. Голова женушки с тихим стуком упала обратно. Миклош отер руку. С дорогой супругой нужно что-то делать. Это была глупая идея – жениться на ней. С другой стороны чокнутая Маргит была лучшим прикрытием для его постыдных привязанностей. Узнай кто-нибудь, что он, наследник одного из самых уважаемых и влиятельных семейств, питает слабость к мужчинам, скандала не избежать. А взяв в жены слабоумную, он мог беспрепятственно встречаться с любовником и предаваться любимым развлечениям. Маргит жила в своем собственном мире, шарахаясь от теней, кружась под дождем и снегом, и, самое главное, оставаясь немой, как рыба. Миклош не знал, была ли она нема от рождения, но на его памяти она ни разу не произнесла ни слова. Да и деревенские не слыхали.

Иногда ему казалось, что у нее случаются проблески сознания. Временами Миклош ловил на себе ее внимательный проницательный взгляд. Убогая пялилась на него так, словно все понимала. Тогда он доставал маску, кнут и возвращал ее в то состояние, в котором ей надлежало пребывать – его послушной марионетки.

Сегодня она особенно сильно донимала его. В деревне Маргит заметила Вильгельма, его любовника, начала тыкать в него пальцем и что-то бессвязно лепетать. Миклошу стало страшно. Пожалуй, впервые за всю жизнь. Он даже брата так не боялся, как разоблачения. Вряд ли Маргит могла раскрыть его тайну. Вряд ли она вообще что-то понимала! Но узнала же она Вильгельма. Кто знает, что она могла выкинуть в следующий раз? Поэтому, пришлось вновь надеть деревянную маску Крампуса, взять в руки кнут и преподать Маргит несколько уроков о том, что бывает с теми, кто плохо себя ведет.

Миклош не знал, почему Маргит так боится этого демона. Она буквально столбенеет, стоит ей увидеть короткие рога, заостренный подбородок и вываливающийся из зубастой пасти раздвоенный алый язык. Он понял, что она приходит в ужас от жуткого существа из старых легенд, во время одного из празднеств в деревне. Миклош потащился туда, чтобы показать подданным, как он их ценит. Толпа местных мужиков переоделась в Крампусов и пугала маленьких оборванцев, обещая им розги за дурное поведение. У Маргит, едва она их завидела, случился припадок. Пришлось силой уводить ее оттуда. Ему даже помогли несколько крестьян. Она брыкалась, вырывалась и что-то мычала, закатывая глаза. Сумасшедшая, одним словом.

Но в тот момент Миклош понял, как повлиять на женушку, если она начнет доставлять неприятности. Чтобы не вызвать подозрений, он специально поехал в город и прикупил у старого мастера маску. А заодно и кнут. Ночами, когда бушевала гроза, или начинался особенно лихой снегопад, Миклош надевал маску и заявлялся в спальню к жене. Чтобы она хорошенько рассмотрела его и запомнила жуткий лик, Миклош зажигал свечу. Странно, но во сне она выглядела вполне нормальной. Испытывая сладкое, ни с чем несравнимое, ощущение власти и превосходства, он касался ладонью плеча Маргит, сначала нежно и ласково, а потом сжимал до синяков. Она начинала просыпаться, тихонько постанывая и дергая рукой. Тогда Миклош отвечивал ей звонкую пощечину. Он старался бить так, чтобы фамильный перстень до крови рассекал ей губы. Почему-то темная густая жидкость – единственное, что возбуждало его в женщинах. Обычно, после этого Маргит просыпалась окончательно. Несколько мгновений она просто глупо пялилась на него, а затем начинала метаться по кровати и хныкать.

Сначала Миклош просто взмахивал кнутом и, оставив жену в полуобморочном состоянии, уходил. Потом он начал разговаривать с ней. Тихим шепотом говорил, что пришел нака-

зять ее за дурное поведение и за то, что не слушает мужа. А однажды, когда убогая осмелилась оказать ему сопротивление и расцарапала руку, Миклош ударил ее кнутом. О, сколько же наслаждения он тогда испытал. Это было невероятное ощущение. Пожалуй, сравнимое по силе с тем, что он испытывал в объятиях Вильгельма. С тех пор Миклош не отказывал себе в удовольствии немного покалечить дражайшую женушку. Иногда даже брал ее, не снимая маски, едва дышащую, посреди покрытых брызгами крови простыней.

Слуги давно привыкли к тому, что иногда их госпожа выглядит так, словно едва избежала смерти. Он сознательно распространял слух, что ее преследуют жуткие видения и галлюцинации, что она умышленно ранит себя. Доктор предлагал связывать ее. Но Миклош, усердно играя роль любящего мужа, раз за разом отвергал его методы. «Любые пути еще больше пугают ее. Она впадает в ярость, когда видит их. Я не хочу, чтобы мое сокровище страдало и мучилось.» И ему верили! Все эти глупые наивные людишки верили ему и восхищались его самоотверженностью и верностью жене. В такие моменты Миклош с трудом сдерживал улыбку.

Но в этот раз он переусердствовал с кнутом. Рассек до крови кожу на спине. Гонял Маргит по всей спальне, швырял от стены к стене, пару раз даже едва не сломал шею. Она металась, беззвучно рыдая и царапая пальцами дверь.

Носком сапога Миклош перевернул Маргит на спину. Она не застонала, не открыла глаз. Даже грудь не поднялась от дыхания. Неужто, сдохла наконец? Преодолев отвращение, Миклош опустился на колени и прижался ухом к ее груди. Тишина... И куда ее теперь девать? Мозг лихорадочно заработал. В голове крутились маленькие винтики, как в часовом механизме. Лучше всего избавиться от тела. Например... Например он может вывезти ее отсюда, бросить где-нибудь в лесу, а на утро забить тревогу. За это время она окоченеет, и Миклош будет избавлен от нее навсегда. А еще лучше, если пойдет слухок о ее побеге. С любовником. Конечно же! Он найдет в одной из окрестных деревень какого-нибудь крестьянина и убедит его за пару монет свидетельствовать о греховной связи с его женой. Но как объяснить то, что она окажется в лесу? Миклош задумался... И как он сразу не сообразил? Жена и любовник задумали побег! Однако, у Маргит случился очередной приступ и вместо деревни она отправилась в лес, где стала жертвой метели и собственного безумия.

Так он и поступит. Стянув с кровати простынь, Миклош завернул в нее тело жены. Уже была глубокая ночь, а значит он сможет выйти из дома незамеченным. Но лучше подстраховаться. Народ здесь суеверный, а потому будет не лишним вновь воспользоваться маской демона Крампуса. Нацепив ее на лицо, Миклош вернулся к себе в спальню, быстро оделся, а затем возвратился обратно. Подняв с пола бездыханное тело, он взвалил его на плечо и беспрепятственно вышел из дома. На дворе стоял мороз. Самый разгар зимы. Через несколько недель Проводы Старого Года. И провожать его Миклош будет уже вдовцом...

* * *

Олеся приоткрыла глаза. Она не чувствовала своего тела – только дикую адскую боль. Попыталась пошевелить рукой, и боль усилилась настолько, что из горла вырвался стон. В уголке губ лопнула кожа, и рот наполнился соленой кровью.

– О, оклемалась! – Где-то над головой проскрипел низкий голос.

Перед глазами плыло, но несколько раз моргнув, Олеся удалось разглядеть румяное стариковское лицо. Белая борода и седые всклокоченные волосы торчали во все стороны. Он кого-то напоминал, но кого?

– Вот и славно. А то уж думал, до следующего года тут пролежишь. Ладно, голубушка, давай, вставай. Времечка-то у нас мало!

Он подхватил ее под мышки и, как куклу, стащил с кровати. Олеся вновь застонала от боли. Станный дед куда-то ее потянул, и ей пришлось прикрыть глаза от нахлынувшей тошноты. Она не могла понять, что именно болело. Боль просто была везде. Даже дыхание давалось с трудом.

Дед выволок ее на улицу, прямо в стылый сырой воздух, и водрузил на телегу. Олеся упала на твердые холодные доски. Сухое сено кололо щеки. Она начала замерзать. С трудом подтянула ноги к груди и обхватила их руками. В спину вонзились раскаленные иглы.

– Ты потерпи, потерпи, голубушка. Скоро уж...

С тихим свистом хлыст рассек воздух, и телега двинулась с места. Замелькали голые деревья, поникшие травы. Олеся снова закрыла глаза. Она не могла ни о чем думать. Где оказалась? Как? Все равно. Лишь бы не чувствовать, как телега подсакивает на каждой кочке. Так холодно... Но холод успокаивал боль, заглушал. Наверное, она задремала, потому что очнулась, когда телега уже остановилась, а дед уговаривал ее слезть. По виску потекло что-то липкое и горячее. Захотелось плакать. В глазах щипало. Босые ноги утонули в грязи.

– Вот голубушка, постой-ка здесь.

Олеся не выдержала и упала. Брызги коричневой жижи попали в глаза, но ей уже на все плевать. Зачем он мучает ее? Зачем все ее мучают?

– Ну или посиди, если хочешь.

Дед пожал плечами и подергал белоснежную бороду. Олеся закрыла глаза. Во рту тоже оказалась грязь. Земля вдруг задрожала.

– О! – Бодрый голос старика прорвался сквозь пелену отчаяния. – Едут, голубушка. – Хлопок в ладоши эхом и пульсацией отозвался в голове. – Тогда я пошел. А ты води себя хорошо.

Кряхтя он наклонился, убрал с глаз Олеси волосы и потрепал по плечу. Как будто действительно был заботливым дедушкой, который впервые отдавал непоседливую внучку в детский сад. Его морщинистое лицо вдруг начало расплываться, и Олеся поняла, что все-таки плачет. Она закрыла глаза, а когда открыла вновь, рядом никого уже не было. Земля тряслась сильнее. Заржала лошадь. Резкий звук разрезал воздух, и кто-то выругался. Как же она устала... Ей нужна тишина. Чтобы можно было заснуть и забыть обо всем.

– Господи! Кто это?

– Кабы я знал, госпожа! Еду, а она валяется тут! Разлеглась!

– Чобан! Не смей так говорить! Нужно помочь бедняжке.

– Да чо ей помогать, госпожа? Скопытилась она!

Удар в живот привел Олесю в себя. Мучитель с такой силой пнул ее, что все внутренности перевернулись. Она закашлялась, выплевывая изо рта сгустки крови.

– Это же Маргит! Немедля бери и неси ее в карету! Ну, что стоишь? Приеду и прикажу тебя выпороть!

– Простите, госпожа, простите... Не признал, дурак слепой. Я уже!

Олесю вновь сгребли в охапку. Она попыталась закричать, чтобы ее наконец оставили в покое, но садист только еще сильнее сжал. Внезапно на нее обрушилась темнота.

Вновь Олеся пришла в себя в крошечной комнатке, которая почему-то двигалась.

– Скоро уже, милая. Скоро совсем. Потерпи чуть-чуть. Уже почти приехали. Что же с тобой приключилось, бедная моя?

Олеся не могла понять, о чем ее спрашивает черноволосая красавица. Она была похожа на принцессу. У Олеси в детстве была книга сказок. Каждый разворот украшали красочные иллюстрации невиданной красоты. Когда разглядывала их, Олесе казалось, что она переносится в самую сказку, в чудесную волшебную страну. И эта женщина, что сейчас ласково убирала с ее лба волосы, казалась жительницей одной из невероятных историй. Может, это Белоснежка? Черные, как смоль волосы. Белое, словно снег лицо. Это точно про нее! Нужно предупредить о

мачехе. И яблоке. Сказать, чтобы не кусала. Олеся попыталась открыть рот, чтобы сказать, но из горла вырвалось только несколько бессвязных хрипов. В груди заболело. Белоснежка нежно коснулась Олесиной щеки.

– Ш-ш-ш... Все будет хорошо, Маргит. Вот увидишь. Я позабочусь о тебе.

Маргит? Но она не Маргит. Она – Олеся. Нужно сказать Белоснежке об этом. Наверное она добра потому, что спутала Олеся с кем-то...

– Не переживай. Едва приедем в замок, тут же пошлем за доктором и Миклошем. Он будет рядом с тобой, и тебе наверняка полегчает.

Олеся не знала почему, но едва Белоснежка произнесла незнакомое имя, нутро сжалось от ужаса. Олеся казалось, что кто-то шурудит внутри нее раскаленной кочергой, словно угли ворошат в камине. Больно. Как же больно. Она застонала. Наружу рвался крик. Но все, что она смогла из себя исторгнуть – глупые раздражающие слух стоны. От усилий перед глазами вновь все поплыло. Олеся старалась удерживать веки открытыми. Она смогла рассмотреть голубую ткань с цветочным узором, обтягивающую стены ее тесной комнатки. Сиреневый бархат небольшого диванчика. Плывущие за окном ели. Где она? Где?..

– Скоро будем дома, Маргит. Держись. Осталось совсем чуть-чуть.

Олеся не знала, кто такая эта Маргит. Да и не хотела знать. Ей нужно было тепло. И чтобы ушла адская боль.

– Потерпи, милая... Потерпи... Приедет Миклош... Будет о тебе заботиться...

Олеся хотела сказать, чтобы Белоснежка перестала произносить имя, от которого внутри все словно начинало кровоточить. Вместо переливающихся серебром веточек на стенах комнаты Олеся видела жуткое существо с рогами и алым языком. Существо скалилось, с его языка стекала кровь, а глаза горели огнем. Оно взмахивало кнутом и смеялось, глядя на нее. Господи, кто это?! Что ему нужно?! Олеся пыталась закричать, но голос ее не слушался. Бежать! Нужно бежать... Она металась в попытке убежать, но везде натыкалась на безобразное существо. Оно смеялось... Все время смеялось и повторяло, что она очень плохо себя вела. Олеся видела извивающийся ядовитой змеей кнут. В тот момент, когда он настиг ее и ужалил, она вновь провалилась в темноту.

Глава 2

Олеся открыла и тут же закрыла глаза. Слишком светло. Слишком ярко. Она так привыкла к темноте, что любые краски теперь раздражали. Она еще немного полежала зажмурившись, но все же решилась приподнять немного веки. Странно, но оказалось, что в комнате не так уж и светло. И совсем не ярко... С трудом Олеся повернула голову и огляделась. В животе медленно скручивался тугой узел страха. Она лежала в просторной кровати. Это не ее комната. Потому что у нее не было кровати с четырьмя столбиками, украшенных миниатюрными крылатыми драконами. И с ее кровати точно не свисал небесно-голубой полог. Может, она сошла с ума, и это галлюцинации?

Олеся пыталась вспомнить, как могла здесь оказаться. Память, не хотя, подбросила тусклые картинки того, как она самой последней уходит с работы, как бредет по улице, боясь уронить папку и смять пирожные, как останавливается у светофора и рассматривает рекламный щит... Она отчетливо помнила, как загадывала желание Деду Морозу в тот момент, когда... Ее сбила машина. Огромная черная машина. Олеся помнила и боль от удара. Ужасную боль, от которой даже сейчас парализовывало все мышцы. Ей казалось, что она умерла. Даже не от удара, а именно от боли, просочившейся в каждый нерв. Но нет, кажется, она жива. Наверное, в больнице... Олеся снова осмотрелась. Может, это частная клиника? Но как-то не верится, что даже в частной может быть такая кровать... Олеся снова закрыла глаза. А если, у нее сотрясение мозга?

Она вдруг вспомнила, как пришла в себя в какой-то хижине, и старый бородатый дед заставлял ее выйти в самый мороз. А потом она тряслась на... телеге? Да, это точно была телега. Затем дед бросил ее посреди дороги, в грязи, и уехал. А Олесю подобрала красавица-Белоснежка. По затылку словно кто-то принялся стучать молотком. Олеся тихо застонала от мучительной пульсации. Но стоило ей издать даже такой тихий, едва слышный звук, как пульсация перебралась в виски. Хоть бы не сотрясение. Как она вообще осталась жива? В тот момент, когда в затылок вонзился осколок стекла, Олесе показалось, что она умирает.

Она вновь прикрыла глаза. Что теперь будет с работой? Ее же не выгонят за прогулы?! Урод-начальничек вполне может. Олеся вспомнила его мерзкий въедливый взгляд: «Вы работаете в солидной компании, Олеся Юрьевна. У нас офисы по всему миру. Ваш развод может и подождать» – так он ей ответил, когда Олеся пыталась выпросить отгул, чтобы сходить в суд. Господи, ну неужели без нее, работа остановилась бы?! Теперь он точно выставит ее за двери. Олеся так и видела, как он смотрит на нее, всю перебинтованную, в синяках и шрамах, а затем произносит: «Пара царапин – не оправдание для прогулов, Олеся Юрьевна. Вот если бы вы впали в кому... Я бы дал вам день отлежаться. Но не больше.» Олеся внезапно хихикнула. В голове плыл странный туман, но почему-то стало весело. Жутко зачесалась щека. Олеся попыталась поднять руку, чтобы почесать, но конечности казались набитыми ватой. Она чувствовала себя тряпичной куклой. А вдруг ее парализовало? Олесю бросило в жар. На лбу выступила испарина. Что с ней теперь будет? За ней некому ухаживать. Да если бы и было, кому она нужна?! Денег на лечение тоже нет. Господи... Да за что же ей это? Она никогда никому не делала гадостей. Ну разве что несколько раз подразнила одну противную девчонку в школе. Но та заслужила. Мужу она не изменяла. Изменял он. Помогала всем, кто просил помощи. Да она вообще никому не могла отказать. Даже не стала требовать денег с мерзкой соседки сверху, которая ее затопила в прошлом году. Может, за то, что она такая бесхребетная, Бог ее и наказывает? Ну какая от нее польза миру и людям? Да никакой. Не просто же так от нее отказались даже родители, едва Олеся родилась. Спасибо деду, хоть он не бросил. Но его уже пять лет нет в живых. А значит, не осталось никого, кому бы Олеся была нужной и необходимой. От этих мыслей ее начала бить дрожь. Такая, что зубы стучали друг о друга, а все тело

тряслось, будто прошибаемое током. Олеся чувствовала каждую рану. Казалось, что она истекает кровью изнутри. Туман в голове превращался в серый дым. Как будто прямо в черепной коробке кто-то невидимый жег сырые осенние листья. От гари и едкого дыма слезились глаза. Олесе пришлось крепко зажмуриться. Но едва она опустила веки, как дым начал развеиваться, и сквозь пыльно-серые клубы проступило очертание жуткого лица. Она его уже где-то видела. Видела страшную рогатую маску. Видела жуткий раздвоенный язык со свистящим шипением, вырывающийся из пасти. Видела, как бешено горят его глаза. Чудовище смеялось и сипело:

– Ты знаешь, что я делаю с непослушными девочками?.. Знаешь?.. Я забираю их с собой... В свою пещеру... На скале... Там они выполняют то, для чего рождены... Ублажают меня... А тебе известно, как я потом с ними поступаю?.. После того, как наиграюсь... Очень быстро мне становится скучно... И я сбрасываю их со скалы... Ты полетишь следующей...

Олеся шептала: «Я тебя не боюсь. Ты не настоящий. Не настоящий. Тебя не существует.» А он смеялся. Хватал ее своими, почему-то человеческими руками, и тряс, как марионетку. Его язык скользил по Олесиным щекам, обдавая серным дыханием. Олеся пыталась вырваться, но никак не получалось. А чудовище под деревянной маской смеялось еще громче:

– Куда же ты Маргит?.. Не убегай от меня... Ты еще не сделала то, что должна делать женщина...

Олеся хотела крикнуть, что ничего она не должна, и никакая она не Маргит, но язык не слушался. Он словно прирос к небу. Распух и не шевелился во рту. Удавалось лишь тихо шептать «Нет» и мотать головой.

– Тише-тише, милая... Что ж ты так...

Что-то прохладное коснулось лба, и нежные ладони погладили щеки.

– У нее жар... Вы осмотрели эту рану?

Нежность сменилась болезненным жжением. Олеся изо всех сил старалась разомкнуть губы и попросить, чтобы ее больше не трогали – она уже не могла терпеть боль. От нее мышцы натягивались, сокращались, и Олесе начинало казаться, что ее пытаются. Режут тупым ножом.

– Тише... Скоро все пройдет...

Вокруг разлился чудесный цветочный аромат. Что-то очень легкое и свежее. Жуткие видения начали отступать, оставляя Олесю в сиреновом облаке. Она как будто гуляла по чудесному саду. Ласково светит солнце, где-то жужжит пчела. Прохладный ветер колышет высокие стройные стебельки трав. И всюду невероятный запах. Олеся легла в траву, прислушиваясь к стрекоту насекомых. Чистое голубое небо было где-то высоко-высоко. И Олесю, наконец, поглотил покой.

* * *

Просыпаться совсем не хотелось. Тем более, ей снился такой чудесный сон. Просто волшебный! Будильник еще не звонил, а значит, можно хоть немного поваляться в постели. А вдруг она просто не услышала его? Вдруг проспала? Ай, ну и ладно! Директор, изверг, все равно уже, наверное, уволил ее. Олеся так и видела его суровые синие глаза за стеклами дорожных очков. Вот он сидит, внимательно изучает ее пиар-стратегию на будущий год, зажав между длинных пальцев карандаш, потом запускает руку в волосы, откидывая со лба несколько тронутых ранней сединой прядей и выдает пренебрежительное: «Даже школьник справился бы лучше, Олеся Юрьевна.» Затем комкает результат ее многомесячной работы и бросает в мусорку. Окинув равнодушным взглядом поверх очков Олесю, не забывает пренебрежительно сообщить: «Вы свободны».

Олеся аж застонала от вновь пережитой несправедливости. Чтоб он в аду горел! Испортил ей замечательный сон. Но пора вставать на работу. Даже если ее уже с позором уволили,

нужно появиться в офисе. Хотя бы для того, чтобы собрать свои немногочисленные пожитки. Олеся с трудом открыла глаза и потянулась. Конечности отяжелели и плохо слушались. А над головой почему-то снова было небо... Пришлось несколько раз моргнуть, чтобы понять: нет, это не небо. Это полупрозрачные голубые занавеси, спадающие с кровати. Олеся резко дернулась и огляделась. Память медленно возвращала картинки из прошлого. Офис, ночь, она идет домой, потом ее сбивает машина. Странный старик. Белоснежка. Просторная, богато обставленная комната. Господи... Так. Главное – не паниковать. Слава Богу, она жива. И, кажется не парализована. Бородатый дед и Белоснежка ей точно привиделись. А еще жуткое существо в деревянной маске. Но комната была реальна. Все те же четыре столбика на королевских размерах кровати. Все те же крылатые драконы, их обвивающие. Струящийся полог. Пушистый, тоже голубой, ковер на дощатом полу. Массивный, старинный на вид комод. О, неожиданность: голубой! Изящный столик с огромным зеркалом и пуфик, обитый гладкой блестящей тканью. Белоснежка, спящая в массивном кресле. Высокие стрельчатые окна за темно-синими портьерами. Так, стоп! Белоснежка?! Олеся села в кровати и уставилась на самую красивую женщину, которую когда-либо видела. Это точно она! Белоснежка из ее видения. Не сон? Олеся глазела на сказочную принцессу и не могла понять, что происходит. У Белоснежки была какая-то удивительная прическа, из которой выбились темные пряди и вольготно рассыпались по плечам. В ушах переливались длинные серьги. Но удивительнее всего была ее одежда. Очень странное платье. Серое, с юбкой до самого пола, украшенной серебристой вышивкой. Из-под подола выглядывало белое кружево. Олеся поняла, что сидит с открытым ртом. Такие платья могли носить столетия назад. Да и то, в каком-нибудь фантастическом фильме.

Она сошла с ума. Точно. Конечно! Она чокнулась. А эта комната – палата. А Белоснежка наверняка, одна из пациенток.

Олеся начала копошиться в ворохе одеял и покрывал. Ей нужно немедленно выбраться отсюда. Убедить лечащего врача, что она еще не до конца утратила адекватность. На крайний случай, сообщит, что у нее нет денег на лечение. Тогда уж ее точно вышвырнут отсюда. Голова закружилась. Предметы вокруг заплясали в диком танце. Подсвечник кружил в вальсе небольшую шкатулку. А расписанный цветами таз лихо гарцевал в польке с таким же кувшином. Олеся встала на ноги и схватилась за комод. Ноги дрожали и подгибались. Адский бал перед глазами продолжался. В ушах шумело, как будто, в голове разлился океан, и пенные волны накатывали на берег. Держась за обитые прохладным шелком стены, Олеся добралась до белой двери. Бронзовая ручка с трудом поддалась ослабленным пальцам. Навалившись всем телом, Олеся отворила дверь и выглянула наружу. Наверное все-таки сошла с ума. Она опасливо шагнула в пустой коридор. Узкий и сумрачный, он тянулся вперед и сворачивал вправо. На равном расстоянии друг от друга расположились небольшие окошки, затянутые хрустальным инеем. Больше всего Олесю поразили покрытые известкой стены полуметровой толщины. Такие могут быть разве что в крепости... Ну или в клинике для буйно помешанных. Иначе зачем делать их подобной толщины? Нечто похожее она видела давным-давно в детстве, когда дед повез ее на экскурсию в средневековый кремль. Олеся осмотрелась. Возле комнаты, из которой она вышла, висел гобелен. Она даже забыла о боли. Вокруг потонувшего в тумане величественного замка развернулось жестокое сражение. Мастерница не поленилась вышить десятки разноцветных стягов и знамен, крошечные фигурки воинов – живых и убитых, и брызги крови, летящие в разные стороны. Олесе казалось, что она слышит крики храбрецов, обороняющих замок и даже чувствует гарь от костров.

– Госпожа! Вы очнулись?!

Олеся вздрогнула и начала оглядываться, застигнутая врасплох и пойманная с поличным.

– Что ж вы вышли, не одевшись? Простудитесь ведь! Еле лихорадку от вас отвели, а вы разгуливаете тут едва ли ни голышом. Ох, да что я распинаюсь... Болезная ведь...

Олеся глупо смотрела по сторонам, пытаясь понять, к кому обращается невысокая шустрая девица в забавном чепце и платье, вышедшем из моды лет четыреста назад. Поджав губы, девица смотрела прямо на нее. Едва шевеля языком, Олеся с трудом выдавила из себя два слова:

– Где я? – В низком хриплом шепоте Олеся едва узнала свой голос.

Она не успела подумать, почему он звучит иначе – девица в старомодном платье изменилась в лице. Она смешно открыла рот, а белесые брови уползли так высоко, что скрылись под чепцом.

– Говорит... ЧуднАя говорит... Простите, госпожа! – Девица бухнулась перед Олесей на колени и согнулась в три погибели. – Простите, дуру! Сама не ведаю, что несу.

Олеся опасливо отодвинулась. Она точно в какой-то клинике. С очень странным персоналом. Может, это часть какой-нибудь современной терапии? Сделав еще один неловкий шагок назад, она повторила свой вопрос:

– И все-таки, где я?

Да что ж такое с голосом? Как будто совсем не ее. Олесе свой голос не очень нравился. Слишком высокий и какой-то детский, что ли. Сейчас он хоть и звучал хрипло, едва слышно, но стал более женственным. Наверное, вдобавок ко всему она еще и простуду подхватила. Девица немного разогнулась и подняла голову:

– Так в крепости вы, знамо дело! У господ Батьяни. Вас госпожа Адрианна по дороге сюда нашла. Три дня сама лично выхаживала. Мы уж думали вы все... того... Даже за супругом вашим послали... Ну... чтоб... в последние ваши минуточки рядом был...

Олеся нахмурилась. Ее «супруг» сейчас уже наверное нежится на тропических островах с длинноногой любовницей, попивая разноцветные коктейльчики. Сердце неприятно кольнуло при воспоминании о его предательстве. Ничего, она сильная. Если после такой аварии выжила, то его измену уж как-нибудь точно переживет. Но что-то еще в словах странной медсестры или кем там была эта девчонка, неприятно царапнуло. Где она сказала находится клиника? Какие-то еще господа... Точно, частная! И во сколько уже обошлось ее лечение? Нужно выбираться отсюда. Чем скорее, тем лучше. Если она не хочет всю жизнь оплачивать трехдневное пребывание здесь. Все еще чужим голосом Олеся как можно тверже заявила:

– А где врач? Мне нужно выписаться. И поскорее.

Глаза медсестры превратились в две круглые монеты.

– Простите, госпожа... Что вам нужно?

– Маргит!

Из комнаты, где Олеся очнулась, выбежала Белоснежка. Вид у нее был заспанный и встревоженный. Красивая прическа растрепалась. Она придерживала подол платья, который путался в ногах, и испуганно озиралась по сторонам.

– Маргит! Ох, вот ты где! Как же я испугалась! Дорогая моя... – Белоснежка кинулась к ней и сжала в крепких объятиях. Олесю обдало душистой волной сладкого цветочного аромата.

– Нана, дуреха, ты что тут устроила?! – Белоснежка отстранилась и сурово взглянула на медсестру.

Девица на коленях совсем распласталась на полу:

– Простите, госпожа... Я ничего дурного не делала... Шла порядки наводить, а тут гос-пожа Маргит одна в коридоре...

– Встань, глупая! И немедленно передай поварихе, чтобы сготовила завтрак. – Белоснежка повернулась к Олесе. – Идем, милая. Тебе нужно вернуться в кровать. Ты до конца еще не оправилась.

На этот раз тон ее был нежным и ласковым. Как будто мать к заболевшей дочери обращалась. Олеся покорно пошла за черноволосой красавицей, снова утратив дар речи. Ее мозг

с трудом соображал, не справляясь с огромным объемом информации. Кажется, ее считали некой Маргит. Как бы то ни было, в странной психушке она оказалась по глупой и нелепой ошибке. И чем скорее все прояснится, тем лучше. Вдруг, эта Маргит опасна для людей? Бродит сейчас где-нибудь с ножом в руках, или еще что похуже... Очевидно, что она помешана на старине. Видимо, в клинике для нее создали антураж, на котором она повернута. А это снова возвращало к вопросу оплаты Олесино лечения. Она и так концы с концами еле сводила и даже не представляла, в какую сумму выльется ее трехдневный отдых в таком месте. Оставалось надеяться, что родственники Маргит адекватные люди и не потребуют от нее возмещения ущерба. В конце концов, не Олесина вина, что ее с кем-то перепутали, пока она была на грани жизни и смерти. Все эти мысли пролетели со скоростью света, не смотря на тихий шум в голове.

– Все, милая, вот и пришли. Давай я тебя уложу, и ты еще немножко отдохнешь, пока не принесут завтрак.

Олеся, наконец собралась с силами и хрипло выдавила:

– Я не Маргит.

Белоснежка, пытающаяся уложить Олеся в кровать, вдруг ойкнула и выпрямилась. Ее лицо до странного стало похожим на лицо медсестры в чепце. Рот так же забавно открылся, а брови поползли вверх.

– Великие небеса... Маргит... Ты можешь говорить?..

И что в этом странного?! Конечно, может. О! Какая же она глупая! Наверное, пропавшая Маргит немая. Ну тогда тем более, все быстро разрешится. Олеся кивнула. Стараясь совладать с непослушным языком, она старательно объяснила:

– Да, я могу говорить. И я не Маргит.

Белоснежка забавно моргнула.

– Ох, милая... А я понадеялась, что ты излечилась от своей болезни...

Олеся начала терять терпение.

– Вы не понимаете... Наверное, вы меня с кем-то перепутали. Я – Олеся.

Белоснежка покачала головой и погладила ее по голове.

– Бедная моя... И имя-то какое чудное выдумала. Ты меня не помнишь?

Олеся отодвинулась.

– Конечно, не помню. Потому что я вас не знаю...

Она неожиданно замолчала и опустила взгляд вниз. По плечу и грудь струилась угольно черная волнистая прядь. Олеся коснулась гладкого локона. Ее бросила в жар, по спине скатилась капелька пота. У нее волосы были короткими, едва доставали плеч. Как только выяснилось, что Андрей ей изменяет, Олеся пошла в парикмахерскую и подстриглась – словно срезала старую жизнь. Сейчас волосы были еще длиннее, чем раньше, доставали до талии. Неужели она лежала в коме? Но не пять же лет?! Олеся сползла с кровати и осмотрелась:

– Мне нужно зеркало.

Белоснежка указала пальцем на столик, который Олеся увидела, едва пришла в себя. Над ним стояло зеркало в серой раме с искусной резьбой. Олеся бросилась к зеркалу и замерла, как будто врезалась в невидимую преграду. Волосы были заплетены в длинную толстую косу, из которой выбилось несколько прядей, завивающихся крупными кольцами. Ее волосы никогда так красиво не вились. Чаще всего они висели прямыми сосульками. Но даже не это было странным. В зеркале отражалась и она, и не она. Олеся шагнула ближе, почти уткнувшись носом в собственное отражение. Ее глаза... Один, как и прежде, был голубой. Второй же стал карим! От виска до подбородка тянулся некрасивый шрам с рваными краями. Олеся обернулась к Белоснежке:

– Что с моими глазами?!

Белоснежка вздрогнула и испуганно развела руками:

- Я не знаю... А что не так?
- Они разные! У меня голубые глаза.
- У тебя карие...

Олеся в ярости повернулась обратно к зеркалу. Нет, не карие и не голубые. И волосы... И голос изменился. Что с ней произошло?

В зеркале отразилось встревоженное лицо Белоснежки. Она остановилась за Олесиной спиной и заглянула ее отражению в глаза:

- Действительно, разные... Но раньше они точно были карими.

– Нет! – Олеся гневно обернулась. – Они были голубыми – мне лучше знать. Вы вообще кто?!

- Я – Адрианна. Неужели ты меня не помнишь?

Олеся покачала головой:

- Я вас даже не знаю.
- Я – сестра Миклоша, твоего мужа.

Олеся тяжело вздохнула. В голове снова начинал шуметь прибор.

– Моего БЫВШЕГО мужа, – Олеся выделила чужим голосом слово «бывшего», – зовут Андрей. И у него нет сестры. Я не Маргит.

- Конечно же, ты Маргит. Просто... Просто не помнишь ничего...

Дверь распахнулась, и вошла давешняя девица в уродливом чепце. За ней следовала еще одна, одетая точно так же.

Белоснежка, назвавшаяся Адрианной, хлопнула в ладоши:

- Ну, наконец-то! Почему так долго?! Совсем распустились.

Девушки быстро поставили нагруженные подносы на комод и поклонились, опустив головы:

- Что-то еще, госпожа?
- Нет. Ступайте.

Обрадованные, что избежали нагоняя, они вылетели прочь. Олеся проводила их взглядом и снова взглянула на «госпожу».

- Где я нахожусь?

Адрианна подошла к Олесе, ласково взяла ее за руку и вновь подвела к кровати.

- Возвращайся обратно, тебе нужно поесть, восполнить силы. А я все расскажу.

Адрианна говорила тихо и ласково, как с капризным ребенком. Олеся взобралась на кровать.

- Вы не понимаете. Я не должна здесь находиться. У меня нет денег на лечение.

Адрианна улыбнулась и покачала головой:

– Бедная моя девочка... В твоей голове все перепуталось. Но ничего страшного. Я тебе все-все расскажу! Как же хорошо, что ты теперь говоришь. Это чудо. Наверное Морозный Дед решил сделать Миклошу и всем нам подарок. Теперь мы можем тебя слышать.

И снова внутри что-то неприятно царапнуло, когда Адрианна произнесла незнакомое имя. Ах да, кажется это брат Адрианны. И муж Маргит. Как же еще объяснить этой упрямой Белоснежке, что она не ее родственница. Олеся предприняла еще одну попытку:

– Послушайте, я не Маргит. Я – Олеся. И у меня нет денег, чтобы лечиться здесь. Я даже не знаю, как сюда попала...

Адрианна кивнула. На ее лице было написано сочувствие.

– Не переживай, милая моя. Сейчас я все тебе расскажу. Но сначала ты должна съесть этот чудесный бульон. – Олеся приняла из рук Адрианны чашку. – Смелее. Тебе нужно восстановить силы.

Адрианна подтолкнула чашку к губам Олеси, а сама отломил кусочек ароматного хлеба. У Олеси заурчало в животе. Адрианна понимающе улыбнулась.

– Мы нашли тебя на дороге к Дьекельни. Ты пролежала в лихорадке три дня. Врач даже думал, что не спасем. Я сразу же послала за Миклошем – он о тебе так заботится всегда, стоит тебе заболеть... Но почему-то до сих пор не приехал. – Адрианна нахмурилась, протягивая Олеся хлеб.

Олеся выпила весь бульон. На удивление он оказался очень вкусным. Откусив кусочек мягкого хлеба, она спросила:

– Что такое Дьекельни?

Адрианна покачала головой и улыбнулась:

– Княжество нашей семьи.

Олеся перестала жевать, открыв от удивления рот.

– Княжество? Мы не в России?

Настала очередь Адрианны удивляться:

– Что такое Россия?

Олеся пыталась рассмотреть на ее лице признаки игры. Если она и притворяется, то делает это мастерски.

– Это страна... В которой мы живем. Ну, то есть, я живу...

Адрианна покачала головой:

– Ты живешь в Бергандии. Родилась и выросла здесь. В деревне Нокдис. Она находится у восточной границы Дьекельни. Три года назад, мой брат, Миклош, ездил на охоту. Он увидел тебя и сразу же влюбился. С тех пор вы женаты.

Олеся не верила своим ушам. Ну прям история Золушки! Глупость какая-то. Она тоже познакомилась с Андреем три года назад. Наверное, их брак был большой ошибкой. Огромнейшей. Она верила, что их жизнь будет похожа на сказку. А оказалось, что это глупая мелодрама. Неинтересная и скучная. Развод был правильным решением. В Новый год Олеся собиралась войти свободной от груза измен и предательства. А оказалась в психушке...

Адрианна по-матерински улыбнулась:

– Вспомнила?

Олеся покачала головой. С ней совершенно точно происходит какая-то чертовщина. Волосы, глаза, голос – все это как будто принадлежало и ей, и не ей. Как за трое суток она умудрилась так измениться?! И эта ужасная клиника... Олеся вдруг стало страшно. А что если ее уже напичкали какими-нибудь лекарствами и еще неизвестно чем. Адрианна продолжала на нее смотреть со странной смесью восторга и ожидания. Олеся покачала головой и тихо прошептала:

– Я хочу домой.

Адрианна сжала ее руку:

– Не переживай. Ты уже дома. На Проводы Старого года мы всегда собираемся здесь. А после праздника Миклош отвезет тебя в ваше поместье.

Перед глазами мелькнуло красивое мужское лицо. А по позвоночнику пробежал озноб. Кто это? И почему стало так страшно?! Олеся пыталась сообразить, что происходит. Может, ее разыгрывают? Она участвует в театрализованной постановке? Это какое-то реалити-шоу? Адрианна радостно хлопнула в ладоши:

– Теперь, когда ты можешь говорить, все наладится. Это самое настоящее чудо. Подарок от Морозного Деда. Просто из-за болезни ты... не совсем понимаешь, что происходит. Но я помогу тебе вспомнить.

Олеся слушала болтовню Адрианны, с трудом улавливая смысл.

Она и раньше могла говорить. И какой еще Морозный Дед? О-о-о... Она угодила в секту. Сейчас они добрые и понимающие, забивают ей голову всякой ерундой, наверняка оплатили лечение. А потом... Потом потребуют возместить убытки. А когда окажется, что у нее ничего

нет, то заставят продавать квартиру и еще неизвестно что. Нужно выбираться отсюда. Немедленно. Олеся тряхнула головой:

– Мне нужно... Я хочу...

Адрианна терпеливо ждала, что она скажет. Выглядела она так, словно смотрела на своего малыша, который впервые произнес «мама». Олеся одновременно пыталась справиться с головокружением и подобрать правильные слова.

– Мне нужно подышать свежим воздухом.

Адрианна нахмурилась:

– Не знаю, можно ли тебе... Ты еще не оправилась от болезни.

Ну вот, началось! Похоже, ее решили держать взаперти, чтобы не сбежала. Что делать? Что делать? Что делать?! Олеся упрямо сжала губы и спросила в лоб:

– Вы собираетесь держать меня здесь под замком?

Адрианна, не ожидавшая такого напора, мотнула головой:

– Нет. Конечно, нет, милая... Но ты три дня лежала в лихорадке. И неизвестно, что с тобой случилось до этого. У тебя на спине и щеке раны. Ты не помнишь, как их получила?

Олеся нахмурилась. Некрасивый порез на щеке она увидела в зеркале. Но что произошло с ее спиной? Она не чувствовала боли или дискомфорта. Единственное, что она ощущала – страх. Страх из-за тех изменений, которые с ней произошли. Почему ее голос теперь звучит иначе? Когда волосы успели стать такими длинными? И каким образом один глаз поменял цвет? Адрианна снова погладила Олесю по руке.

– Мы с тобой обязательно сходим погулять. Давай вечером? Прогулка перед сном. Съездим в деревню, посмотрим, как местные готовятся к Проводам Старого года.

Глава 3

Если они действительно куда-то поедут, – это возможность сбежать. Может, удастся выпросить у кого-нибудь телефон и позвонить... А кому она позвонит? Не в компанию же, где работает, в самом деле! В полицию! Точно. Вот глупая дуреха. Полиция должна ведь помочь. Хотя, ее могут просто не принять всерьез. Уж не очень она верила в правоохранительные органы. Ладно, разберется на ходу.

– Хорошо, давай вечером.

– Замечательно! – Адрианна хлопнула в ладоши и поднялась. – Я сейчас пойду и проверю, как крепость готовят в гуляниях, а ты пока отдохни еще немного. Поспи. Лекарь сказал, что ты слишком слаба. А после я прикажу приготовить ванну. И служанки подберут кое-какие из моих платьев, которые тебе подойдут.

Олеся скептически осмотрела наряд Адрианны. Она согласна и на джинсы. Но чтобы не вызывать лишних подозрений, просто кивнула. Ей нужно спровадить Белоснежку, а самой внимательно все здесь изучить. А вдруг ее снимает скрытая камера? Ой, да и плевать. Это нормально, когда человек осматривает незнакомое место.

– Тогда я пошла. – Адрианна вдруг наклонилась и обняла Олеся. – Я так рада, что ты пришла в себя. Да еще и говоришь!.. Даже не представляю, как обрадуется Миклош. Это действительно чудо. Все, спи. К празднествам ты должна полностью выздороветь.

Адрианна подхватила поднос и выскользнула из комнаты. Олеся осталась в одиночестве, напряженно прислушиваясь, не повернется ли ключ в замке. Но нет. Дверь с тихим стуком закрылась. Шаги Адрианны становились все глуше. А у Олеся снова неприятно кольнуло в груди. Миклош... Кто он такой? И почему ей становится страшно, при одном только звуке его имени? Ах да, муж Маргит. То есть ее муж. Все, она окончательно запуталась. Либо ее действительно принимают за немую и, судя по разговорам, сумасшедшую женщину. Либо пытаются свести с ума.

Превозмогая слабость, Олеся снова выбралась из кровати. Она осталась одна, дверь не заперта. И если никто не караулит ее снаружи, то она может попытаться выбраться отсюда прямо сейчас. Но сначала нужно хорошенько осмотреться. Кажется, она переоценила свои возможности. Силы таяли. Ей было все тяжелее оставаться на ногах. Но если она позволит себе расслабиться, то возможно навсегда потеряет шанс сбежать отсюда. Олеся подошла к окну и выглянула. Что ж, похоже она действительно находится в крепости. Ей была видна квадратная белая башня с темно-красной крышей и узкими окошками. Все остальное пространство было занято густым хвойным лесом. Острроверхие макушки словно пики торчали из земли, укрытые толстым слоем снега. Наверное крепость располагалась в горах. И это вызвало еще больше вопросов. Возле города и близко не было никаких гор. Олеся прижалась лбом к прохладному стеклу. В какую передрыгу она умудрилась попасть? Почему накануне Нового года вместо чудес с ней случилось все это?! Предательство мужа, развод, проблемы на работе, психушка в чертовом замке. Нужно выбираться отсюда! Олеся резко отстранилась от окна. От неловкого движения спину прострелило болью. Как будто чьи-то острые когти прошли по коже. Олеся метнулась к зеркалу и обернулась. На тонкой белой ткани ночной рубашки, в которую она была одета, алели тонкие полоски крови. Олеся неловко стащила сорочку с одного плеча. На несколько секунд сердце перестало стучать. Кровь зашумела в ушах, и комната закружилась, будто была каруселью. Вдоль позвоночника тянулись три длинные уродливые отметины. Олеся дернула ткань еще ниже. Жуткие раны только начали затягиваться, но от резких движений края кое-где разошлись. Теперь из них сочились вишневые капельки крови. По спине растекалось горячее болезненное жжение. Ей нужны обезболивающие. Почему эти порезы никто не зашил? Ох, какая теперь разница?! Нужно убираться отсюда. Может, над ней вообще решили поставить

какой-нибудь эксперимент? Узнали, что она одинока. Искать ее никто не будет. И вот... Олеся потрясла головой. Нужно избавиться от этих мыслей, взять себя в руки и... Сделать хоть что-нибудь. Сперва она решила обследовать ящики комода. Если она хочет сбежать отсюда, то ей нужна теплая одежда. В комодке обнаружился еще десяток сорочек, что-то ужасно напоминающее корсет, бессчетное количество шерстяных гольф и... Кажется, это были плащи. Судя по капюшонам и теплой, бархатистой подкладке. Ладно, пока хватит и их. Олеся вытащила первые попавшиеся гольфы, плотные и черные, и натянула на ноги. Что ж, стоит признать, что если это и психушка, то к лечению пациентов здесь подходят со знанием дела. Гольфы оказались чулками. Они доставали до середины бедра и явно нуждались в подвязках. Если она еще и не чокнулась, то уже в шаге от этого. Неизвестность и абсурдность происходящего способны довести до потери рассудка. Олеся накинула на плечи плащ. Темно-зеленая ткань с вышитым переливающимися нитками цветочным узором, огромный капюшон, прорези для рук... Такую одежду можно было увидеть разве что в фильмах про принцесс и драконов. Лучше не думать, в какую передрыгу она попала. Сражаясь с усиливающейся болью в спине, Олеся осторожно открыла дверь и выглянула наружу. В коридоре никого не было. Тишина и все тот же сумрак. Олеся выскользнула из спальни и снова осмотрелась. Странно, почему у нее такое ощущение, что она уже здесь бывала? Не в тот раз, когда впервые пришла в себя, а еще раньше. В памяти вспыхивали мутные расплывчатые картинки, как она куда-то бежит по этому самому коридору. Повинуясь непонятно откуда взявшимся воспоминаниям, Олеся повернула влево. Медсестра, встреченная здесь, пришла с другой стороны. Но Олеся почему-то тянуло в совершенно другом направлении. Сейчас она дойдет до поворота и увидит там висящий на стене стяг – зеленый, немного выцветший, с изображением ворона. Олеся испугано вскрикнула, когда коридор изогнулся, и за поворотом действительно обнаружилось старое знамя. Откуда она могла это знать?! Олеся остановилась напротив потрепанного полотнища. Ворон держал в когтях вышитую серебряными нитками монету с каким-то странным символом. В его клюве было зажато что-то круглое. То ли ягода, то ли орех. Она всматривалась в изображение птицы, пытаясь понять что-то важное и совершенно забыв о своем замысле. Звук шагов и тихие голоса привели в чувство. Сейчас ее обнаружат! Олеся в панике огляделась. Ей нужно спрятаться, если не хочет быть запертой и обколотой наркотой. Или чем там умирят буйных беглецов. Дальше по коридору виднелось углубление. Олеся побежала к нему, волоча за собой тяжелый подол. Помимо воли она глазела по сторонам. В толстой стене еще одно маленькое окно, затянутое инеем. Огромная темная картина. Вот и ниша. В ней оказалась скрыта дверь. Без раздумий Олеся надавила на ручку и юркнула внутрь. Тихонько прикрыв дверь, она прислонилась к ней ухом и прислушалась. Голоса звучали глухо, но вполне отчетливо. Олеся опустила на колени и заглянула в замочную скважину. Туда-сюда мелькали длинные серые юбки – совсем как у той девицы, которая назвала Олеся «чудной». Девушки о чем-то переговаривались, но тяжелая дверь и стук собственного сердца в ушах мешали расслышать их речь. Похоже, они собирались наводить порядок. Несколько из них опустили на колени и принялись оттирать пол. Олеся едва не застонала от отчаяния. Вот же дура! Если бы не застряла у знамени с вороном, давно бы была далеко отсюда. А теперь... Оставалось надеяться, что девушки не зайдут в комнату. Спина вновь начала болеть. Стараясь не шуметь, Олеся тихонько выпрямилась и осмотрелась. Непонятно, сколько ей придется здесь находиться, и будет лучше, если она придумает, где спрятаться. На всякий случай. Что ж, стоит признать: она действительно попала в переделку. Это тоже была спальня. Только если она пришла в себя в нежном голубом облаке, то это был мрачный темный подвал. Стены обитые красно-коричневым деревом с вырезанными узорами. В небольшой нише расположилась узкая кровать, явно рассчитанная на одного человека. Олеся подошла ближе. Кровать стояла на возвышении! Чтобы взобраться на нее, нужно было подняться по двум ступенькам. Тяжелый парчовый полог был собран у резных столбиков. Насыщенно зеленый, с желтоватыми переливами. Из окон лился мутный серый свет. Какого

бы пациента здесь не держали, по статусу он был явно выше Маргит. И как ее угораздило? Нужно бежать... Бежать, пока не поздно. Пока у нее еще есть шанс. Олеся опасливо приблизилась к двери и заглянула в замочную скважину. Уборка была в самом разгаре. Ей не выйти. Придется переждать здесь. Ладно, ничего страшного. Адрианна нескоро ее хватится, уверенная, что Олеся спит. А значит, она действительно может отдохнуть. Только бы никто не зашел сюда. Нужно здесь все хорошенько осмотреть, но у нее больше не было сил. На Олеся навалилась жуткая слабость. Колени подгибались. Возле окна стояло кресло с высокой спинкой. Олеся опустилась в его мягкие объятия, подобрала под себя ноги и закуталась в плащ, как в одеяло. Она совсем немножко отдохнет, а потом снова... Веки сами собой опустились на глаза, и Олеся провалилась в сон.

* * *

– Габор!

Олеся вздрогнула и открыла глаза. Сердце бешено стучало в груди. Волосы прилипли к влажной коже. Где она?

– Выслушай же меня!

Знакомый голос. Олеся потерла глаза и огляделась. Воспоминания нахлынули шумным потоком. Вот черт! Она же пыталась сбежать. И уснула. В первой попавшейся комнате. А теперь здесь кто-то был.

– Я переживаю за Маргит! С ней случилось что-то ужасное.

Да это же Адрианна. Что она здесь делает? Она уже поняла, что Олеся сбежала или еще нет? Олеся сжалась в комок. От этого раны на спине обожгло огнем. Кажется, снова выступила кровь. Олеся закусила губу, чтобы не всхлипнуть от боли. Высокая широкая спинка кресла скрывала ее от Адрианны. Но кажется та была не одна. Уверенные шаги принадлежали ее молчаливому собеседнику. Если они не подойдут к окну, то не увидят ее. А значит, у Олеси будет шанс не только сбежать, но и подслушать разговор. Вдруг, они проговорятся о том, зачем она им нужна. Олеся замерла, боясь даже дышать.

– Габор!

– Чего ты от меня хочешь?

Олеся нахмурилась. Знакомый голос. Очень... Она его уже слышала. Кровь забурлила в венах.

– Чтобы ты во всем разобрался. Я нашла Маргит по дороге сюда. Она была вся в крови, едва не умирала. А когда пришла в себя, то заговорила! Это чудо, настоящий подарок. Но она ничего не помнит. Называет себя другим именем, выдумала какую-то страну. И глаза у нее стали разного цвета! Слуги уже начинают шептаться, что это происки демонов. Некоторые говорят, что она мечена Крампусом, и принесет крепости несчастье.

– Со слугами я разберусь. Но все остальное... Адрианна, Маргит – умалишенная. Это странно, что она до сих пор не кинулась ни на кого с ножом.

Одновременно знакомый и незнакомый голос повторял ее собственные мысли об этой загадочной девушке. Она действительно была сумасшедшей. Но больше Олеся пугало другое: Адрианна говорила так, словно... Словно все происходящее здесь совсем не часть лечебной терапии. И она не была похожа на обеспокоенную состояние пациента медсестру. В душу закралось дурное предчувствие. Мужской голос, низкий, красивый, но неумовимо жесткий прервал ее размышления:

– Я не хочу, чтобы ты общалась с ней. По крайней мере, не оставайся с ней наедине. Известно, что взбредет ей в голову.

– Как ты можешь так говорить?! Она – жена твоего брата. Часть нашей семьи.

– Миклош сам сделал свой выбор. Никто его не заставлял брать в жены чокнутую.

– Габор! Он же твой брат!

– Ну и что?

Чем больше он говорил, тем больше в Олесе разрасталась жгучая неприязнь. Очевидно, это еще один брат Адрианны. И очевидно, что он не очень-то жалуется бедную Маргит. А еще очевидно, что именно в его руках сосредоточена огромная власть. Олеся улавливала в его голосе приказные ноты. Это был человек, привыкший управлять и повелевать. Кого-то он ей напоминал. Но вот кого? Олеся напряженно вслушивалась в каждое словечко. Но все, что могла понять, лишь то, что эти люди действительно верят в то, о чем говорят. Крепость, демоны... Где она оказалась?!

Адрианна ходила из стороны в сторону. Ее легкие шаги и шелест подола по полу нервировали. А вдруг, она заглянет за кресло? Или решит присесть? Но Адрианна продолжала метаться по спальне, не приближаясь к окну.

– А еще она не помнит Миклоша. Как такое может быть?! Между ими точно что-то происходит. Когда я заговариваю о нем, у Маргит лицо меняется. Она сразу бледнеет и... Даже не знаю как сказать... В раковину прячется. И Миклош куда-то пропал. Я послала за ним, но слуги сказали, что он уехал. Мне кажется, они поссорились. Ты должен разобраться в этом.

– Может Миклош сам разберется со своей женой? Хотя бы это он должен сделать самостоятельно.

Послышался странный шорох, затем – лязг металла. Что-то тяжелое бросили на кровать. Олеся совсем перестала дышать.

Адрианна упрямо продолжала стоять на своем. И дался ей этот Миклош! Олеся начала раздражаться, как будто действительно была обиженной женой.

– Нет, не разберется. Я же вижу: что-то не так. Он до сих пор не приехал. А ведь с Маргит случилась такая беда. Он всегда был рядом, когда она заболела.

– Адрианна, чего ты хочешь?

– Ну хотя бы поговори с ними!

– О чем? Мне усадить их перед собой, как двух молодоженов и рассказать, что происходит в первую брачную ночь? – Олеся с трудом удержалась, чтобы не хихикнуть.

И вместе с тем она испытывала раздражение. Что-то в этом Габоре ее злило.

– Габор! Какой ты... жестокий! Ты просто обязан во всем разобраться. Поговори с Миклошем по-мужски. А я спрошу у Маргит. Может у них... Ну... определенные проблемы... и...

Олеся поняла, что Адрианна смущается. Наверное, она имела ввиду секс, и говорить с братом об этом ей было жутко стыдно. Боясь пошевелиться, она еще сильнее сжалась в комочек и наострила уши. Боль снова прострелила спину, но Олеся продолжала сидеть неподвижно, старая дышать как можно тише.

– Хорошо, я поговорю с ним.

– Ох, замечательно! Ты самый лучший брат на свете! Я всегда это знала. Теперь я могу спокойно готовить крепость к Проводам Старого года. Здесь столько всего нужно сделать. Ты превратил замок в мрачный склеп.

Снова шаги, шорох и скрежет металла.

– Ходят слухи, что нечисть разгулялась сильнее, чем обычно. Путешествие было опасным? – Голос Адрианны смягчился. В нем слышалась искренняя тревога.

– Ничего необычного. Пару раз кто-то мелькнул в лесу, но близко не подходил.

– Демоны? Крампусы?

– Не думаю, что это что-то серьезное. Не переживай.

– Как я могу не переживать? Ты опять ехал без охраны! И это ужасное нападение на Маргит. Я боюсь, что она тоже могла стать жертвой демона. Кто знает, что он с ней сделал! Она совсем не в себе.

– Адрианна, она всегда была не в себе.

Олеся насторожилась. Совершенно очевидно, что невидимый Габор недолюбливал Маргит. Наверное, она его раздражала своей болезнью. Но ведь вины девушки в этом не было. Неожиданно ей стало ужасно обидно за несчастную незнакомку. Обидно настолько, что захотелось выбраться из своего укрытия, взять что-нибудь тяжелое и как можно больнее ударить этого бесчувственного придурка по голове. Чтобы вставить мозги на место.

– Но теперь она говорит! И глаза... Ты бы видел. И она вовсе не похожа на сумасшедшую. Кажется вполне разумной, не считая своих фантазий о выдуманных странах...

– Что ж, либо она хорошо притворялась и умело провела нас всех, либо, – он издевательски хмыкнул, – свершилось долгожданное чудо.

– А что если слуги правы, и она действительно отмечена демоном?

Олеся даже предположить не могла, что это значит, но от того, каким тоном Адрианна задала непонятный вопрос, стало жутко.

– Я разберусь. Не оставайся с ней наедине. И это не просьба.

– Ты – мой брат, но приказывать мне не имеешь никакого права.

– Имею. И ты будешь меня слушаться. Либо я силой упрячу тебя туда, куда не доберется ни один демон.

– Это глупо!

Он ничего ей не ответил. Олеся сжала ладони в кулаки. Забота о семье не могла не вызвать уважение. Но его совершенное равнодушие к больной женщине, неспособной позаботиться о себе, выводило из себя. Да ей вообще какая разница, что у них тут происходит?! Нужно придумать, как выбраться из этой секты и бежать так далеко, как только сможет. От людей, которые всерьез рассуждают о демонах и разгуле нечисти, не следует ожидать ничего хорошего.

– Это не шутка, Адрианна.

– Но...

– Если ты не возражаешь, я бы хотел отдохнуть с дороги.

– Ты просто невыносим! Отдыхай. Но будь готов вечером сопровождать нас с Маргит на прогулке в деревню.

– Как скажешь, сестра. – В низком голосе в который уже раз звучала насмешка.

Олеся никак не могла вспомнить, где его слышала. Властный, не терпящий возражения тон, был ей знаком. Но было что-то еще. Мягкий раскатистый тембр, низкий, завораживающий, как тигриное урчание. Тело от него странным образом расслаблялось, и хотелось поджать пальцы на ногах. Олеся тут же себя отругала. Ну и глупости лезут в голову! Растаяла от мужского голоса, как девчонка. Тихий шорох платья и быстрые шаги. Открылась и закрылась дверь. Кажется, Адрианна ушла. Нужно выбраться. Но как? Пока ее братец здесь, у нее нет шансов. Что же делать? От попытки найти выход заболела голова.

Она не сразу поняла, что в комнате стало тихо. Не раздавалось ни звука. Может, этот Габор тоже ушел, а она не услышала? Олеся попробовала осторожно выглянуть из-за спинки кресла. В тот самый момент, когда она чуть наклонила голову, щеки коснулось холодное длинное лезвие. Сердце забилося как сумасшедшее. По спине побежала капелька пота, скатилась в длинную рану, и ту нещадно защидало. Холодный голос насмешливо произнес:

– Это подарок к моему возвращению?

Олеся выпрыгнула из кресла, удивляясь собственной скорости.

– Маргит? Что вы здесь делаете?

Она взглянула на брата Адрианны и перестала дышать. Напротив нее стоял ее ненавистный начальник. Или нет? На нем не было привычных очков. А в темных волосах таинственно мерцала серебристая седина. Щеки и подбородок покрывала темная щетина. Раньше ее никогда не было. Он опустил саблю, и Олеся только сейчас заметила его странную одежду. Длинный

кожаный плащ, черный жилет или сюртук, с бордовой вышивкой, черная рубашка. Десятки ремней, ножны и кажется даже старинный пистолет. Господи! Да он главарь всего этого маскарада.

– Это все вы! Вы притащили меня сюда! – Олеся бросилась на него, не обращая внимание на острие сабли.

Он быстро опустил оружие и удивленно поднял брови:

– Вы действительно можете говорить...

Олеся подскочила к нему и со всей силы ударила кулаком в плечо:

– Конечно, могу! И вы прекрасно знаете об этом! Что вы затеяли?! Зачем все это?!

Олеся колотила его по груди, стараясь ударить как можно сильнее, чтобы ощутил хоть толику тех мучений, которые пережила она. Лязг металла привел в чувство. Он отбросил оружие на пол и обхватил ладонями ее запястья. У него были обжигающе горячие руки. От прикосновения плавилась кожа и дрожали колени.

– Успокойтесь! – Он встряхнул ее, как тряпичную куклу, словно она ничего и не весила.

– Что здесь происходит? Я не собираюсь участвовать в вашей секте извращенцев. Верните меня обратно!

Олеся попыталась вырвать руки из его хватки, но он дернул ее на себя, прижимая к твердому телу.

– Тише, Маргит. Успокойтесь. Это же я... Я вас не обижу...

– Я не Маргит! И вы это знаете. Зачем этот спектакль?

Олеся сопротивлялась твердым объятиям. Из нее будто вытекали последние силы. Двигаться становилось все сложнее. Руки и ноги отяжелели. Она оказалась в клетке его рук и груди, прижатая к мягкой ткани и твердым мышцам под ней. Запах мороза, можжевельника и натуральной кожи. Он просочился в Олеся, смешиваясь с кровью. Она жадно втянула в себя еще и еще. Ничего лучше в жизни не ощущала. Как будто кто-то создал идеальный аромат мужчины. В голове словно мотыльки трепыхались слабые мысли: нужно остерегаться этого мужчины... Он задумал что-то плохое... И втянул в это ее... Но он так приятно пах. И был таким теплым. А она ужасно замерзла, сидя в дурацком кресле. Она вдохнет еще разочек, позволит дурману опутать ее изнутри легкой паутинкой. Олеся втянула в себя смесь пьянящих ароматов и тихонько застонала. Показалось, что кто-то накиннул ей на глаза темную повязку. Олеся почувствовала себя летящий в глубокий колодец, где кроме черноты и холода, ничего больше не было.

Глава 4

Габор успел подхватить Маргит, когда она неожиданно расслабилась и обмякла в его руках. Несколько мгновений он просто стоял, прижимая ее к себе. Понимал, что нужно отпустить, и не мог этого сделать. Она была такой мягкой и нежной. Когда бросилась на него с кулаками, ему пришлось остановить ее. От прикосновения к ее коже Габору показалось, что его хлещут мокрым кнутом. Какого дьявола?! Он и раньше касался Маргит: подавал ей руку, помогая выйти из кареты. Целовал ладонь. Когда она позволяла, конечно. Сумасшедшая девочка боялась всего и всех. В том числе и его. Так почему сейчас так внезапно осмелела? Осторожно подхватив Маргит на руки, он уложил ее на свою кровать. Ее голова была запрокинута, открывая незащищенную шею. Во рту пересохло. Ему хотелось снова прикоснуться к ней. Дотронуться до маленькой выемки между выступающими ключицами, а потом опуститься ниже. Габор тихо выругался.

Она была сумасшедшей. Чокнутой. И, получив возможность говорить, лишь доказала свое сумасшествие. Но что-то в ней изменилось. Он не знал что, не видел и не мог понять. Но она была совершенно другой. Может дело в том, что раньше она дрожала и забивалась в самый далекий угол, завидев кого-нибудь из людей? Сейчас же стала... дикой. Из робкой тихони Маргит превратилась в сумасшедшую дикарку.

Нужно было позвать врача, прислугу, Адрианну. Нужно было отнести ее в другую комнату. Нужно. Но он почему-то не мог. Стоял над ней, разглядывая спутавшиеся волосы и ссадины на лице. Внутри все перемешалось. Боль сконцентрировалась где-то в животе, оседая там неприятной тяжестью. Иногда он завидовал Миклошу. Брат был свободен в своей жизни. От него никогда и ничего не ждали. Ему не нужно было оправдывать ничьих надежд и нести ответственность за честь семьи. Но сейчас Габор понял, каким идиотом был.

Маргит тяжело дышала, раскинувшись на кровати. Полы плаща разошлись. Тонкая сорочка задралась, обнажая обтянутые чулками ноги. Нужно все-таки кого-то позвать. Нет. Позже. Наверное ее сумасшествие заразно. Потому что он протянул руку и коснулся ее колена. Пальцы сами скользили по ткани вверх. Он заставлял себя убрать руку, но не мог. Задирая рубашку, вел пальцем, пока не коснулся обнаженного бедра. Ее кожа была нежной. Гладкой. Обжигающе горячей. Его сжигали на костре. За все грехи. Пытался и не мог убрать руку. Хотелось прикоснуться к ней везде. Трогать, пока ладони не запомнят каждый изгиб. Чтобы даже в темноте различать все до одной впадинки ее тела.

За свою жизнь Габор натворил немало. Его наверняка проклял ни один десяток человек. И то, что он делал сейчас, – еще одна буква в его смертном приговоре. Но он не мог остановиться. Сумасшествие Маргит перекинулось и на него.

Габор отодвинул плащ, скрывающий ее тело. Тонкая белая материя сорочки обтягивала округлую маленькую грудь. Огонь теперь горел и внутри, пожирая его. Ее соски набухли, и были отчетливо видны. Он знал, что сделает через секунду: нагнется и втянет каждый в рот, чтобы знать, каковы они на вкус. Каково ощущать их языком.

Шум за дверью вовремя остановил. Он успел укрыть Маргит плащом. Не потому что боялся, что ее застанут в его спальне. А потому, что не хотел, чтобы кто-то кроме него видел ее такой.

С момента рождения Миклоша, он завидовал ему. Зря. Единственно важное и ценное в его жизни появилось три года назад. А Габор не разглядел. Не понял. Но сейчас твердо осознал: он хочет жену своего брата. Хочет себе. И обязательно получит.

Он заставил себя отойти дальше. За дверью продолжалась какая-то возня. Должно быть прислуга. Маргит застонала, и он резко обернулся к ней. Она нахмурилась, как будто спала и видела дурной сон. Как она здесь оказалась? Едва он вошел, сразу понял, что в покоях кто-

то есть. Во время приездов сестры ее служанки часто пытались пробраться в его спальню. Но он даже и предположить не мог, что это Маргит. Она изменилась. Стала совершенно другой. И дело даже не в голосе, о котором лучше не вспоминать. Мягкий и уверенный одновременно, немного охрипший. Он такой от природы? Или она сорвала его, крича под Миклошем? В животе заворочался клубок змей. Ревность подняла свою гадючью голову и впилась прямо в сердце. Это натуральный идиотизм, но невозможно было удержать сорвавшиеся с цепи мысли: кричать она должна только под ним. С Миклоша хватит и его любовников. Репутация семьи постоянно находится под угрозой.

Габор даже думать не хотел, что будет, если о пристрастиях брата станет известно. Пока Миклош тихо сидел в своем поместье и не высовывался, Габор был согласен закрывать глаза на его «увлечения».

Габор не удержался и снова подошел к Маргит, коснулся пальцами ее щеки. Миклош и так имеет слишком много, не приложив для этого никаких усилий. Он обойдется без Маргит. А Габор – нет. Она до безумия нужна ему. Так, что сводит мышцы. Если братец вздумает помешать, то Габор лишит его всего. Между ними никогда не было особых родственных чувств. Габор подозревал, что Миклош его всегда ненавидел. Впрочем, это Габор может пережить. И Маргит ему поможет...

Она стала совершенно другой. Еще одно чудо? Габор не смог сдержать усмешку. Только Адрианна могла придумать подобное объяснение. Но он докопается до истины. Раньше Маргит всех сторонилась. Особенно его. Опускала глаза, сутулилась и, бормоча что-то, уходила. Иногда она смотрела на него с ужасом, а затем прятала глаза и невнятно бубнила какую-то ерунду. А сегодня бросилась на саблю, пытаясь в чем-то обвинить. И такая она возбуждала его до дрожи.

Дверь распахнулась и в комнату снова влетела Адрианна. Габор едва успел отскочить от Маргит и закрыть ее своим телом. Сестра выглядела перепуганной до смерти.

– Маргит пропала! Ее нигде нет. Мы не можем найти...

Она заглянула ему за плечо. Габор беззвучно выругался, придумывая правдоподобную ложь.

– Я нашел ее в коридоре. Она лежала без сознания.

– О, бедная... – Адрианна опустила на кровать и коснулась ладонью лба Маргит. – Жара вроде бы нет. Нужно перенести ее обратно в спальню.

Габор подошел ближе и осторожно поднял Маргит с кровати. Внутри крепко чувство, что она находилась именно там, где и должна была. Но все же он заставил себя спросить:

– Где ты ее разместила?

– В голубой спальне. Надеюсь, ты не против?

Габор пожал плечами, стараясь сохранить невозмутимый вид. Адрианна сделала ему подарок. В северной башне было только две спальни – его и... Маргит. Когда приедет Миклош, Габор позаботится, чтобы брат оказался в противоположном конце замка.

– Нет, конечно, я не против. – Габор шел за Адрианной, стараясь не сжимать Маргит слишком сильно.

Она пахла невероятно. Чем-то цветочным и немного терпким. Мыло? Духи? Габор хотел вдыхать ее запах повсюду. Что с ним происходит?! Может, демоны и вправду наделили Маргит особой властью? И Габору предстоит стать ее первой жертвой. Но не раньше, чем она окажется в его постели. Впрочем, необязательно только в постели.

– Ты меня слушаешь? – Адрианна отворила дверь, пропуская его вперед.

Габор осторожно уложил Маргит на смятые простыни. Без нее в руках сразу стало холодно.

– Ты ни словечка не слышал, да?

Габор укрыв Маргит покрывалом и заставил себя отойти.

– Прости. Ты послала за врачом?

– Нет, он был уже несколько раз. Сказал, что это чудо – что Маргит осталась жива. Похоже, что несколько суток она провела на холоде. Да еще эти ужасные раны... Сказал, нам остается только молиться о чуде.

Что-то неприятно царапнуло в груди.

– Постой... Какие еще «ужасные раны»?

Адрианна замялась.

– У нее... на спине...

Габор быстро перевернул Маргит на живот и стащил плащ. Проклятье!

– Габор, нет! Это неприлично!

– Она истекает кровью.

Тонкая ткань пропиталась кровью и прилипла к коже. Неудивительно, что она упала в обморок.

– Пошли в деревню за Браженной.

– Нет. – Адрианна покачала головой. – Она – ведьма. И я не позволю ей приблизиться к нашей семье.

Габор начинал терять терпение.

– Лучше не зли меня, Адрианна.

– Если она принесет беды нашей семье, виноват будешь ты.

– Быстрее. – Он старался не кричать на сестру. Голос звучал жутким шипением.

Когда Адрианна, нахмурившись, вышла из спальни, Габор осторожно отлепил окровавленную ткань от спины Маргит. Длинные тонкие полосы лопнувшей кожи. Кое-где они затянулись, но в некоторых местах лопнули и сочились кровью. Он видел такие раны. Много раз. По спине Маргит прошелся чей-то кнут. И будь он проклят, если не найдет того, кто это сделал.

* * *

Это сон. Жуткий бесконечный сон. Из которого не вырваться. Олеся не спешила открывать глаза. Она уже знала, что увидит: покрытые резьбой столбики кровати, тяжелый полог, скрепленный шнурками, высокий, как небо, потолок над головой. Психушка? Секта? Параллельная реальность? Ловушка. Она оказалась в ловушке, из которой нет выхода. Под щекой была гладкая мягкая ткань наволочки – не сравнить с дешевым бельем, которое она едва теперь могла себе позволить. Почему бы не насладиться лишнюю минутку комфортом, прежде чем она предпримет очередную бесплодную попытку сбежать отсюда.

– Когда она придет в себя?

– Терпение, мой господарь, терпение...

Сон, как рукой сняло. Олеся прислушалась. Первый голос она узнала сразу же. Теперь не было никаких сомнений, что это ее чертов начальник. Или не он? Просто, кто-то очень похожий? Второй звучал тихо и надтреснуто. По-старушечьи.

– Она слишком долго без сознания.

– Тебя ведь не это волнует, господарь? Совсем не это...

Олеся напряглась. Она лежала на животе, а по измученной спине разливалась приятная прохлада. Раны немного жгло, и ужасно хотелось их почесать, но Олеся заставила себя оставаться неподвижной.

– Нет, это единственное, что сейчас важно. – Красивый уверенный голос.

Почему раньше она никогда не замечала, какой у подлеца бархатистый голос? Слушала бы и слушала.

Старуха рассмеялась.

– По деревне уже ползут слухи, что сумасшедшая Маргит может говорить... Что ее отметил демон... Возможно, сам Крампус...

Олеся не поняла ни одного словечка из сказанного. Вот только при слове «Крампус» в памяти вдруг мелькнула жуткая деревянная маска с рогами, бородой и высунутым алым языком. Она едва не передернулась от отвращения и страха.

– Никто ее не отмечал. Ты знаешь, что я делаю с теми, кто распускает язык. Не болтай глупостей.

Старуха рассмеялась. Как будто что-то трескалось и ломалось. Олеся задышала чаще от волнения.

– Всю деревню не вырежешь, господарь.

– Зачем же резать всех? Достаточно одного... Все остальные быстро поймут, что лучше молчать.

По коже Олеси прошел озноб. Эти люди всерьез говорили об... убийствах?

– Ты жесток, господарь. Хуже многих демонов. Хуже Крампуса.

– Ты здесь не для того, чтобы обсуждать мою жестокость.

Дыхание с хрипом вырвалось из горла. Олеся испугалась, что ее услышат. Кем бы ни был этот мужчина, но это точно не ее начальник. Тот мог оставить без отгула, премии или выбросить в мусорку весь ее труд. Но убивать людей... Голос старухи ворвался в страхи Олеси:

– Кроме излечения от немоты в ней еще что-то изменилось?

– Один глаз стал голубым.

– Хм... Странно...

Олеся очень хотела услышать объяснение невидимой старухи. Опять демоны? Или еще что-нибудь похлеще? Олеся едва не рассмеялась. К каким психам она попала? Или все гораздо хуже?

– А раньше какие были? – Медленные шаркающие шаги, и на Олеся повеяло запахом трав и чего-то еще... Пахло как в аптеке.

– Карие. – Все-таки у этого Габора очень красивый голос. По-настоящему мужской. Уверенный, властный, низкий и неуловимо бархатистый. Словно мягкая ткань ласкает тело.

Олеся вновь начала проваливаться в дрему, как вдруг чьи-то пальцы коснулись века и бесцеремонно его приподняли.

– Ай! – Олеся дернулась и попыталась взмахнуть руками.

– Тьфу ты! А госпожа-то уже очухалась!

Олеся проморгалась. Когда разглядела старуху, то от удивления раскрыла рот. Бабка была вся сморщенная, обмотанная в яркие цветастые тряпки. На голове и шее – платки с крошечными золотыми монетками и нитками бисера. С широкого кожаного пояса свисали какие-то странные мешочки и... меховой хвост. Олеся попробовала выбраться из-под груды одеял и отползти от странной старухи. На обнаженное плечо легла горячая мужская ладонь.

– Тише, Маргит. Вам нужно лежать неподвижно.

Олеся дернулась, но сильные пальцы лишь крепче сжали. От них по коже растекалось странное тепло, заставляющее все тело дрожать мелкой дрожью. Олеся подняла взгляд на высокого мужчину. Брат Адрианны. Или начальник. Нет, все-таки они отличаются друг от друга. Серебристая седина волос, внимательный прищур, морщины в уголках глаз. Он был похож на ястреба. Или на ворона. Длинный острый нос, выдающийся подбородок. От него словно исходили волны силы и властности. Уверенности. Олесе казалось, что он подчиняет ее себе одним только гипнотизирующим взглядом. Странное ощущение. Жуткое и пугающее. Будто она становится его послушной, на все согласной куклой. Как он скажет, так и будет. Так она и сделает. Помощь пришла с неожиданной стороны. Скрипучий голос вырвал из власти мужского взгляда:

– Хм... И вправду, разного цвета...

Старуха шагнула ближе, и на Олесю снова обрушился аптечно-травяной запах. Украшения на голове тихонько звякнули.

– Это не метка демона... Но я слышала о подобном...

Старуха подошла ближе к Олесе и сгорбилась, пристально глядя ей в глаза.

– Что это значит? – В голосе Габора слышалось нетерпение.

– Моя бабушка рассказывала... Когда в теле поселяется другая душа...

Олесю прошибло холодным потом. Что она несет?! Габор снова в упор посмотрел на Олесю. Ей захотелось укутаться с головой, чтобы спрятаться от его серо-голубых глаз.

Старуха хихикнула.

– Вот так вот! Тело одно, а душа – другая.

Олеся не могла понять, что это значит. Но точно что-то плохое. Иначе почему бабушка так злобно улыбается, а Габор сурово хмурится. Он встал между Олесей и старухой.

– Мне не нужны сказки твоей бабушки. А еще я не хочу слышать сплетни о том, что ты здесь видела. Иначе останешься не только без языка, но и без глаз. – Габор что-то вытащил из кармана, и Олеся успела заметить яркий золотой блеск. – Это тебе за труды. Тебя отвезут обратно. Скажешь, что я приказал.

Старуха поклонилась. Мешочки и хвост на ее поясе колыхнулись. Старческие глаза слезились, но Олеся смогла разглядеть в них любопытство и что-то еще... Как будто, она знала больше, чем говорила.

– Благодарю, господарь. Вы милостивы. – Старуха еще раз поклонилась, на этот раз Олесе. – Здоровы будьте, госпожа. Добром поминайте старую Бражену.

Олеся только кивнула, пытаясь справиться с потрясением. «Тело одно, а душа – другая». Что бабушка имела ввиду? Старуха зашаркала к двери и проворно нырнула в коридор. За окнами сгустились темные сумерки. Только сейчас Олеся заметила разожженный камин и несколько свечей. Осознание того, что она не в психушке, обрушилось холодной волной. И все эти люди... Они не сумасшедшие. Олесю затошнило.

– Вы должны лежать.

Брат Адрианны заботливо поправил подушку и коснулся ее плеча.

– Какое-то время придется спать на животе.

Олеся не хотела, чтобы он убирал ладонь. От его прикосновения по телу проходили волны жара. Олеся послушно лежала. В спальню вошла встревоженная Адрианна.

– Слава небесам, она ушла! Жуткая женщина. И как тебе могло прийти в голову ее позвать? – Адрианна отодвинула Габора в сторону и уселась на край кровати. – Как вы, милая? Она вас не обидела?

Олеся, как могла, покачала головой. И почему-то снова спросила:

– Где я нахожусь?

Адрианна гладила ее по голове, перебирая волосы. Чужие, не Олесиные! Олеся поняла, что плачет.

– Т-с-с... Тише... Не плачьте, милая... Вы в Дьекельни. И мы позаботимся о вас. Все будет хорошо, вот увидите.

Олеся знала, что ничего хорошо не будет. Она оказалась в странном непонятном месте. Среди людей, которые вовсе не были актерами или участниками какого-то жуткого шоу. И все, что с ней происходило, вправду. Олеся не могла остановить слезы. Они текли и текли, пока наволочка не стала мокрой. Лицо неприятно стянуло. Навалилась страшная усталость. Сквозь дымку до нее долетел ласковый голос Адрианны:

– Иди... А я с ней посижу... Это все из-за той ужасной женщины... Ты бы еще Крампуса сюда позвал...

Перед глазами Олеси вновь возникло безобразное лицо. На этот раз точно лицо. Не маска. Лицо, как древесная кора. Мерзкое, морщинистое. Из пасти выскальзывает раздвоенный язык. Существо шипит и смеется. За его спиной огромный короб, из которого доносится детский плач. Его уродливые пальцы покрыты редкой шерстью, а острые когти в грязи и, кажется, крови...

Он смеется и дергает за веревку, которая обвязана вокруг Олесиной шеи. Тащит ее за собой, смеется. А ребенок в коробе кричит и плачет, просит помощи.

Избавиться от веревки никак не получается. Она сдавливает шею, натирает кожу, перекрывает кислород. Но уродливое существо лишь смеется и тащит дальше. Через лес, по грязи, смешавшейся со снегом. И вот они уже в пещере. В мрачной и темной. Она едва освещена лунным светом. И слышно, как волны бьются о неприступные скалы. Чудище смотрит на Олесю и вдруг начинает стаскивать с себя лохмотья. Под бледной, покрытой струпами кожей, выпирают кости. И весь он оброс свалявшимся мехом. Олеся понимает, что остается один выход: прыжок со скалы. В черную бурлящую пучину.

Глава 5

Олеся проснулась от бешеных ударов сердца. Она попыталась отдышаться, убеждая себя, что это всего лишь сон. Просто яркий жуткий сон. Кошмар. Ужас. Она с трудом приподнялась и села. Одеядо свалилось на пол. Сорочка прилипла к мокрой от испарины коже. Спину слегка покалывало.

Олеся огляделась. Адрианны не было. Наверное, ушла ночью. Олеся осторожно выбралась из постели. Мозг никак не хотел принимать то, о чем твердила интуиция. Либо она в коме после аварии. Либо... Либо замок и все его обитатели – реальны. А она... Каким-то непостижимым образом оказалась в теле некой сумасшедшей Маргит. У Маргит длинные волосы, карие глаза, и она нема. У нее есть муж, которого она до безумия боится. У мужа есть переживающая обо всем на свете сестра. И брат... Олеся нахмурилась. Брат с внешностью ее бывшего начальника. Брат с чувственным низким голосом, от которого дрожат колени. Самоуверенный, властный, привыкший всеми командовать. Но такой мужественный. Олеся вспомнила, как он быстро убрал саблю, чтобы ее не поранить. Он явно умел обращаться с таким оружием. А она явно дура, если стоит посреди комнаты и вспоминает, как он классно выглядел в своей странной одежде.

Единственное, что ясно наверняка: у нее проблемы. Огромная куча проблем. Нужно... Нужно что-нибудь сделать. Олеся подошла к зеркалу и сняла сорочку. Раны на спине были покрыты какое-то мерзкой желтой пленкой, но уже не выглядели так страшно, как вчера. Наверное бабка с ее травами и впрямь помогла. Вот и замечательно! Теперь ей должно хватить сил на исследование замка. Ну или хотя бы на то, чтобы не уснуть в первой попавшейся комнате.

Нужно придумать, как вернуться обратно. В свою крошечную квартиру, к своему старенькому дивану и к своей скучной одинокой жизни. Но как это сделать? У нее ни денег, ни малейшего представления, где, а главное как она оказалась. И если это не выяснить, то она разделит с Маргит не только тело, но и сумасшествие. Так, стоп! О чем это она думает?! Нет-нет-нет. Это фантастика, и так не бывает. После ужасной аварии человек не может очнуться в странном замке в какой-то неизвестной науке стране. И в теле другой женщины. Пусть и похожей на Олеся, как две капли воды. За исключением волос. И глаз. Она хочет обратно свои голубые глаза! Но откуда-то Олеся знала, что привычный свой цвет они вернут лишь после ее возвращения домой. Значит, нужно понять, как это сделать.

А еще надо придумать, где раздобыть нормальную одежду. Не будет же она ходить в одной сорочке и чулках?! Ладно, сейчас и это сойдется. Олеся подтянула теплые черные чулки, сменила сорочку и надела плащ. В голове постепенно складывался план действий. Она все-таки должна постараться обследовать замок, понять, где он находится, и как отсюда незаметно выбраться. Может, получится подслушать еще какой-нибудь разговор? В прошлые разы ей ведь это удавалось. Да и узнала она много важного. Например то, что эти люди не прикидываются. И то, что они не пациенты клиники. И не врачи. Будь врачами, давно бы уже проговорились. Олеся изо всех сил запрещала себе верить в то, что каким-то непостижимым образом перенеслась в... в... Она даже не знала, как назвать это место. В другой мир, что ли?! То-то Дед Мороз на рекламном щите так ухмылялся. На виске забилась жилка. Все. Больше она об этом не думает. Главное – найти способ вернуться домой. А чтобы это сделать она должна изучить замок, его обитателей и не забыть сделать вид, что она действительно Маргит. Надо бы привыкать держать язык за зубами. И так кучу внимания к себе умудрилась привлечь. По словам Адрианны слуги уже шепчутся о ее чудесном исцелении. В средневековье за такие фокусы ее бы давно уже сожгли на костре. Оставалось надеяться, что здесь законы помягче, и помалкивать. Она немая сумасшедшая девушка, которая всего боится и шарахается от собственной

тени. А вдруг Маргит сейчас оказалась в Олесином мире и вовсю хозяйничает в ее теле? Не-е-ет. Об этом она тоже не будет думать. Сейчас она отправляется на разведку.

В этот раз она будет осторожнее. Олеся заглянула в замочную скважину. Никого. Она тихонько повернула ручку двери и вышла наружу. Холод пробирался под одежду. Она осталась без обуви, в тонкой ночнушке и плаще, у которого даже не было рукавов! Олеся поежилась и осмотрелась. В одну сторону она уже ходила. Там оказалась спальня загадочного Габора. Значит, сегодня нужно идти в другую. Олеся на цыпочках пробежала до конца коридора. Она не будет останавливаться, чтобы полюбоваться на гобелен или картину, или... Олеся замерла возле ряда развешанных на стене... топоров? Она имела слабое представление об оружии, но это выглядело опасным. И судя по царапинам на блестящих лезвиях, ими много пользовались. Так, все, хватит. Олеся тихонько пробиралась по темному коридору. Все одно и то же. Толстые стены. Полукруглые окна. Гобелены. Картины. Оружие. Гобелены. Картины. Оружие. Гобелены. Оружие. Оружие. Много оружия. Они тут что, готовятся к войне? Коридоры казались бесконечными. Они куда-то поворачивали, и Олеся то и дело натывалась на двери. Их тоже было не сосчитать. И самые разные. Обычные, покрытые белой краской. Тяжелые и высокие, из толстого дерева с искусной резьбой. На одной из дверей Олеся разглядела точно таких же драконов, которые карабкались по столбикам ее кровати. Ох, она уже считает кровать своей! Дурочка. Точно сойдет тут с ума. Олеся вдруг остановилась, словно уперлась в невидимую стену. Еще одна стена с коллекцией оружия. Его хватило бы на маленькую армию. На маленькую средневековую армию. Олеся подошла ближе, встала на цыпочки и потянулась к одному из кинжалов. Он не был самым красивым из всех. В отличие от украшенных сияющими камнями и гравировкой собратьев, этот казался невзрачным. Но у него было раздвоенное лезвие. И рукоятка в форме дракона. Олеся не совсем подозревала, как им пользоваться, но все же лучше, чем ничего. Только куда его спрятать? Олеся вспомнила многочисленные фильмы и любовные романы, которыми раньше зачитывалась. Там героини всегда прятали оружие в чулки. Чем она хуже? Кинжал есть, чулки тоже имеются. Олеся воровато огляделась, удостоверилась, что в коридоре пусто, и быстро задрала подол. Оттянула резинку чулка и осторожно, чтобы не пораниться, сунула туда раздвоенное лезвие кинжала.

Так, в фильмах точно показывают неправду. Под весом кинжала чулок скатывался вниз. А лезвие неприятно царапало кожу. Те, кто пишут об этом в книгах, точно не пробовали ходить с холодным оружием. Олеся останавливалась каждые две минуты и подтягивала сползающий чулок. Любовные романы официально заклеили себя несостоятельными. Нужно было читать фантастику. Знала бы, что теперь делать в такой ситуации...

Наконец, она дошла до узкого пролета лестницы. Вокруг было тихо, и Олеся рискнула спуститься вниз. Наверное, она все-таки пропустила какой-то важный поворот. Потому что сейчас оказалась в небольшом помещении с низким потолком и арочными сводами. По воздуху плыл такой чудесный аромат, что у Олеси громко заурчало в животе. Во рту выступила слюна. Олеся так увлеклась борьбой с собственным голодом, что не сразу расслышала голоса. Спрятавшись в крошечной нише, она осторожно выглянула наружу. Ага, кажется, это кухня... Обычная такая средневековая действующая кухня. Пора признаться самой себе. Она попала. Попала в самую настоящую жо...

– Про болезную-то нашу слыхала?

Олеся не успела додумать мысль и наострила уши.

– А что с ней?

– Мне тут конюх рассказал, что вчера из деревни к ней саму Бражену привозили!

– Ведьму эту?!

– Да-а-а... Видать, совсем дело плохо. Помяните мое слово: натерпимся еще. Зуб даю, демон ее отметил. Сейчас он выжидает, а потом явится к ней и прикажет нас всех извести.

– Что ты такое болтаешь, дура?

– А что? Разве я не права?
– У отмеченных демоном есть какой-нибудь знак на теле. Его печать. У госпожи такого нет.

– Ну и гусыня же ты! А глаза ее видала?
– А что с глазами не так?
– А то, что разного цвета у нее они! А раньше одного были. И нашла ее госпожа Адрианна на дороге возле Тщемного леса. А там до сих пор демоны обитают.

– Не болтай глупости.
– Не глупости это вовсе!
– С госпожой приключилась беда. Она и так страдает. А теперь еще и это...
– Жалей-жалей ее. Вот прикажет ей Крампус всех нас убить, она с тебя и начнет.
– Мы все под защитой господаря. Никто на крепость напасть не сможет.
– Так она с господаря и начнет.
– Что ты такое говоришь, глупая?!
– Ой, да ты ж влюблена в него, как я забыла... Ха-ха... Зря надеешься, Фиданка. Он о твоём существовании и не подозревает. А вот болезную госпожу на руках нес. Я сама видала. Вчера.

– Как – нес?
– А вот так. Она чувств лишилась, а он ее нес. Я полы чистила как раз. Там такая кутерьма поднялась. Он ее к себе прижимает, а она едва дышит. А может прикинулась просто. Одного мужика знатного схватила, теперь хочет и другого. Демонская прислужница!

Олеся закусил губу. Вот, значит, что о ней думают. Точнее, о Маргит. Никакого сочувствия к больной девушке. Она им сейчас устроит! Суровый голос заставил ее замереть на месте:

– Вы что тут раскудахтались, курицы?! Хотите оказаться на улице? А ну немедленно принялись за работу. Иначе я вас сейчас старой метлой отхожу!

Олеся совсем вжалась в нишу, когда рядом раздался шепот двух болтливых служанок.

– Не зли старуху. Ты уедешь с госпожой Адрианной, а мне тут еще работать.

– Может и не уеду.

– О чем это ты?

– Да так...

– Ой, постой... Ты что же, надеешься, что поступишь в услужение к нашему господарю?

Олеся едва ли не слилась с каменной стеной. Девушки были где-то рядом. Если они ее застукают, то популярности ей это не прибавит. Ох, не о том она думает. Олеся снова вся обратилась в слух.

– Может, и поступлю.

– Гусыня ты глупая. Он всех влюбленных в него дур отправляет обратно в деревню. Наш господарь выберет жену под стать себе. Да и любовницу тоже. Красивую. Аристократку. С манерами.

– Но Маргит же смогла окрутить господаря Миклоша.

– Господарь Миклош – это тебе не мой хозяин. Его какая-то несчастная девица не проймет. Ох, Фиданка, ну и дура ты.

– Вы опять болтаете? Сплетни разносите, гадины такие?!

– Мы работаем... Работаем!

Шарканье ног раздалось совсем рядом. Олеся бросило в жар. Если ее застанут здесь, то ей конец. Хотя, почему конец? Она всегда может прикинуться невменяемой. Наверняка они все привыкли к причудам Маргит. Олеся прилипла к стене, боясь дышать. Две девушки в одинаковых серых платьях вышли из кухни и поспешили в другую сторону. Олеся видела лишь спины, но все равно внимательно разглядывала сплетниц. Она, конечно, может узнать их по

голосам, но все же лучше иметь особые приметы. Она еще покажет им «болезную»! Прежде чем найдет способ вернуться домой, обязательно разберется со сплетницами.

Когда обе ушли, Олеся выглянула из своего укрытия. Впереди еще один коридор с низким потолком. Но на этот раз широкий, с огромным количеством дверей и самыми настоящими факелами на стенах. Олеся быстро выбежала из ниши и осмотрелась. На небольшой деревянной двери был вырезан уже знакомый дракон. Ладно, если уж это существо везде ей попадается, то она начнет именно отсюда. Олеся осторожно потянула на себя тяжеленную дверь. Ее тут же окружил холод. Морозный воздух рвался из незнакомого помещения, но Олеся все равно юркнула внутрь. Она оказалась в просторной галерее с рядами каменных колонн, обвитых хвостатыми драконами. На их крыльях висели острые сосульки, которые матово переливались. Казалось, что драконы шевелятся. Олеся подбежала к перилам. Морозная стужа пробралась в кости. Олесе показалось, что она умрет от холода. Превратится в окоченевший труп и рассыплется на миллиарды осколков. Но то, что она увидела, заморозило все нутро. Даже душу. Страх забился в горле. Забывшись, Олеся положила ладони на каменные перила. Кожу обожгло. Но она продолжала держаться за покрытый инеем и снегом камень. Крепость словно парила в облаках, разрезая небеса на части. Лес, который она увидела раньше из окна, оказался самым настоящим морем из хвойных макушек. Кое-где в этом море обнаруживались островки – крошечные домики, похожие на иллюстрации к сказкам. Почему-то Олесе казалось, что в них могли жить самые настоящие ведьмы. Избы для старух, задумавших недоброе.

Но хуже всего был шум бьющихся о скалы волн. Как в ее сне... Замок стоял на скале. Вместо пещеры – каменная твердыня, из которой не выбраться. Дрожь холода и страха сотрясла все тело. Куда ей идти? Отсюда не сбежать так просто. Отсюда вообще не уйти. Она ведь даже не знает, как сюда попала. Олеся поняла, что плачет. Слезы текли по щекам, превращаясь в ледяные ручьи. Кожу кололо иглами. Где та дорога, на которой ее подобрала Адрианна? А старик?! Она ведь приходила в себя в избе какого-то старика. Может... может один из тех домишек принадлежит ему? Если Олеся его найдет, то сможет выяснить, как сюда попала. Ей нужно в деревню. Выбраться из замка и отыскать дом деда. Она точно помнила, что он притащил ее на дорогу и бросил там. Уж ему точно известно, как она тут очутилась. Олеся отерла слезы, успевшие превратиться в лед.

Порыв ветра набросился на нее с новой силой. Олеся едва устояла. Если у нее еще и оставались какие-то сомнения, где она оказалась, то они полностью развеялись. Сопrotивляясь урагану, на волнах качался корабль. Даже отсюда Олеся могла разглядеть его форму и собранные паруса. Мачта и какая-то фигура на носу.

Едва шевеля, окоченевшими ногами, Олеся отвернулась. Тело превратилось в кусок льда. Она даже не поняла, насколько сильно замерзла. Ступни и ладони примерзли к полу. Но ноги защищали плотные чулки. А ладони... Олеся дернула руки, обдирая кожу. Какая разница, сколько еще кровоточащих ран она получит? Какая вообще разница?

С трудом передвигаясь, Олеся пошла вдоль балкона. Справа была еще одна дверь. Чуть дальше – еще. Если она сейчас же не уйдет с этого холода, то превратится в кусок льда. Неожиданно одна из дверей отлетела в сторону, гулко стукнулась о стену. Пятясь из темного проема вышел Габор. Олеся замерла. В руке он сжимал саблю. Волосы растрепались. Полы длинного плаща с прорезями для рук обвивались вокруг его ног. Вслед за Габором вышел еще один человек. У него тоже была сабля, и он был почти так же высок, как Габор, но гораздо мощнее. Он наступал на Габора и довольно улыбался. Секунда, и морозная тишина рассыпалась градом осколков. Два изогнутых лезвия встретились друг с другом. Раздался такой звон, что у Олеси едва не заложило уши. Она и так уже едва соображала от холода. Еще и этот лязг. Мужчины сражались, как одержимые. Они с такой скоростью перемещались, размахивая оружием, что превращались в размытые пятна. Олеся различала лишь движение двух ярких мазков – их плащей. Отражая один из ударов, Габор вдруг повернулся к ней лицом.

Заметил... Он удивленно замер. Его противник воспользовался заминкой и выбил саблю из рук. Он уже потянулся, чтобы приставить свое оружие к шее Габора, но тот в каком-то фантастическом рывке отскочил в сторону и одним ударом отправил мужчину на холодный пол. Габор тут же бросился к ней:

– Маргит, что вы здесь делаете?

Олеся попыталась открыть рот, но так замерзла, что приросла к месту. Она даже языком не могла пошевелить. Второй мужчина тоже ее увидел. Он стремительно поднялся и поклонился:

– Госпожа Маргит?..

Габор его прервал:

– Найди кого-нибудь из слуг и прикажи подать горячее питье. Она замерзла. – Он стащил свой красивый плащ и укутал им Олеся.

Тут же стало теплее. Терпкий мужской запах, еще более ощутимый на морозе, коварно заполз в легкие.

– Что она здесь делает?

– Живо давай!

Мужчина тут же исчез, а Габор коснулся ладоней Олеся. Она вздрогнула от легкой боли. Он заметил и тут же взглянул на ее руки.

– Что произошло?

Олеся и хотела бы ответить, но по-прежнему не могла выдавить из себя ни слова. Габор вдруг поднял ее на руки и прижал к себе. Ее замерзшее тело жадно прижалось к его, сильному и разгоряченному схваткой. Он занес ее в очередной темный зал. Но Олеся так замерзла, что даже не могла повернуть голову и рассмотреть. Она сжалась в руках Габора, стараясь сохранить каждую капельку тепла.

– Сейчас мы вас согреем. Зачем вы вышли на мороз?

Она все-таки смогла прошептать. Зубы стучали, выбивая жуткий ритм.

– Я... г-гулял-ла... х-хо-т-тела... п-по-с-смо-т-треть з-замок...

Как же он приятно пах. Так по-мужски, естественно. От мужа так не пахло никогда. А еще у Габора была очень широкая грудь. Олеся пыталась украдкой прижаться к нему еще сильнее. В конце концов, она жутко замерзла. А он такой теплый. Даже горячий. Она не заметила, как тепло его тела начало проникать в нее. Теперь это был жар. Габор горел. Может, у него лихорадка?

– Ну и как? Посмотрели?

Его голос звучал над головой, и казалось, тоже согревал. Кончики пальцев начало покалывать. Интересно, это будет слишком ужасно, если она положит голову ему на плечо и обнимет за шею? Да, пожалуй, слишком.

– Н-нет... Тут... с-сплош-н-ные коридоры... – Холод уходил, и ей удалось выговорить несколько слов без зубного стука. – Н-не пред-став-вляю, как в-вы тут не теряетесь...

Рука Габора, поддерживающая ее спину, напряглась. Он сжал ее крепче. Она что, такая тяжелая? Или он уже устал? Олеся не знала, что и думать. Она должна искать выход из замка, планировать побег, а вместо этого... Вместо этого мечтает, чтобы хозяин этого замка не выпускал ее из рук. Она все-таки решила рискнуть. Положила голову ему на плечо и прикрыла глаза. Пусть думает, что она устала. Тело оттаивало, согревалось, и теперь она могла ощущать, насколько горячим и твердым был Габор. Как нагретый солнцем камень.

Неожиданно он отпустил ее, усаживая на что-то мягкое. Олеся не смогла сдержать стон разочарования. Габор тут же опустил перед ней на колени:

– Я задел ваши раны?

Была не была! Рядом с ним она совершенно теряла здравомыслие. И даже внешнее сходство с ненавистным начальником, не мешало плавиться от его рук. Встревоженный взгляд

Габора немного отрезвил. Она должна искать способ вернуться домой, а не... не пытаться ему понравиться! Но что-то в нем задевало ее. Олеся просто не могла сопротивляться его притяжению. И чем она хуже влюбленной сплетницы Фиданки и ее подружки?

– Маргит, где болит? Не молчите!

Габор сидел перед ней на коленях и пристально всматривался в ее лицо. Что бы такое придумать, чтоб он снова ее обнял?

– Ничего не болит... Просто холодно очень...

Для убедительности они тяжело вздохнула и обняла себя ранеными руками. Габор тут же начал растирать ее плечи.

– Кто надоумил вас бродить там да еще и голышом?

Олеся возмущенно вскинула голову:

– Я не голышом!

– На вас сорочка и чулки – это и называется «голышом». – Он опустил взгляд на ее ступни, а затем обхватил горячими ладонями, поставил себе на колени и принялся растирать.

По коже тут же побежали мурашки от приятных сладких ощущений. Забыв обо всем на свете, Олеся рассматривала Габора. Сначала он показался ей старше. Но ему, наверное, нет и сорока. Все дело в серебристой седине, придающей удивительный пепельный оттенок его волосам. Густая щетина тоже не молодила. Но она создавала вокруг него дымку загадочности. И этот прищур глаз с глубокими морщинами в уголках. Как будто он что-то задумал. Знал какую-то тайну и скрывал ее ото всех. Габор явно повидал в своей жизни многое. И никакими Олесями его не удивишь. Она, увы, не красавица. Наверняка, у него было много женщин. Но кто ей мешает хотя бы попытаться? И опять она забыла о своей цели.

Олеся печально вздохнула. Либо Габор, либо побег.

– Больше никакой одежды не было.

Габор поднял на нее глаза. Его взгляд медленно скользнул по ее лицу, шее, а затем остановился на груди. Дышать почему-то стало тяжело. Холод окончательно исчез. Его выгнал опаленный жар. Глаза Габора потемнели. Олеся видела, как он сглотнул, как судорожно дернулся его кадык. Она опустила голову, пытаясь понять, что вызвало такую реакцию. К щекам тут же прилила кровь. От холода ее соски набухли и натянули тонкую ткань. Можно было даже разглядеть их цвет. А от взгляда Габора стало только хуже. Они казались крупнее, выделяясь на фоне бледной груди. Черт! Видны были даже темно-розовые ареолы.

Олеся попыталась запахнуть на груди свой собственный плащ и накидку Габора. Он ответил ей тяжелым взглядом. Будто... Будто был недоволен, что она укуталась. Ругая себя, на чем свет стоит, Олеся еще сильнее стянула полы на груди. Этот Габор ее отвлекает!

Неожиданно в зал вошла девушка в простом сером платье с тяжелым подносом в руках. Олеся встретила с ней взглядом. В глазах незнакомки полыхнула такая лютая ненависть, что Олеся удивилась, как не сгорела заживо.

Девушка присела в поклоне:

– Вот, господарь Габор. Господарь Драган сказал, вы просили горячее.

Олеся узнала голос. Та самая Фиданка, влюбленная в Габора и мечтающая повторить успех Маргит.

– Спасибо. Ступай.

Габор даже не взглянул на нее. Служанка не желала униматься:

– Что-то еще, господарь?

От Олеси не ускользнуло, с каким раздражением Габор повернулся к Фиданке:

– Больше ничего не нужно.

И с нажимом повторил:

– Ступай.

Глаза девицы недовольно сверкнули. Олеся закусил губу. Ох, и добавит же она ей неприятностей. А у нее и так проблем полно. Таких «Фиданок» в их компании было полно. Закладывали друг друга ради повышения и прибавки к зарплате. Олеся удивлялась, как им хватает времени на сплетни и на работу. Фиданка присела в поклоне:

– Как прикажете, господарь.

Она скользнула по Олеся ненавидящим взглядом и, развернувшись, вышла.

Олеся перевела взгляд на Габора, по-прежнему сидящего у ее ног.

– Я ей не нравлюсь.

Он удивленно поднял брови:

– Кому?

– Фиданке.

Габор взял с подноса серебряный бокал, над которым вился едва заметный парок.

– Кто это?

Олеся едва сдержала улыбку. Получила, мерзкая сплетница? Он даже не знает ее имени.

– Служанка. Которая сейчас была здесь.

Габор выглядел удивленным. Он протянул ей бокал.

– Выпейте. Это поможет согреться.

Олеся взяла из рук Габора бокал, намеренно коснувшись его пальцев своими. Он ответил ей тяжелым пристальным взглядом, от которого внутри вспыхнул огонь. Олеся отдернула пальцы. Она точно что-то делает неправильно.

– Горячо...

Габор поднялся на колени, став почти вровень с ее головой. Он осторожно поднес к ее губам бокал:

– Пейте.

Олеся вдохнула пряный запах и несмело сделала глоток. Подогретое вино обжигающей лаской скользнуло на язык. В голове тут же зашумело. Горячее вино на пустой желудок – не самое разумное, из всего, что она успела натворить. Габор снова прижал бокал к ее губам:

– Пейте еще.

Олеся покачала головой:

– Я так слишком быстро опьянею.

«И начну вешать тебе на шею». Но это она, конечно, вслух не произнесла.

– Проклятье! Вы что, не завтракали?

Олеся снова покачала головой. Габор сжал губы. Его лицо стало жестким. Опасным... Он был очень опасным человеком. Откуда-то Олеся это знала. Чувствовала. Он мог быть сколько угодно до скрежета зубов воспитанным аристократом. Но под налетом этой воспитанности была опасность. Наверное, Олеся и впрямь чокнулась, но ее это притягивало. Он был сильным мужчиной. Способным постоять за себя и за своих родных. Если он был похож на ее шефа не только внешне, то на его совести тоже были темные делишки. Многие в офисе шептались о том, что когда-то он занимался не самой законной деятельностью. Габор такой же? Олеся казалось, что да. Но не смотря на это в нем чувствовалась мощь.

Габор потянулся, чтобы отставить бокал. Олеся жадно следила за его мощным телом. Он двигался легко, плавно, но очень уверенно. Каждое движение отточено до совершенства. Ничего лишнего. Олеся осмелилась спросить:

– Почему вы дрались с тем мужчиной?

Он встал с пола, нависнув над ней скалой. Какой же все-таки высокий...

– Мы не дрались. Мы тренировались. – Он прищурился. – Вы не помните его?

Олеся пожала плечами:

– Почему я должна его помнить? Я его впервые вижу.

Ой, черт! Кажется она ляпнула что-то не то. Маргит ведь его наверняка знала. Ну а ей что делать? Она видит их впервые. Может, удастся убедить всех, что ей капитально отшибло память?

– Это Драган – муж Адрианны.

– О-о-о...

Олеся неловко поерзала. Габор буквально прожигал ее пристальным взглядом. Олеся попыталась улыбнуться:

– Ваш родственник?

– И ваш тоже.

Олеся закусила губу. Конечно, теперь и ее. Габор наклонил голову. Его взгляд был острее ножа. Теперь Олеся знала, как себя чувствуют несчастные лягушки, которых препарируют во имя науки. Габор взял Олеся за руку, заставляя встать с кушетки:

– Вы не помните Драгана, но помните какую-то служанку... Как такое может быть?

Так вот что ему показалось странным! Внимательный черт. Наверное, она ошиблась в нем. Такой же гад, как и ее шеф.

– А я и ее не помню. Я ее увидела, когда заблудилась.

Секунду подумав, Олеся добавила:

– На самом деле, я нечаянно услышала ее разговор с другой служанкой...

Габор улыбнулся уголком рта:

– Они обсуждали что-то интересное?

Габор все еще сжимал ее руку, и это мешало Олесе соображать.

– Они обсуждали меня.

– Что же они говорили?

– Что меня отметил демон... Какой-то Крампус... И что я всех погублю в замке. И начну с вас...

Рука Габора скользнула по ее бедру. Что он делает? Неужели догадался о ее тайных фантазиях? Олеся тяжело выдохнула. К щекам прилила кровь. От одного, едва заметного, невесомого прикосновения ее бросает в жар. Это плохо. Это очень-очень плохо. Пока она пыталась выровнять дыхание, Габор снова легко поднял ее на руки.

– Раз так, то мне стоит быть осторожнее с вами, Маргит.

Олеся позволила себе обнять Габора за плечи. Они были сильными и широкими. Под богатой тканью чувствовалась мощь мышц.

– Вы тоже в это верите? Что со мной что-то не так?..

Он понес ее прочь из зала, который Олеся так и не рассмотрела, увлеченная братом Адрианны.

– На вас кто-то напал, Маргит. Вы оказались далеко от дома. Адрианна рассказала, что нашла вас по дороге сюда. Вы точно ничего не помните?

Она помнила прекрасно. Как выходила с работы. Как остановилась у рекламного щита, загадывая желание. Как ее сбила машина. Но вряд ли Габор спрашивал об этом. Он повернул к ней голову. Олеси коснулось теплое дыхание.

– Не врите мне, Маргит. Я здесь хозяин и выясню все, что вы надумаете скрыть. Я знаю обо всем, что здесь происходит.

Олеся поежилась в его объятиях, почувствовав себя неуютно под пронизательным взглядом.

– Я ничего не помню.

– Совсем?

Он начал ее раздражать. Олеся попробовала вырваться из его рук.

– Отпустите меня! Немедленно!

– Угломнитесь. – Он крепче сжал ее. – Хватит вырываться.

– Я же сказала: отпустите!

– Вы раздеты, а здесь холодно...

Олеся бесцеремонно перебила его:

– А вам разве не все равно? Вам же лучше, если я умру.

Габор тряхнул ее:

– Что вы несете?!

– А вы что, не боитесь, что я приведу сюда демонов и всех убью? Не боитесь стать моей жертвой? Конечно же я скрываю от вас кучу всего. – Олеся продолжила вырываться из его хватки. – Да отпустите же меня!

– Успокойтесь!

Габор обладал колоссальной силой. Как бы Олеся ни пыталась вырваться, он все равно не выпускал ее. Она извивалась змеей, но все, чего добилась – Габор крепче прижал ее к себе. Олесе все же удалось извернуться и выскользнуть из его рук, но Габор успел ее перехватить, удержав за бедра. Обжигающая ладонь скользнула по коже, сминая сорочку. Олеся сжала губы, чтобы не застонать от горячей истомы, разлившейся по венам. Габор прищурился:

– А это еще что?

Он прижимал ее одной рукой, а вторую поднес к своему лицу. Олеся увидела знакомый кинжал. Наверное, этот гад нащупал его, пока она пыталась выскользнуть.

– А вы не знаете? – Олеся тяжело дышала. Волосы прилипли к коже. – Это кинжал.

Он нагло ухмыльнулся:

– И кого вы надумали им убить?

Олеся уперлась ладонями в его крепкую грудь. Под пальцами ощущались крепкие мышцы груди. Четкие рельефные линии, скрытые гладкой тканью. Жар его кожи просачивался в ладони. Олеся задрала голову, чтобы смотреть ему в глаза.

– Я надумала им защищаться.

Габор удивился:

– От кого же?

– Для начала от ваших мерзких служанок. Кто знает, что ей взбредет голову, чтобы защитить вас от меня?

Габор свел на переносице широкие брови:

– Если вас это так волнует, то она здесь больше не работает.

У Олеси отвисла челюсть? Вот так просто? Одно ее слово, и он готов выгнать девушку на улицу? Это какая-то проверка? Она пыталась понять, что Габор задумал, но по его лицу совершенно невозможно было что-либо прочесть.

– Вы серьезно? И куда она пойдет?

Габор пожал плечами:

– Это уже не мои проблемы. Если бы хотела здесь работать, не распускала бы язык.

Олеся онемела от возмущения.

– Это просто уму непостижимо. – Она снова попыталась отодвинуться. – Да отпустите же вы меня!

Как пресловутый уж, оказавшийся на сковороде, Олеся извивалась в его руках, злясь на саму себя.

– Успокойтесь, Маргит!

Габор встряхнул Олесю и, обвив сильной рукой ее талию, прижал к себе. Она постаралась отодвинуться в бесплодной попытке противостоять его притяжению. Габор следил за ней внимательным взглядом, пристально всматриваясь в лицо. По коже снова побежали мурашки. Олеся тяжело вздохнула, опять попадая под власть его глаз. Габор прищурился:

– Что же вы скрываете?..

Во рту пересохло. Едва ворочая неповоротливым языком, Олеся прохрипела не своим голосом:

– Ничего.

– Вы изменились.

Габор ласково коснулся шершавым пальцем ее щеки. От этого прикосновения, такого простого, Олеся показало, что через нее пропустили ток.

Внутри зрело странное ощущение, что происходящее между ними недопустимо. Что он не должен удерживать ее вот так, прижимая к своему животу, а тем более – ласкать.

Но оказавшись в шаге от смерти, Олеся готова была нарушить все запреты. Что бы там ни подсказывал неизвестно откуда взявшийся внутренний голос.

Шум в коридоре привел Олеся в чувство. Она снова уперлась в плечи Габора, стараясь вырваться из его хватки.

– Отпустите меня. Кто-то идет.

Он улыбнулся кривоватой коварной улыбкой:

– Не беспокойтесь, Маргит. Мои слуги не будут болтать. Что бы они ни увидели.

Олеся нахмурилась. В мыслях вертелись обрывки каких-то воспоминаний. Но она никак не могла сосредоточиться, поймать их и сложить воедино.

– Все люди болтают. Ваши может и не будут, но любители потрындеть всегда найдутся.

Габор удивленно вскинул брови:

– По... что?

– Маргит, милая! Вот ты где?! Хвала небесам.

В коридоре появилась Адрианна, еще более красивая, чем вчера. В искусную прическу были вплетены золотистые нити. В ушах сверкали длинные серьги. Шею украшало колье. Олеся дернулась в руках Габора, и он ее все же отпустил. По лицу Адрианны было видно, что она успела все заметить.

– Драган сказал, что вы были на северной галерее. На таком холоде!

Олеся закусила губу. Что она там наврала Габору? Что хотела посмотреть на замок?

– Я заблудилась.

– Милая... Нужно было позвать меня, как только проснулись. Хорошо, что Габор и Драган вас нашли.

Она подошла ближе, вклинившись между Габором и Олесей.

– Завтрак уже готов. Я приказала накрыть для всех в Охотничьем зале. Плотно подкрепимся и поедем на прогулку.

– На какую еще прогулку? Маргит слишком слаба. – Габор сурово смотрел на сестру.

Олеся поспешила вставить свои пять копеек:

– Со мной уже все нормально! Я очень хочу поехать.

Лицо Габора окаменело:

– Не может быть и речи. Вы никуда не поедете до полного выздоровления.

Олеся сжала губы:

– Я сама решаю: ехать мне или нет.

Адрианна округлила глаза, став похожей на сову. На щеках Габора заходили желваки:

– Вы под моей защитой и в моем доме. А это значит, что я решаю, что вы будете или не будете делать.

У Олеси аж потемнело перед глазами от ярости:

– Вы мне никто. – Она встала на цыпочки и прямо посмотрела Габору в глаза. Его льдистый голубой взгляд завораживал. В их спор вмешалась Адрианна:

– Давайте решать после завтрака.

Она взяла Олеся за руку и буквально потащила за собой:

– Идемте оденемся, милая. Я выбрала несколько платьев, которые должны вам подойти.

Молчаливый поединок продолжался еще несколько секунд. Габор улыбнулся уголком рта и кивнул с поистине королевским величием. Олеся сразу же ощутила себя жалкой и никчемной замухрышкой. Простолюдинкой, не успевшей вовремя убраться восвояси и попавшейся на глаза правителю. Габор заложил руки за спину. Он словно ждал, осмелится ли Олеся ему перечить. На нее вдруг накатила робость. Габор же словно догадался о ее чувствах. Он усмехнулся:

– Да, займитесь своими женскими делами. Мы с Драганом будем вас ждать.

Олеся безумно злилась на Габора. На его наглость и такой вид, будто повелевает всем миром, на то, как действует на нее. И на себя. За то, что не может найти достойный ответ и поставить его на место.

– Вот и славно! – Адрианна поволокла Олеся за собой. – Я не додумалась послать за вашим багажом. Совсем из головы вылетело. Ну, ничего. Думаю, пока можно будет обойтись парочкой моих платьев.

Адрианна болтала без умолку, явно стараясь отвлечь Олеся. Но быстрая сбивчивая речь оказывала противоположный эффект. Олеся никак не могла справиться с раздражением. Чертов Габор вывел ее из себя. Она не удержалась и обернулась. Он по-прежнему стоял посреди коридора и, усмехаясь, смотрел ей вслед.

Адрианна дернула ее за руку и встревоженно зашипела:

– Маргит, что вы творите? Зачем спорите с ним? Габор и так обещал запереть меня в замке. А вам должно быть известно: он слов на ветер не бросает.

Олеся удивленно посмотрела на Адрианну. А ведь у нее можно выведать много интересного. В том числе и о Габоре. Нужно только грамотно спросить. Олеся пожала плечами и тихо проговорила, добавив в голос все смирение, на какое только была способна:

– Я ничего не помню.

Адрианна споткнулась и жалостливо взглянула на нее:

– Ах, да. Я опять забыла. Простите меня...

Олеся улыбнулась:

– Ничего страшного.

Адрианна уверенно вела ее по лабиринту коридоров. Олесе даже не пришлось ничего придумывать – Адрианна сама начала:

– Габора вообще лучше не злить. Запомните это. Он настоящий изверг, когда дело касается семьи. До последнего вздоха будет защищать всех, даже Миклоша. Хоть они никогда особенно и не ладили.

Олеся жадно ловила каждое слово:

– А кто такой Миклош?

Адрианна резко остановилась:

– Ваш муж... И брат Габора...

Олеся едва не хлопнула себя по лбу. Черт! Как же она забыла?! У Маргит ведь имелся муж. Какое-то сказочное знакомство, о котором треплются все служанки. Слабоумная нищенка и прекрасный принц.

Почему-то при мысли о нем в животе возникло странное неприятное ощущение. Что-то с этим мужем не так. Адрианна хмуро смотрела на нее. Во взгляде читалось подозрение. Олеся с трудом сдержала ругательство. Ладно, она скажет Адрианне правду. Часть правды. Может, хоть это немного объяснит ее «странное поведение». С трудом подыскивая слова, Олеся проговорила:

– Я не помню ничего. Совершенно. Только какие-то обрывки и картинки. Даже не могу понять, это прошлое или сны... Или видения, пока я была без сознания.

Лицо Адрианны смягчилось. Она взяла Олеся за руку и вновь повела за собой.

– Простите, милая... Не могу даже представить, каково это. Я вам все обязательно расскажу. Давайте посмотрим на это иначе – у вас будет возможность заново познакомиться со

всеми нами. – Адрианна восторженно улыбнулась. – Вы сможете опять узнать Миклоша! Как будто первая встреча. Это ведь так романтично... А теперь давайте вас оденем к завтраку. Одна из моих служанок – искусная швея. Она сможет быстро подправить платья.

Олеся поняла, что они в том самом коридоре, из которого она начала свое путешествие. Она даже не заметила, как они дошли. Нельзя быть такой невнимательной. О каком побеге может быть речь, если она даже не знает, как выбраться из замка?!

Но одно Олеся было известно точно: она не желала «заново знакомиться с Миклошем». И совсем не потому, что его брат интересовал ее гораздо больше. Нет. Причина была в другом. Кажется, вместе с телом Маргит Олеся достались и ее чувства. И если Олеся правильно разобралась в этих ощущениях, то вывод напрашивался плачевный. Сумасшедшая аристократка до смерти боялась и ненавидела своего мужа.

Глава 6

Габор сидел во главе стола в Охотничьем зале и невидящим взглядом смотрел на дверь. Серыми тенями сновали слуги, а он гипнотизировал проклятый кусок дерева. Каждый раз, когда она отворялась, его сердце ускоряло бег, а живот сжимался в предвкушении. Но снова и снова это оказывалась не Маргит.

Что же с ней произошло? В рассказни Бражены он не сильно верил. Как и в то, что Маргит мог отметить Крампус. Но она изменилась. Совершенно.

До вчерашнего дня он не замечал ее. Всегда видел в ней безликое существо неопределенного пола, послушно следующее за Миклошем и шарахающее от собственной тени. Для Габора не было секретом, зачем братец женился над ней. Удивительно, насколько окружающие были легковверны. Все с удовольствием проглатывали сказку о неземной любви аристократа и сумасшедшей девушки. У Габора это вызывало лишь смех. Маргит – жена для отвода глаз. Никто и подумать не мог, что она – ширма, скрывающая похождения его брата. Впрочем, пока пристрастия Миклоша оставались в секрете, Габора они мало волновали.

Но сейчас все изменилось. У него везде были доверенные люди. Соглядатаи, шпионы, плевать, как их называют. Суть была неизменна. Глава древнего и могущественного рода – он должен был знать, что творится не только в его землях, но и в семье. За Миклошем тоже наблюдали. Как и за его женой. Габор никогда не ставил под сомнение сумасшествие Маргит. Никто бы не смог так искусно притворяться. Да к тому же в деревне ее знали с рождения. Когда Миклош надумал на ней жениться, Габор тут же все разузнал о будущей родственнице. От рождения она была нема. Обуза немощного отца и изгой в деревне.

Так что же произошло? Едва вчера ее увидел, Габора не покидало ощущение, что перед ним другой, совершенно незнакомый человек. Даже ее внешность казалась иной. Не то, чтобы раньше он внимательно рассматривал Маргит. Она была просто бледным пятном за спиной брата. Появлялась и исчезала, бессвязно мыча себе что-то под нос. Но сейчас... Габор не мог объяснить, что происходит. Он не понимал этого. Маргит не просто говорила. Она спорила с ним. Препиралась. Вела себя едва ли не наравне. Он чувствовал, идущий от нее вызов, волны непокорности. Такое явное неподчинение выводило его из себя. И безумно возбуждало.

Только сейчас он впервые разглядел ее. Увидел. По-настоящему. И понял, что зря это сделал. Маргит оказалась искушением, которому просто невозможно сопротивляться. Все грехи и мечты, собранные воедино. Он давно так никого не хотел. Проклятье! Да он вообще никогда и никого так не хотел. Женщины никогда не затрагивали его чувств. Живые игрушки. Черета каких-то имен и лиц, которые стирались из памяти, едва он использовал их по назначению. Маргит же... Разгуливала по замку, едва ли ни голышом. Как ни в чем не бывало. Неужели она не понимала, что под тонким полотном сорочки видно практически все. Габор едва не рассмеялся над самим собой. Куда уж ей понимать? Она же сумасшедшая. Сумасшедшая с идеальным телом. Крошечная, тонкая, воздушная. Она была хрупкой и изящной. Удивительно легкой в его руках. Но неожиданно сильной, когда пыталась вырваться. Худенькая, с тонкой талией и длинными ногами. Маленькая острая грудь с крупными сосками свела его с ума. Габор чувствовал себя неопытным мальчишкой, впервые увидевшим женщину. У него едва ли слюнки не текли, когда он смотрел на нее. Из-за сумрака ему не удалось разглядеть больше, но он позволил своим руками сжимать ее недопустимо сильно и крепко.

Маргит так доверчиво льнула к нему... И так горячо спорила. Габор уже знал, что она должна быть его. Медленно. Очень-очень медленно. С Маргит ему хотелось долгой, изнуряющей обоих, игры в кошки-мышки. Загнать ее в угол, лишиться возможности сбежать. Габор усмехнулся. Кто тут кого соблазнял? В какой-то момент ему показалось, что Маргит прекрасно

понимает, какое воздействие на него оказывает и безжалостно пользуется этим. Но вряд ли она осознавала, что с ним творит ее полуобнаженный вид.

Дверь открылась, и в зал вошел Драган. Габор недовольно сжал челюсти. Где же она пропадает?!

– Так и думал, что ты уже здесь. – Драган устроился по правую руку от Габора. – Что там с Маргит? Совсем ополоумела?

Габор понял, что внутри поднимается волна гнева. Раньше он и сам называл Маргит чокнутой. Но лишь в мыслях. Сейчас же происходило что-то странное. Как будто оскорбили его самого. Какой бы Маргит ни была, она не могла постоять за себя. В любом случае, она лишь женщина. Габор, прищурившись, посмотрел на Драгана. На следующей тренировке он выбьет из него всю дурь.

– Маргит – член моей семьи. Подобные выражения о ней – оскорбление меня. И Адрианны.

Габор знал, куда бить. Драган безумно любил его сестру. Он хоть и был богат, но не так знатен, как они. То, что Габор позволил этой свадьбе состояться, – величайшая милость с его стороны. Драган все понял верно. Побледнел и опустил взгляд. Начал бубнить какие-то извинения, но Габор его уже не слушал, потому что дверь снова отворилась.

Он выпрямился, пристально глядя на темный проход. Сначала появилась Адрианна. Но Габор лишь скользнул взглядом по сестре, пытаясь рассмотреть Маргит.

Какого..? Габор порадовался, что на нем длинная безрукавка, скрывающая мгновенно налившийся кровью член. И проклял все на свете. Он был дураком, когда мечтал о медленном покорении Маргит. Он не выдержит и секунды. Выгнать всех отсюда, уложить ее на стол и узнать, каково внутри нее.

На ней было черное платье, расшитое яркими нитями. Пестрые бутоны цветов и зеленые листья украшали лиф, привлекая внимание к ее груди. Габор не знал, каким чудом ему удалось подавить стон. Платье было немного велико. Вырез сидел слишком низко. Или ему так казалось? Он ведь прекрасно помнил, что скрывается ниже. Куда вообще смотрела Адрианна, наряжая ее в это платье?! Ему нужно лишь немного потянуть вниз бархатную ткань, чтобы обнажить небольшие ареолы. Подол волочился за ней по полу, заставляя гадать, снова ли на ней те чулки? Перед глазами у Габора до сих пор стояли ее длинные стройные ноги, обтянутые черной тканью. Он представлял их у себя на плечах, широко разведенными или обхватывающими его за талию. Похоже, сумасшедшим был он, а вовсе не Маргит.

На ее шее была повязана тонкая черная ленточка с изящной жемчужинкой. Длинные концы опускались на ключицы и грудь. Габор тут же ощутил себя мальчишкой, получившим долгожданный подарок. Красиво упакованный и украшенный. Осталось потянуть за концы ленты, и его ждет самое незабываемое ощущение на свете. Давно сбывшаяся мечта. Хотя нет. О таком он даже не думал мечтать.

Маргит настороженно смотрела по сторонам, словно опасалась чего-то. Габор поднялся со своего места, чтобы поприветствовать Маргит и сестру. Впрочем, самому себе не стоит врать. Он просто хотел привлечь к себе ее внимание. Когда их взгляды встретились, Габор тяжело сглотнул. Скулы Маргит окрасились легким розоватым румянцем. Как же она красива. Просто невероятно. Маргит отвела взгляд, а Габор вдруг ощутил странный триумф. Он ее смущал. Действовал на нее. Возможно так же сильно, как и она на него.

– А вот и мы! – Адрианна села рядом с Драганом.

Габор вышел из-за стола и отодвинул стул слева от себя. Маргит удивленно взглянула на него, нахмурилась, закусила губу и покраснела еще больше. Проклятье! Он представлял, как тоже самое она проделывает, сидя на нем сверху, обнаженная, упираясь ладонями в его грудь, исследуя его тело.

Габор понял, что желает провожать Старый Год наедине с Маргит. Выгнать всех из крепости и остаться только с ней. Чтобы ходила перед ним в одной лишь нижней рубашке. Или еще лучше – сорвать с нее это платье, оставляя на молочно-бледной коже следы. Маргит заняла свое место. Габор жадно следил за нежным изгибом шеи и манящей ложбинкой груди. Он забыл, что они не одни, что она жена его брата, что он уже нарушил все возможные запреты.

И нарушит еще.

– Нам нужно послать слуг к Миклошу. Чтобы сообщили ему, что с Маргит все хорошо и привезли ее одежду. – Голос сестры выдернул Габора из фантазий.

Кто здесь точно был лишним, так это его братец. Маргит подняла голову и прямо посмотрела ему в глаза.

– Благодарю.

Габор, молча, кивнул. Во рту пересохло. Он уже не был уверен, что выдержит завтрак.

– Поскорей бы уже праздники! – Адрианна, похоже, решила болтать без умолку. – Не терпится узнать, что вы мне подарите.

Габор удивленно взглянул на сестру. Подарки... Адрианна сходила с ума от драгоценностей. И он с удовольствием баловал сестру. Но Маргит... Подари он ей бриллианты или комок грязи, вряд ли бы она видела разницу. Но так было раньше. Теперь она кажется вполне здоровой. И то, что он для нее приготовил, теперь ей вряд ли понравится.

Нужно будет сегодня же послать за ювелиром. Габор уже знал, что именно подарит Маргит. Под цвет ее румянца. Необычное. Загадочное. Нежное. Но колючее.

– Габор, ты меня слушаешь?

Габор выплыл из омута мыслей. Все это время он, не отрываясь, смотрел на Маргит и совершенно не слышал, о чем говорит сестра.

– Прости, задумался.

Адрианна недовольно поджала губы:

– Может, хотя бы на праздники забудешь про свои заботы?

– «Мои заботы», дорогая сестра, обеспечивают нам деньги и защиту.

Слева раздалось отчетливое хмыканье. Габор резко повернулся. Маргит, как ни в чем не бывало, накладывала в тарелку еду. Заметив, что он на нее смотрит, чертовка пожалала плечами:

– Извините, икота. От голода.

Ну да, как же! Эта девица, похоже, его совершенно не боится. И Габора это безумно возбуждало. С каких пор его привлекают женщины, которые едва ли не ноги о него вытирают? Она только и делала, что оспаривала его решения и не подчинялась приказам. Для Габора это было в новинку. Обычно, если что-то шло не так, как он планировал, или его распоряжения выполнялись недостаточно усердно, он наказывал провинившихся. Но с Маргит... Она заслуживала совершенно особого наказания.

– Так вот что я хотела сказать... – Адрианна снова пыталась привлечь его внимание. – Если ты так против нашей прогулки в деревню, то мы можем взять с собой твою маленькую армию. И Драгана. Уж он-то сумеет нас защитить.

– Да, я с удовольствием с вами съезжу.

Какой отзывчивый. Габор переводил взгляд с сестры на Маргит и обратно. Адрианна бы никогда не решилась идти ему наперекор, чтобы она ни говорила. А судя по подстрекательским взглядам, которые на нее бросала Маргит, становилось ясно, чья эта идея.

– Или если хочешь, можешь сам с нами поехать. Подышишь свежим воздухом. Тебе тоже не помешает.

– Нет. – Габор с удовольствием наблюдал за тем, как Маргит резко вскинула голову.

Ее разноцветные глаза сверкали от злости, а щеки покрылись еще более ярким румянцем. Словно розы он расцветал на высоких скулах. Габор отвернулся, чтобы сохранить хоть каплю самообладания. Она его доведет! Тяжело посмотрев на сестру, отчетливо проговорил:

– Я уже подышал свежим воздухом, когда ехал сюда. Крепость никто не покинет без моего разрешения.

– Вы серьезно?

Маргит... Габор развернулся к ней и вопросительно приподнял бровь.

– Совершенно серьезно.

– И как вы нас удержите? Здесь есть подземелья? Темницы? Прикуете цепями? Этими... как их... Кандалами?! Или у вас в ходу колодки?

Кровь хлынула в пах, создав давление такой чудовищной силы, что он еле дышал. Демон ее побери! Воображение живо нарисовало обнаженную Маргит, прикованную тонкой цепью к его кровати. Кажется, теперь он не будет знать покоя, пока не воплотит эту чокнутую фантазию в жизнь. Кто же знал, что сумасшествие настолько заразительно? Быть может, уйдя от Маргит оно все-таки перекинулось на него? Наверное, так и было. Никак не избавиться от безумного видения. Член уже рвет брюки, мечтая вбиться в эту невозможную женщину. Во рту пересохло. Не своим голосом Габор проскрежетал:

– Здесь есть все. Если желаете, я вам обязательно покажу. Сможете на себе проверить, насколько они прочны.

Маргит упрямо сжала губы. Эти ее губы... Пухлые, розовые. На нижней – крошечная впадинка в центре. Как же было хорошо, когда она ничего не соображала.

– Я не думаю, что демоны решатся сейчас напасть. Действительно, почему бы не прогуляться? В деревне готовятся к праздникам. В конце концов, мы действительно сможем взять отряд.

Габор гневно взглянул на Драгана. Почему бы ему не заткнуться? Они что, сговорились за его спиной? Возбуждение бурлило в крови, превращая ее в обжигающий кипяток. Вены плавилась. Это все Маргит. Довела его... Неожиданно в голове закрутилось колесо мыслей. Больше всех на прогулку рвется именно она. Еще вчера она лежала, едва дыша. Ни жива, ни мертва. А сегодня уже пытается изо всех сил выбраться из замка. Чутье подсказывало, что это не просто. Ее желание попасть в деревню не заметит только слепой. И на какое-то мгновение Габор действительно ослеп. От дикой похоти и жажды. Нужно взять себя в руки. Он выяснит, что она скрывает. А ведь она действительно что-то скрывает. Новая Маргит была загадкой, которую он намеревался разгадать до последней запятой. Он заберется в ее голову, под кожу, проникнет в нее. Узнает все о ней. Что она скрывает. Какие мысли поселились в ее мозгу. А еще он обязательно разведает все секреты ее тела.

– Что ж.... Ладно... Давайте съездим. Думаю, нас с Драганом будет достаточно, чтобы обеспечить вам защиту.

Адрианна радостно хлопала в ладоши:

– Ты самый лучший брат на свете.

Но Габор даже не посмотрел в ее сторону. Маргит вдруг притихла и уткнулась в свою тарелку. Он видел, как быстро поднимается и опускается ее грудь, как напряженно она закусил губу и как слегка дрожит ладонь, сжимающая вилку. Он обязательно все выяснит. «Даже не сомневайтесь, прекрасная Маргит. У вас не останется ни одного секрета от меня. Ни одного.»

Глава 7

Олеся едва дождалась окончания завтрака. Скорее это оказалась натуральная пытка. Ее стычка с Габором была ошибкой. Еще когда примеряла платья, Адрианна предупредила ее: в препирательства с ним лучше не вступать. Но она не удержалась. Он вел себя, как первобытный дикарь. Как будто никого больше не существовало, кроме него и его желаний. Все должно быть так, как сказал он. Ага! Как же! Не на ту напал. Но хуже всего оказался его взгляд, когда она упомянула о кандалах и подземельях. В ледяных голубых глазах зажегся странный синий огонь. Как будто он действительно раздумывает над этим. И совсем не в том смысле, какой вкладывала в эти слова Олеся.

Вот же попала в передрыгу. Габор смотрел на нее так, словно и в самом деле планирует, как лучше засунуть ее в подземелье. Олеся с трудом высидела полчаса, показавшиеся вечно-стью. Она пыталась напомнить себе, что попала неизвестно куда и нужно поскорее выяснить, как вернуться домой. Но под пристальным тяжелым взглядом Габора невозможно было сосредоточиться. Олеся ерзала и непроизвольно сводила бедра. Он как-то странно на нее воздействовал. Вроде бы просто смотрел, но ей казалось, что она сидит перед ним совершенно голая и ждет его одобрения.

Едва с завтраком было покончено, Олеся постаралась убраться из зала с такой скоростью, на какую только была способна.

Запыхавшаяся Адрианна догнала ее и схватила за руку:

– Маргит, ты куда?

Олеся задумалась. И в самом деле, куда это она собралась? Подальше от Габора. Самое время вспомнить о сумасшествии Маргит. Олеся пожала плечами:

– Не знаю...

– Ох, бедная. Идем соберемся на прогулку. Это чудо, что Габор все-таки разрешил.

Олесе совсем не нравилась подобная зависимость от мужчины:

– А если бы не разрешил? Что тогда?

Адрианна удивленно округлила глаза:

– Ничего. Остались бы в крепости.

– Seriously? Если он не хочет ехать, пусть не едет. Причем здесь ты и я?

Судя по лицу Адрианны, она о таком вообще никогда не задумывалась:

– Он – господарь наших земель. И наш тоже.

– Господарь? Хозяин, что ли?

– Ну-у-у... Да...

– То есть, мы у него в рабстве? Что он прикажет, то и делаем? И если он заставит нас сейчас голышом плясать на морозе, то мы обязаны будем пойти и сделать это?

Адрианна испуганно смотрела на Олесю, сдвинув брови.

– О, небо. Конечно, нет! В смысле... Мы не рабыни.

– Тогда он не имеет никакого права приказывать. И если я хочу поехать, то он никак не сможет меня остановить.

– Маргит, послушай... – Адрианна втолкнула Олесю в спальню. – Габор – наш господарь. Защитник. Благодаря ему, у нас есть все это. Он старший в роду, глава. И мы обязаны его слушаться.

Олеся никак не могла понять эти рабовладельческие замашки. Что за дикое место?!

– У тебя ведь есть муж. Я пойму, если ты будешь подчиняться ему. Но Габор...

– Род Драгана не такой древний и богатый, как род Габора. Это чудо, что Габор позволил нам пожениться. В основном, господари отдают своих дочерей и сестер за тех, кто может принести деньги или положение.

Олеся всплеснула руками:

– Он еще и решал, за кого тебе выходить замуж?!

– Ну да. А как иначе?!

– Неудивительно, что он такой невыносимый. Власть его разбаловала.

Адрианна протянула Олеся тяжелый плащ, подбитый мехом.

– Габор – наш защитник. Как у самого старшего, в его руках сосредоточена огромная власть. Мы должны его слушаться и быть благодарными за его милость. Может, он немного чересчур... любит все контролировать, но он очень заботливый. Поверь.

Олеся хмыкнула, пытаясь разобраться с плащом. Адрианна подала ей невысокие сапожки.

– Одевайся скорее, пока он не передумал.

У Олеся в голове не укладывалось, как можно так слепо подчиняться какому-то человеку. Будь он хоть трижды братом или мужем. Если он так любит все контролировать, то наверняка будет совать нос в ее дела и всячески мешать. А ей очень-очень нужно пустить ему пыль в глаза и усыпить бдительность. Это значит, что она должна засунуть гордость и независимость, куда подальше, и изо всех сил изображать забитую несчастную Маргит. И поменьше высказывать свое возмущение здешним укладом.

– Давай помогу.

Пока Олеся размышляла, Адрианна успела переобуться и облачилась в плащ. Она помогла Олеся найти широкие рукава, застегнула необычные пуговицы и затянула у шеи длинный шнур с забавными кисточками. Олеся ощущала себя маленькой девочкой, которую мама собирает перед походом в садик. Ни к чему не способна. Как ребенок. Нужно поскорее отсюда выбираться.

– Готово! Ты – красавица... Давно уже не видела тебя такой. – Адрианна ласково улыбнулась Олеся. – Все, идем. Драган и Габор наверняка уже готовы.

Габор и Драган действительно были готовы. Они ждали во дворе крепости возле большой кареты. На дверце был знакомый герб – ворон, зажавший в когтях монету и что-то непонятное в клюве.

– А вот и мы! – Адрианна радостно тащила Олеся за собой.

Габор и Драган повернулись к ним. Габор открыл дверцу кареты. Олеся заставила себя отвернуться от него. В длинном плаще с саблей на боку, он выглядел как герой какой-нибудь фантастической истории. Так, все, хватит. Она не будет отвлекаться на красивых мужиков. Олеся старалась не слишком сильно вертеть головой. Но и без этого было ясно: отсюда не выбраться. Кругом высокие стены, вооруженные до зубов стражники или кем они там были. Тяжелые даже на вид деревянные двери. Такие высокие, что устремлялись прямо в небо. Сбежать из крепости не получится. Нужно придумать, как это сделать по пути.

Олеся закусил губу. Ей необходимо найти того деда, который вытащил ее на дорогу. Уж он наверняка все знает.

– Если вы хотели просто постоять во дворе, необязательно было отвлекать нас от важных дел.

Олеся обернулась так резко, что едва не упала. Габор придерживал дверцу и издевательски усмехался. Адрианна тут же бросилась к карете. Олеся изо всех сил старалась не торопиться и идти медленно:

– Простите, что отвлекла вас от перемалывания муки, приготовления ужина и очистки всего замка от пыли.

Олеся гордо шла к карете, а внутри все сжималось от страха. Зачем? Ну зачем она это лягнула?! Обещала же себе, что будет изображать немощную девицу. Габор смотрел на нее в упор и ухмылялся. Но в глубине его глаз плескалось что-то недоброе. Темное. Интуиция,

которой Олеся никогда не могла похвастаться, подсказывала... что подземелья и цепей ей не избежать.

Габор подал ей руку, чтобы помочь сесть в карету, и Олеся машинально протянула свою. Ох! Зачем она это сделала?.. Едва их пальцы соприкоснулись, ее прошиб заряд тока. Через позвоночник – в виски и низ живота. По коже побежали мурашки. Габор вздрогнул, глядя на Олесю сузившимися глазами. В его взгляде плескались гнев и злость. Неужели, он тоже почувствовал? Но как такое возможно?

Олеся быстро отвернулась, понимая, что краснеет от его пристального тяжелого взгляда. Нужно отвлечься. Чем-нибудь занять свою глупую голову. Олеся быстро нырнула в просторную карету, где уже сидела Адрианна. Сестра Габора похлопала по сидению, подсказывая, куда нужно сесть. Олеся принялась во все глаза рассматривать убранство кареты, но все равно не могла выбросить Габора из головы.

А он, как назло, пропустил Драгана вперед и занял место напротив Олеси, вытянув вперед длинные ноги. Олеся сразу же напряглась. Она бросила на него быстрый взгляд и почувствовала новую волну дрожи. Габор так внимательно смотрел на нее, что становилось страшно. Словно видел насквозь. Гипнотизировал льдисто-голубым взглядом. Что он пытался разглядеть? Олеся отвернулась, надеясь, что в гнетущей тишине не слышен стук ее сердца. Она уставилась на тканевую обивку кареты, но перед глазами все равно стоял Габор. У него было такое выражение лица... Олеся поняла, что заигралась. Она могла сколько угодно ему хамить и демонстрировать свою независимость, но этим лишь рыла себе могилу.

Сейчас ему смешно и забавно, что сумасшедшая родственница вдруг заговорила. Но он уже начал подозревать что-то неладное. И если он сочтет ее опасной для своей семьи, то Олесе не сдобровать. Он явно не из тех, кто бросает слова на ветер. Олеся подозревала, что он в принципе не слишком разговорчив. Кроме их словесных перепалок, они ведь больше ни о чем и не говорили. А это значит, что у него на уме может быть что угодно. Такие люди и в ее мире особо ни с кем не церемонятся, что уж говорить об этом Дьекельни или как там его?! Похоже, здесь уважают и ценят лишь грубую силу.

Олеся коснулась пальцем гладкого блестящего узора, вышитого на ткани. Обвела серебристую веточку. Лучше подумать о своем начальнике. Все-таки это очень странно. У него и Габора совершенно одинаковые лица, но к первому она испытывает отвращение, а рядом со вторым мыслить нормально не может. Грубит и дерзит, совершенно теряя разум.

Карета вдруг подскочила на ухабе, и Олеся едва не свалилась со своего места. И снова Габор... Он подался ей навстречу, а она, чтобы не упасть, вцепилась в его колено.

Она тихонько буркнула «Извините» и постаралась отодвинуться от него, забываясь в свой угол. Не смотреть. Отвернуться. Не смотреть! Но опять она не удержалась. Габор продолжал гипнотизировать ее взглядом.

Олеся попыталась стряхнуть с себя оцепенение и отвернулась к окну.

Они уже успели покинуть замок и сейчас катили через лес. Деревья росли так густо, что покрытые снежными шапками еловые ветки тыкались в окошко кареты. Олеся вспомнила об избе и румянном деде. Он же должен жить где-то поблизости. Но разглядеть что-то в непроходимой чаще было невозможно. Только снежинки таинственно мерцали в воздухе, и мелькали какие-то неясные тени. Может, дикие звери? Олеся поежилась. Здесь творилось что-то странное, что ей не дано было понять.

Неожиданно среди покрытых ледяной коркой стволов пронеслось какое-то животное. Вроде бы и далеко, но одновременно и рядом. Олеся даже смогла разглядеть густую шерсть и... когти? Она испуганно вздрогнула и снова вжалась в угол.

Адрианна ласково накрыла ладонью ее колено:

– Что случилось, милая?

Олеся снова опасливо покосилась на окно.

– Ничего. Просто показалось... зверь, наверное. – Ей стало стыдно, что она такая жалкая трусиха.

Все, на что хватало ее смелости, – препирательство с Габором. Олеся снова посмотрела на окно и немного отодвинула занавеску, стараясь показать, что совсем не испугалась.

– Да, точно зверь. Близко к карете пробежал, я не ожидала.

Она попыталась улыбнуться, но заметила, как Габор с Драганом переглянулись. Габор слегка отодвинул занавеску со своей стороны и выглянул в окно. Олеся едва не закатила глаза. Унылое настроение вмиг сменилось раздражением. Конечно никого он там не увидит, и все в очередной раз убедятся, что она сумасшедшая.

Олеся уже начинала ненавидеть эту поездку. Она хотела выяснить, куда попала, хотела найти странного деда. Но лишь выставила себя еще большей дурой. А почему-то перед Габором дурой выглядеть не хотелось. И от этого Олеся злилась еще больше. Он был ей никем. И его мнение должно волновать ее в последнюю очередь.

Адрианна принялась болтать о нехватке украшений для замка и о том, что в деревне как раз что-нибудь купит. Она громко жаловалась, что из столицы привести не успеют, и она не может быть уверена, что украшения окажутся именно такими, какие ей нужны. Драган что-то ей отвечал, а Габор задумчиво смотрел на Олесю. Она снова отвернулась к окну. Неожиданно лес начал редеть. Карета съезжала с холма, и в заснеженной долине Олеся смогла разглядеть яркие шатры, столбы и развивающиеся стяги. Долина пестрела красками, особенно выделяющимися на фоне ослепительной белизны. Неожиданно Олеся почувствовала странное волнение. Как будто... Как будто ей все это очень нравится. И она даже испытывает восторженное предвкушение от предстоящей прогулки. Но ведь она хотела попасть в деревню вовсе не для развлечений.

Карета повернула, и красочная деревня исчезла из виду.

– Адрианна, не отходи от Драгана. А вы, Маргит, держитесь возле меня.

Олеся вздрогнула и отпрянула от окна. Габор смотрел на нее. Внимательным въедливым взглядом. Как будто он все про нее знал. Олеся удержалась от того, чтобы поежиться. Она вдруг вспомнила о старухе, которую он позвал ее лечить. Вот кому точно известно, что с ней произошло. Нужно попробовать найти ее. У кого выяснить, где она живет?

– Вы меня поняли? – Габор вздернул бровь, обращаясь именно к ней.

Олеся сжала губы.

– Поняла.

Габор неожиданно хитро улыбнулся:

– Как? И даже не будете спорить?

И вот зачем он ее провоцирует? Чего хочет добиться? Ждет, что она совершит какую-нибудь ошибку, и можно будет с чистой совестью от нее избавиться? Ну уж нет, теперь так просто она не сдастся. Будет держать себя в руках и помалкивать. Стараясь сохранить невозмутимый вид, Олеся пожала плечами и скрестила руки на груди:

– Ну, вы же здесь... главный. Все равно все будет по-вашему.

Габор усмехнулся. Его глаза как-то подозрительно сверкнули, и Олеся была уверена, что это не игра света.

– Жаль. А то я уже настроился на подземелье и цепи.

Олеся приоткрыла рот от удивления. Драган закашлялся, пытаясь скрыть смех, а Адрианна возмущенно воскликнула:

– Габор?!

Карета вдруг остановилась. Габор, словно ничего и не случилось, выглянул в окно. С совершенно невозмутимым видом сообщил:

– Приехали.

Олеся приросла к месту. В его словах явно был подтекст. И не заметить его могла только дура. Но вот чего он добивался, говоря это при других людях да еще и... жене собственного брата? Еще одна проблема. У Маргит ведь есть муж. Брат Габора и Адрианна. Чего ждать от него?

Габор проворно выбрался из кареты. Олеся последовала за ним, с удивлением понимая, что от езды по кочкам и сугробам ее и без того измученное тело теперь болит еще больше. Габор, как и прежде, подавал ей руку. Но Олеся не собиралась принимать его помощь. Не после того, что произошло в прошлый раз. И уж точно не после слов о цепях. Она выбралась самостоятельно, хоть это было и не так легко сделать, будучи закутанной в несколько слоев тяжелой одежды. Габор прищурился. Его лицо моментально утратило напускную веселость. Глаза наполнились льдом и молчаливой угрозой. Олеся сделала вид, что не заметила его сурово сжавшиеся губы и проступившие вокруг рта морщины. Он был взрослым мужчиной, защитником, с которым не стоило шутить. А еще он был опасен для нее. Опасен тем, что странным образом ее притягивал.

Олеся ступила на утопанную тропу и неловко поскользнулась. Габор успел подхватить ее, стальной хваткой сжав пальцы вокруг ее локтя. Он оттащил ее в сторону, и, пока выходили Адрианна с Драганом, быстро шепнул на ухо:

– Я все равно узнаю, что вы задумали. Не думайте, что вам удалось скрыть, какие мысли бродят в вашей голове.

Олеся испытала острое желание выругаться. Пара крепких словечек так и грозили сорваться с языка. Габор пытался ее запугать. И ему это, черт возьми, удастся! Очень не хочется умирать в каком-то чокнутом средневековье, получив второй шанс на жизнь. Она не покажет ему свою слабость. Пусть даже не думает, что сумел так легко ее раскусить. Не поддаваться.

Олеся смело встретила его взгляд. Действительно, как два осколка синего льда. Как она могла испытывать жар от его прикосновений?! Да он же одними только глазами мог заморозить человека и превратить несчастного в холодную глыбу. Но с ней обломится. Пусть идет на ком-нибудь другом тренируется. Олеся поправила капюшон и невинно улыбнулась:

– В моей голове только один вопрос: мой муж так же учтив, как вы?

Олеся не стала дожидаться его ответа и реакции. Сразу же отвернулась и поспешила к Адрианне, но заметила, как на щеках Габора заиграли желваки. Победа-не победа, но Олеся почувствовала себя немного увереннее. Она остановилась рядом с Адрианной, которая повисла на локте Драгана, едва держась на ногах.

– Так ско-о-ользко... – Она захихикала, когда Драган подхватил ее, обняв рукой за талию. Олеся улыбнулась, чувствуя себя лишней.

– Идемте же скорее! Мне уже не терпится. Я так давно не была на ярмарках. – Адрианна потащила за собой Драгана.

Олеся поплелась следом. Габор суровым голосом давал указания маленькому отряду солдат, окружившему их компанию. Спустя несколько секунд он догнал ее. Без предисловий сразу же пошел в наступление:

– Вы не знаете, как себя ведет Миклош?

Олеся снизу-вверх посмотрела на Габора.

– Я не помню. Совершенно ничего.

Габор не ответил. В кольце стражников они спускались со склона. Шум веселья начал перекрывать скрип снега под ногами. Олеся уже слышала людской смех, крики, гомон и странную непривычную музыку. Спустя минуту перед глазами выросла картинка из книжки сказок. Все так ярко и громко. Олеся не успевала вертеть головой. Несколько человек устанавливали огромный котел. Рядом стоял шест с подвешенным на нем пушистым чудищем. На непропор-

ционально длинных руках и ногах во все стороны у чудища торчали когти. Вместо лица – деревянная маска с жуткой мордой. Из пасти вывалился красный язык, который на деле оказался лоскутом ткани. Все тело этого странного существа напоминало свалявшийся ком шерсти.

Монстр заворожил Олеся. Она понимала, что где-то его уже видела, но никак не могла вспомнить, где именно. Звонкий женский смех отвлек от раздумий. Олеся посмотрела в другую сторону. Девушки в длинных цветастых платьях и распахнутых полушубках гонялись друг за дружкой, размахивая цветными лентами. Вместо головных уборов на них красовались пестрые венки. У одних – из тканевых цветов, у других – ободки, расшитые сверкающим бисером. Неожиданно для самой себя Олеся поняла, что она часть всего этого. Что она хочет точно так же, как эти девушки бегать, падать в снег и зачем-то размахивать цветной лентой. Она хотела себе такой же яркий толстый ободок с узором из стеклянных бусин. Это было ЕЕ место.

К их немногочисленной компании начали стекаться люди.

– Господарь Габор! Господарь! Храни вас небо!

Олеся с удивлением следила за тем, как к ним спешат взволнованные мужчины и женщины. Кто-то усиленно кланялся, а кто-то бухался на колени. Габор кивнул стражникам, и те отступили, позволяя людям приблизиться. Олеся не знала, как реагировать на такую реакцию. Судя по выражениям лиц этих людей, его и боялись, и любили, и уважали и едва ли не боготворили. Габор бросил на Олеся суровый взгляд:

– Будьте рядом.

Олеся почувствовала себя собачонкой. Хозяин оставил. Хозяин приказал. Габор отвернулся к людям, которые пытались обратить на себя его внимание. Многие пробовали вручить ему свои товары, наперебой расхваливая самих себя и заверяя, что у них «Господарь Габор может получить бесплатно все лучшее». Габор изредка бросал на Олеся предостерегающие взгляды, как будто чувствовал, что ей уже надоело тут стоять, как деревянному столбу. Адрианна с Драганом куда-то исчезли, и Олеся с новой силой ощутила свое одиночество и ненужность.

Ей хотелось туда, к смеющимся девушкам. Или к малышам швыряющим снежки в меховое чудище. Но только не стоять тенью возле «великого господаря Габора». Происходящее уже начинало бесить. Судьба, видимо, решила как следует посмеяться над ней и окончательно уничтожить и без того пакостное настроение. К Габору пробилась высокая статная девица в ярком платке, из-под которого выглядывали длинные черные пряди. Она восторженно смотрела на Габора и подносила ему большой деревянный ковш.

– Это лучшая медовуха во всей Бергандии, господарь. Отведайте – уважьте нас. Она согреет даже лучше женских объятий.

Олеся закатила глаза. Ну это уже слишком. А запрыгнуть на него прямо здесь она не хочет?! Олеся не стала дожидаться ответа Габора. Она отвернулась и потихоньку выскользнула из кольца стражников. Те про нее, кажется, совсем забыли, сосредоточенные на защите своего господаря. Пробравшись сквозь толпу людей, Олеся быстро огляделась. Нужно выбрать место, где ее никто не заметит и не найдет. Пусть уже вся эта странная семейка оставит ее в покое.

Подобрав подол длиннущего платья, Олеся осторожно пошла в сторону от людей. Она, не спеша, брела по площади, заполненной лавочками со всевозможными товарами. Если раньше у нее и были какие-то сомнения, то сейчас они развеялись полностью. Она попала не в клинику, и ее окружают не сумасшедшие. Она совершенно точно оказалась в другом мире. Непонятном. Странном. Пугающем. Хуже всего было то, что ей, кажется, тут нравилось. Но она не имела ни малейшего понятия, чего ожидать в будущем.

Олеся все больше удалялась от шума голосов. С площади она вышла на улочку, где и лавочек, и людей было меньше. Холодное зимнее солнце вдруг рассыпалось на миллионы свер-

кающих искр. Олеся зажмурилась и замерла на месте. Она стояла напротив лавки, сверху до низу заполненной стеклянными пузырьками, флаконами и бутылками. К тем, что покрупнее, грубой ниткой были прикреплены сложенные листочки желтоватой бумаги. К самым маленьким не крепилось ничего, и было видно, что внутри жидкость самых разных цветов. В некоторых плавали травинки, лепестки и еще бог знает что. Олеся подошла ближе. Миловидная черноволосая женщина приветливо ей улыбнулась:

– Присмотрели что-нибудь, госпожа?

Олеся восторженно рассматривала искрящиеся флаконы.

– А что вы продаете?

– О, вы наверное не местная?

Женщина махнула рукой в сторону бутылей:

– Это отвары для ванн. Чтобы снять усталость. – Она указала на бутылку с изумрудно-зеленой жидкостью. – Это, чтобы поскорее уснуть. – Взмах руки в сторону бутылки с сиреневой жидкостью, в которой плавали лепестки какого-то цветка. – А вот, чтобы волосы были мягкими и гладкими.

– Ага, значит шампунь? – Олеся не могла отвести глаз от длинных рядов полок.

– Простите, госпожа? – Продавщица, нахмутив брови, смотрела на Олесю, пытаясь понять, о чем она говорит.

Вот же! Опять она забыла, что здесь все совсем иначе. Олеся как ни в чем не бывало улыбнулась и указала пальцем на маленькие флаконы:

– Не обращайтесь внимания. А что там?

Продавщица сняла с полки несколько невысоких прямоугольных флакончиков.

– Это особые масла. Нужно капнуть в воду одну капельку, и масло сделает свое дело.

Олеся поняла, что хочет захлопать в ладоши, как маленькая девочка. Все это было так... странно. И вместе с тем – волшебным. Она не верила ни одному слову черноволосой женщины, но и уходить почему-то не хотела.

– Что же они могут делать?

– Вот это – придает уверенности в своих силах. Вы сможете сделать то, на что прежде никогда не решались. Это масло поможет очистить голову от дурных мыслей и принять верное для себя решение. А вот это усилит ваш естественный запах и подскажет, что к вам испытывает ваш избранник.

Олеся едва не расхохоталась. Ну это уже совсем фантастика.

– И как оно может подсказать?

– Если мужчина к вам равнодушен, то он никак не отреагирует, а если... хм... – Женщина немного покраснела и лукаво улыбнулась. – Если он испытывает к вам чувства и... томление... то он не сможет устоять перед вашим ароматом.

Олеся вздернула брови, не зная чему больше удивляться. «Томлению» или чудесным свойствам эликсира сомнительного происхождения. Она была готова купить эту штуку хотя бы просто для того, чтобы потом вернуться сюда и высказать продавщице, что не стоит обманывать людей такой откровенной ложью. Но была проблема. Одно огромное затруднение. У нее ведь не было ни копейки! Да и вряд ли здесь в ходу привычная валюта.

Женщина с неожиданно доброй улыбкой посмотрела на Олесю:

– Вы решили, что вам нужно? Я могу подсказать, какое масло использовать, если вы мне опишите свою проблему.

– Ее проблема в неповиновении моим приказам.

Суровый мужской голос прогремел над головой, как гром. Олеся вздрогнула и резко обернулась. Боковым зрением заметила, что продавщица склонилась в глубоком поклоне.

– Господарь... Да хранит вас небо... Долгих вам лет жизни и процветания вашему роду.

Габор сурово смотрел на Олесю. Его губы кривила жуткого вида улыбка, от которой Олесе хотелось зарыться под снег. От холодного угрожающего голоса тело начало покрываться ледяной коркой.

– Я непонятно выразился? Или вместе с памятью о Миклоше вы забыли значение слов «Будьте рядом»?

Олеся совершенно забыла о данном самой себе обещании молчать и не провоцировать его. Приподнявшись на цыпочки, она гневно прошипела:

– Рядом с вами не было места. Столько желающих, чтобы вы их... «уважили»... Я решила не путаться под ногами у ваших фанаток.

Габор наклонился к ней так низко, что она почувствовала на лице его горячее ароматное дыхание. Что-то хмельное и сладкое. Медовуха, черт бы ее побрал! Несколько секунд Габор пристально смотрел на нее, вновь как будто препарируя. Неожиданно его взгляд переместился на ее рот. Он приоткрыл губы, словно собираясь поцеловать ее. Олеся задышала чаще. Она вдруг поняла, что безумно хочет, чтобы он наклонился ниже и коснулся уже, наконец, ее рта. Ей хотелось почувствовать вкус его поцелуя. Узнать, как он это делает. Нежно и медленно, или страстно и немного грубо?

Но Габор неожиданно нахмурился, сведя брови в одну линию:

– У моих... кого?

Опять она ляпнула глупость. Он и так считает ее сумасшедшей, вступившей в сговор с какими-то демонами, а теперь вообще непонятно что будет думать. Ой, ну а ей какая разница, что он о ней подумает? Если бы он действительно что-то для нее значил, тогда да. А так... Они чужие друг другу люди.

Отвернувшись, Олеся побрела обратно:

– Идемте, а то медовуха прокиснет, пока вы тут со мной болтаете.

Габор не сдвинулся с места:

– Вы же хотели что-то купить? Покупайте.

Олеся почувствовала небывалый прилив злости:

– Ничего я не хотела покупать.

Продавщица с интересом следила за их перепалкой. Олеся окатила ее гневным взглядом, и женщина тут же потупила глаза.

– Маргит... не испытывайте мое терпение. Оно уже на пределе. – Габор схватил ее за локоть и дернул на себя.

Наклонившись, прошептал на ухо:

– И уверяю, вам не захочется узнать, что происходит, когда я его теряю.

Откуда-то Олеся знала, что это не пустая угроза и попытка ее запугать. Она попыталась выдернуть руку, но ничего не удалось. Габор держал так крепко, что она чувствовала жар от его ладони, охватывающий ее тело. Он проникал сквозь несколько слоев ткани, вплавляя нити в кожу. Чувствуя, что от гордости остается одна пыль, Олеся тихо прошептала:

– У меня нет денег! На мне даже одежда чужая – вашей сестры. Ясно?! Поэтому я ничего не собираюсь покупать.

Сдержатъ обиду не получилось и Олеся добавила:

– А вы даже посмотреть не дали.

Габор сжал челюсти. Его черты заострились, а глаза опасно сверкнули.

– Выбирайте все, что вам хочется.

Олеся удивленно вздернула брови. Габор раздраженно подтолкнул ее к лавке:

– Выбирайте!

Олеся вздрогнула от его сурового приказа, больше похожего на угрозу.

У продавщицы от предвкушения удачной сделки загорелись глаза. Олеся чувствовала себя неловко. Даже бывший муж не давал денег на ее траты. Он считал, что все, что не касается

еды и оплаты квартиры, она должна оплачивать самостоятельно. Ей приходилось копить на мелочи вроде помады и духов. А тут... Габор ее подозревал во всех смертных грехах и постоянно напоминал об этом, но был готов потратиться на нее.

Оставив безуспешные попытки разобраться в его характере, Олеся указала пальцем на бутыл с отваром, обещающим снять усталость:

– Мы возьмем вот это... – Она посмотрела на флаконы.

Уверенность в силах ей, пожалуй, не нужна. Она и так уже дел наворотила. Бог знает что еще натворит, если будет уверена. А вот принятие верных решений ей не мешает... Да и последний флакон ее заинтриговал.

– И вот эти два.

Продавщица радостно закивала и достала из-под прилавка небольшую корзинку. Устилая дно соломой, она бросила на Габора опасливый взгляд:

– Один крейцер...

Видимо, по здешним меркам это было дорого, и женщина опасалась, что не получит за свой товар деньги. Но Габор, молча, достал блестящую монетку и вложил в протянутую ладонь. Кажется, серебряную. Женщина быстро и осторожно сложила пузырьки в корзинку и протянула Олеся.

– Доброго здравия, госпожа. И вам, господарь.

Габор забрал корзину, снова схватил Олеся за локоть и потащил за собой, словно боялся, что она в очередной раз сбежит.

– Все? Я растратила все ваши годовые накопления, и теперь придется возвращаться в замок?

Габор удивленно взглянул на нее:

– Вы мне больше нравились, когда молчали.

– Можете надеть на меня кляп, но предупреждаю: я буду сопротивляться.

Габор взглянул на нее таким горячим тяжелым взглядом, что внизу живота стало жарко. Да что же такое?! Она возбуждается от одного его взгляда. Это уже ненормально. На щеках Габора заиграли желваки:

– Я подумаю над этим.

Олеся отвернулась и насупилась. Козел! Подумает он! Неожиданно на глаза попалась захудалая лавчонка. Низенькая, кое-как сколоченная, она скрипела даже под легким порывом ветра. В лавке копошилась сторбленная старушенция. Ее некогда яркий платок давно выцвел и хоть выглядел чистым, но во многих местах был вытерт и заштопан. На темной одежде стояли заплатки. Седые волосы задорно торчали в разные стороны, большинство зубов отсутствовало, а лицо состояло из сплошных морщин. Олеся вспомнила свою бабушку – величественную даму, даже на рынок выходящую при полном параде. Но что-то между ними было... общее.

Старушка возилась в своей лавочке, перекладывая из стороны в сторону свечи самых разных цветов и размеров. Низкие, высокие, тонкие и толстые. Желтые, белые, сиреневые, зеленые. Олеся пошла в сторону лавки, но ее бесцеремонно дернули назад. Габор.

– Ну и что вы там забыли?

Олеся указала на старушку, копошащуюся за прилавком.

– Пойдемте к ней?

– В крепости полно свечей.

Олеся попыталась выдернуть руку:

– Послушайте, если вы не хотите идти, то не надо. Я не просила вас ходить за мной.

– Вы напрашиваетесь на неприятности, Маргит, и я вам их устрою.

Олеся скривила рожицу, понимая, что исчерпала весь запас его терпения. Но эта старушка со свечами... Она что-то всколыхнула в ее душе. Пахнущее сдобой и ванилью детство.

Связанная бабулей шапка, праздничные колготки с бантиками, купленные по немыслимой тогда цене, и обязательно гоголь-моголь воскресным утром. Олеся пошла к старушке, и на этот раз Габор не стал ей препятствовать. Он шел рядом с ней, все так же держа за локоть.

Заметив их, старушка выпрямилась и радостно улыбнулась, демонстрируя беззубый рот. Ее сморщенное лицо стало похожим на сухое яблоко.

– Господарь наш! Здрав будь! И госпожа молодая. Как хорошо, что вы ко мне пожаловали. – Старушка шамкала губами, и от этого половина слов оказалась едва различима.

– И тебе здоровья, госпожа. – Габор поклонился старушке.

У той аж румянец на щеках проступил. Она выглядела такой довольной, что у Олеси вдруг стало теплее на душе.

– Вы нам продадите... какую-нибудь свечу?

Старушка заулыбалась еще счастливее:

– Конечно, молодая госпожа! Какие желаете? Есть с запахом лаванды. Есть с розовым ароматом. А есть с клевером. А эти вообще чудесные – тут и мелисса, и бессмертник, и ваниль.

Олеся взяла длинную свечу нежно-розового цвета.

– Вот ее и возьмем. И еще ту, что розами пахнет.

Старушка радостно закивала и завернула каждую свечу в шуршащую бумагу.

– Вот, госпожа. Три геллера.

Олеся вопросительно посмотрела на Габора. Он уже протягивал старушке три монетки. На вид они выглядели, как самые обычные медяки. Олеся забрала свечи и потянулась, чтобы положить их в корзинку с флаконами, которую Габор держал в руках. Делая вид, что укладывает свечи, она встала на цыпочки и зашептала Габору в шею, не доставая даже до уха:

– Дайте ей эту... ну, серебряную... Кр... как-то его там.

Габор посмотрела на нее странным взглядом. Что в нем таилось Олеся не могла разгадать, но на всякий случай отступила на шаг. Габор же просто достал еще одну монету и отдал старушке.

– Что вы, господарь?! Я большего за свой товар не прошу.

Габор хоть и отвечал старушке, но продолжал смотреть на Олесю:

– Твой товар моей спутнице приглянулся.

– Благодарствуй, господин. Благодарствуйте и вы, госпожа. Долгих вам лет жизни. И берегите друг друга. Мужчине – стеной быть. А женщине – его поддержкой.

Олеся повернулась к старушке:

– О, нет-нет, мы не...

– Здоровья тебе, госпожа. – Габор перебил Олесю, снова подхватил ее под локоть и потянул за собой.

В кои-то веки Олеся решила промолчать. Габор заговорил первым:

– А вы действительно сумасшедшая. Теперь я точно уверен.

Олеся тяжело вздохнула. Вот и что ему на это ответить? Сейчас наверное действительно лучше промолчать.

Громкий металлический звон разнесся по холодному воздуху. Ритмичные удары привлекли Олесиное внимание, и она с любопытством начала оглядываться. Жар полыхнул с одного из домов. Возле него оказался навес, под которым расположилась самая настоящая...

– Кузница! – Олеся с удивлением смотрела на огромного мужчину, больше похожего на медведя.

Он ловко орудовал молотком, отбивая быстрый ритм. Габор сурово оглянулся на Олесю:

– Стойте здесь. И ни шагу в сторону. Если не обнаружу вас, когда вернусь...

Он не закончил. Опалил каким-то странным взглядом, словно не знал, что с ней делать, и отошел к кузнецу. Великан оставил работу и поклонился. Габор о чем-то заговорил, изредка бросая на Олесю предостерегающие взгляды. Она же чувствовала себя дурочкой, стоя в одино-

честве посреди дороги. Ничего не оставалось, как рассматривать хмурого кузнеца. Он, в основном, только кивал, но вдруг посмотрел куда-то вверх и вытащил длинную цепь. Габор помотал головой, забрал из его рук цепь и на что-то указал на ней. А затем неожиданно посмотрел на Олесю.

У нее внутри все оборвалось. Габор отдал цепь кузнецу и вернулся к Олесе.

– Куда теперь?

«Подальше от вас!» Олеся огляделась, ища место, где сможет оказаться на приличном расстоянии от него. Ее внимание привлек громкий детский смех.

– Туда! – Олеся кивнула головой в сторону пестрой то ли палатки, то ли шатра.

Не дожидаясь согласия Габора, она пошла вперед. У палатки толпились дети. Одни стояли, другие сидели на бочонках. У палатки кто-то соорудил небольшую сцену, размером с кофейный столик. На ней торчали странного вида деревья – наверняка раскрашенный картон, треугольник, видимо, изображающий роль горы, и глиняный горшок. Судя по всему, котел. Дети хохотали и что-то выкрикивали. Олеся остановилась позади всех, чувствуя молчаливое присутствие за спиной Габора.

Аляповато раскрашенный артист неопределенного пола сидел за сценой, обхватывая ее руками. На его ладони были надеты забавного вида куклы. Одна изображала ребенка, вторая – какое-то пушистое существо. Стараясь говорить низким хриплым голосом, актер потряс пушистой куклой:

– Иди сюда, глупый ребенок!

Для куклы-мальчишки у актера нашелся писклявый голос:

– Не тронь меня, демон!

– Мы будем смотреть представление для детей? – Шепот Габора обжег ухо, и по телу Олеси вновь побежали мурашки.

Да что ж он на нее так действует? Она не стала оборачиваться к нему, полностью сосредоточившись на происходящем на крошечной сцене. Это пушистое существо было до странного ей знакомо.

– Да. – Стараясь не шуметь, Олеся отвечала тоже шепотом. – Я хочу посмотреть.

– Эта сказка всем наизусть известна. – В голосе Габора слышалось недовольство.

– А я ее не знаю.

– Я могу рассказать вам дома.

Это его «дома» действовало на Олесю странным образом. Как будто у них действительно был общий дом, какая-то связь. Гораздо более крепкая, чем ее «брак» с его братом. Олеся покачала головой и обернулась к Габору. Он стоял слишком близко. Задирая голову вверх, чтобы смотреть ему в глаза, ей самой казалось, что она подставляет лицо для поцелуя.

– Если вам скучно, можете оставить меня здесь. Я хочу посмотреть спектакль.

Она быстро отвернулась, чтобы не видеть таинственного ледяного сияния в его глазах, и сосредоточилась на представлении. Мальчишка как раз пытался удрать от чудища. Но пушистый монстр умудрился схватить того и посадить в мешок за спиной, из которого торчали тряпичные головы других детей. Чудище бодро шагало через лес, петляя мимо картонных деревьев и размышляло о том, какой чудесный суп сварит из своей добычи, и гадало, не сменила ли украденная красавица гнев на милость.

Олесю неожиданно увлекла эта история. В очертаниях странного существа виделось что-то знакомое. И это перекликалось с воспоминаниями Маргит, чей разум достался Олесе «по наследству». И вместе с тем она испытывала странное чувство восторга.

Она с детства обожала театр кукол. Денег часто не хватало, но по всем праздникам бабушка обязательно водила Олесю на представления. С замиранием сердца она следила за перипетиями, выпавшими на долю тряпичных персонажей.

Наверное артист с дурацким гримом и в глупом колпаке, который сейчас развлекал ребятню, был и вправду волшебником. Олеся брела по хмурому лесу вместе со странным монстром. Она даже вздрогнула от неожиданности, когда из-за дерева выскочило еще одно чудище.

Олеся удивленно прошептала:

– Разве одного чудовища недостаточно?

– Это Крампус. – Габор тоже шептал, продолжая обжигать ее кожу горячим дыханием. – Главный над всеми демонами.

– А тот, второй? Тоже Крампус?

– Нет, Крампус один. Другой просто демон.

– И зачем они нужны?

Олеся нахмурилась, пытаясь понять. Крампус в это время дотащил детей до пещеры и начал скидывать их в «котел».

– Они просто есть.

Олеся нахмурилась. В словах Габора отчетливо слышалась вера в то, что демоны – вполне реальные существа. Но этого же не может быть! Хотя... она ведь как-то попала сюда? А ведь раньше считала, что подобное происходит лишь в книгах и фильмах. Она внимательно следила за происходящим. Демон помешивал детишек в котле, напевая песенку. Ребята-зрители затаили дыхание, и Олеся вместе с ними. Не отводя взгляда от сцены, чтобы не пропустить ни одной детали, она тихо спросила у Габора:

– Он что же, и вправду собирается съесть детей?

– Да, конечно.

Голос Габора звучал так спокойно и ровно, что Олеся не удержалась и повернулась к нему:

– Я что-то не пойму. Вы верите, что демоны существуют и... едят детей?

Целую вечность он смотрел на нее своим непостижимым взглядом, снимая слой за слоем и пытаясь добраться до самой сути. Олеся стало страшно. Она отвернулась, вновь погружаясь в детскую сказку. Неожиданно Габор вновь зашептал ей на ухо:

– Демоны действительно существуют. Главный из них – Крампус. В конце каждого года он начинает свой обход. Тех, кто вел себя плохо, наказывает розгами и мажет лицо углем. А тех, кто ослушается запрета на прогулки после заката, может схватить и утащить в свою пещеру на скале. Вот как в этой сказке.

У Олеси даже челюсть отвисла.

– И никто ничего не делает, чтобы спасти детей?

– Крампус уже давно никого не похищал. Мы строго соблюдаем все запреты. Иногда в лесу объявляются обычные демоны. Но они не обладают такой же силой, как Крампус.

Артист умудрялся подражать десятку детских голосов. Они ойкали в котле, умоляя Крампуса простить их и отпустить. Крампус гаденько хихикал, продолжая мешать свое варево. У Олеси внутри все аж сжалось от напряжения. Она и сама не поняла, когда начала воспринимать все происходящее всерьез.

– А если Крампус действительно схватит ребенка? Никому не будет до него дела?

– Почему же? – В голосе Габора отчетливо слышалось удивление. – Отправимся на его поиски.

Олеся все-таки отвлеклась от сцены. Что-то в его словах было такое... Она вдруг поняла, ЧТО именно он сказал.

– И вы тоже отправитесь?

Лицо Габора не выражало никаких эмоций:

– Конечно. Я – господарь этих земель. На мне лежит ответственность за всех, кто здесь живет.

Он действительно настолько благородный? Или просто хочет таковым казаться? Потопил за собой целую армию, опасаясь за свою шкуру, но тут же утверждает, что отправится искать какого-то ребенка, которого и в глаза ни видел.

– Разве не легче вам сидеть в замке? Под защитой и в безопасности? Ребенок ведь сам виноват, что вышел из дома после заката.

Губы изогнулись в усмешке:

– Вы так отчаянно напрашиваетесь на ссору со мной, Маргит... Вот только не могу понять, зачем?

Олеся попыталась вырваться из плена его глаз и не смогла. Слишком поздно она спохватилась. Слишком поздно вспомнила, что это не тот мир, к которому она привыкла. Люди здесь иные. Хотя нет. Люди такие же. Просто мыслят иначе. Опасность здесь кроется не в предательстве мужа, а в закатном солнце. Наверняка, измена тут воспринимается, как наименьшее из зол. Не находя сил отвернуться, Олеся закусила губу. Взгляд Габора тут же переместился на ее рот. Да когда же он поцелует ее?! Ей это необходимо. Никогда, ни разу в жизни она не хотела мужчину настолько сильно. Она прекрасно жила и без секса. Но с Габором... Хотя бы поцелуй...

С трудом вдохнув, Олеся нечеловеческим усилием заставила себя отвернуться. Невидящим взглядом уставилась на артиста и маленькую сцену. Рядом раздался быстрый напряженный выдох Габора. Что занимает его мысли? Кто? Красотка с медовухой наперевес? И почему ее это так волнует? Как будто бы ей есть до него какое-то дело. У него же наверняка полно женщин. Она сама слышала разговор Фиданки и другой служанки в замке. Глупо так реагировать на того, кто каждую ночь и каждый день может иметь новую.

Сказка закончилась. Артист забавно кланялся, облепившим его ребятишкам. Внезапно охрипшим голосом Олеся тихонько пожаловалась:

– Из-за вас я пропустила конец сказки.

– Я расскажу вам, чем все закончилось. Ночью. Когда и положено рассказывать сказки.

Олеся так резко повернулась к Габору, что едва не упала. Его тяжелый пристальный взгляд искрился, как снег под луной. У Олеси перехватило дыхание. Пока не натворила глупостей, она отвернулась и зашагала, сама не понимая и не видя, куда идет. Постоянно оскальзываясь и шатаясь, словно пьяная, Олеся брела вперед. Радостный женский смех вытащил из странного состояния полусна. Это были все те же девушки, которые до этого гонялись друг за дружкой с цветными лентами. На этот раз они ходили вокруг небольшого костерка, который кто-то для них развел, и тихонько пели. Слова песни Олеси не могла разобрать, зато разглядела в руках девушек небольшие подожженные... пучки соломы? Ей хотелось спросить у Габора, что они делают, но лучше действительно не открывать при нем рта.

Его присутствие за спиной Олеся ощутила так остро и ярко, как если бы увидела. Горячая и шершавая ладонь поднырнула под ее, легко коснулась и двинулась дальше. Олеся вздрогнула и взглянула вниз, а потом вверх. Габор устроил ее ладонь на своем локте. Он усмехался, небрежно склонив голову к плечу, как будто рассматривал забавную букашку.

– Такое стремление сбежать от меня... Где же ваша внезапно обретенная храбрость?

Олеся чувствовала себя странно. Габор всего лишь взял ее под руку – такое обычное и ничего незначущее действие. Но внутри забурило водоворот. Словно это было нечто большее, чем помощь неловкой женщине. Муж никогда так не делал. Почему-то он считал, что любое проявление заботы о ней умалит его мужественность. Урод! Почему она вообще все время их сравнивает? Олеся снова взглянула на девушек у костра.

– А раньше я была трусихой?

Габор как будто удивился, услышав ее вопрос. Он пожал плечами и повел ее к ярким палаткам со всевозможными товарами:

– Я не часто с вами общался. Но вы были довольно... замкнутой. По-моему, вы меня недолюбливали.

Он ухмыльнулся, без сомнений провоцируя ее на что-то. Ладно, сам напросился. Или это она напрашивается? Но Олесе все сложнее становилось держать себя в руках.

– А с вашим братом... моим... моим мужем? С ним я тоже была замкнутой?

Чего бы она ни пыталась добиться, цель оказалась достигнута. Лицо Габора напряглось. На щеках проступили желваки, а глаза опасно сощурились. Даже голос изменился. Стал ниже и грубее.

– Понятия не имею, какой вы были с ним.

Габор, как с цепи сорвался. Потащил ее к шатру, едва ли ни волоча за собой. Олесе не могла понять такой странной перемены. Что его вдруг так разозлило? Он же знает, что она – жена его брата. То есть не она – Маргит. Ох... Так действительно можно сойти с ума. Мало того, что в голове полный сумбур, так еще и эти заигрывания с Габором... До добра они не доведут. А что, если все ее эмоции по отношению к нему на самом деле принадлежат Маргит? Ведь чувствует же Олесе ее страх от этого жуткого Крампуса. И зная, висящее в коридоре она узнала. Но в памяти Маргит не было вообще ничего, связанного с Габором. Как Олесе ни пыталась пробиться сквозь сумасшедшие видения, но разглядеть там Габора не удавалось. Похоже, для Маргит он вообще не существовал. А вот для Олеси стал болезненно реальным. Даже слишком. Она должна придумать, как отсюда выбраться. И чтобы не отвлекаться, следует помнить о муже Маргит.

– Выбирайте! – Габор подтащил ее к очередной палатке, чуть ли не швырнув на прилавок.

Мысли о муже тут же вылетели из головы, как Олесе ни старалась их удержать. Она уставилась на десятки ярких украшений. Цветной бисер и кристаллы задорно горели в лучах оранжевого закатного солнца.

Олесе удивленно повернулась к Габору. Он не отводил от нее разъяренного взгляда. Неужели действительно разозлился из-за ее слов о муже? Не может такого быть.

– Что я должна выбрать?

Он прищурился еще больше. На какую-то секунду Олесе показалось, что в них мелькают вспышки молний.

– Что хотите, Маргит, то и выбирайте. Вы же за этим рвались в деревню.

Продавец, как и все до него, начал раскланиваться и рассыпаться в восторгах, но Габор его вообще, кажется не видел и не слышал. Олесе неловко поежилась: она терпеть не могла привлекать к себе внимание. Тем более, такое.

– Нет, не за этим. Я просто хотела посмотреть.

– Посмотрели? А теперь выбирайте. – Он уже шипел, как холодный камень, от упавших на него горячих искр.

Олесе вернулась к прилавку, заполненному вышитыми ободками, браслетами и воротниками. Тут были и серьги, и красивые кольца тоже из бисера, и необычные украшения для волос. Олесе выбрала первое попавшееся: искусное переплетение цепочек с маленькими розовыми кристаллами. Они напоминали крошечные звездочки. Нежное волшебное украшение, какое могло быть у Маргит или любой другой девушки, но не у Олеси. В том, реальном мире, муж бы не купил ей ничего подобного – потому что «нечего тратить деньги на всякую ерунду». И она бы сама не купила. Потому что «некуда надеть». А здесь... Здесь ее принимают за другую женщину, и она не имеет права ни на какие украшения. Она вообще здесь ни на что не имеет права. Просто, как говорят, «держит место» до возвращения Маргит. Интересно, она бы одобрила Олесин выбор? Ох, да плевать. Она не выбирала такой исход событий. Олесе ткнула пальцем в украшение:

– Вот это сгодится?

Габор, кажется, немного остыл. Он все еще выглядел злым, но лицо превратилось в ледяную маску. Опять этот странный прищур, от которого стыла кровь, и сердце то останавливалось, то начинало стучать с невообразимой скоростью.

– Сгодится. – Габор швырнул торговцу блестящие монеты, бросил украшение в корзинку и, схватив Олесю за локоть, потащил дальше.

Она дергалась, как рыба на крючке:

– Пустите же меня! Что на вас нашло?

– Поздно уже. Солнце садится. Нагулялись. – Габор проскрежетал сквозь зубы так, словно это должно было Олесе о чем-то сказать.

– И что? Бойтесь Крампуса? Думаете, он выйдет на охоту за нашкодившим... господарем? – Олеся чувствовала себя безвольной игрушкой в руках умелого артиста. – А как же ваше войско? Кстати, где оно? Что-то я никого не вижу. – Олеся демонстративно обернулась.

Женское пение и смех стали громче. Девушки бегали вокруг разгоревшегося костра. Песня то обрывалась смехом, то вновь возобновлялась. Неожиданно Габор дернул Олесю на себя:

– Вы хотели неприятностей, Маргит? Вы их получили. Не могу отказывать женщине, когда она так горячо просит.

Олеся поняла, что это не простая угроза. Она действительно напросилась на неприятности. Будущее окрасилось в багряно-алые тона заходящего солнца. Карета пылала, а окружающие ее солдаты казались каменными изваяниями. Вот, значит, где его армия.

Один из солдат стремительно открыл дверцу, и Габор без церемоний зашвырнул Олесю внутрь. Рядом упала корзинка, тихо звякнули пузырьки. Путаясь в подоле и цепляясь о ступеньки, Олеся упала на мягкое сидение. Габор последовал за ней, на ходу приказав кому-то:

– Найди Адрианну и Драгана. Мы уезжаем.

– Слушаюсь, государь.

Олеся с трудом села, убрав упавшие на глаза волосы. Габор захлопнул дверцу и опустился напротив, тяжело отдернув в сторону ворот плаща. Выражение его глаз обещало скорую расправу. Олеся выпрямилась и гордо вскинула подбородок. Ему ее не запугать! У нее тряслись поджилки от страха, но ничего этого она ему не покажет. Габор издевательски рассмеялся:

– Как бы ни пытались храбриться, я вижу, что вы дрожите от страха, Маргит. – Он резко приблизился к ней. Лицо стало серьезным и злым. – У вас есть время до прихода Адрианны и Драгана. Лучше расскажите мне сами, что с вами произошло, или я вырву правду пытками.

Олеся сглотнула ком в горле. Взгляд Габора стал бешеным. Он не шутил. Может действительно признаться? Но если она скажет правду, он не поверит. Подумает, что ее подослал этот странный Крампус. Понимая, что делает шаг в пропасть, Олеся заставила себя ухмыльнуться:

– Вы так обиделись на мои слова? Разозлились, как маленький мальчик. И все, что можете сделать – пригрозить пытками. Пытайте, если это единственное, на что вы способны с женщиной.

С лицом Габора произошло что-то странное. На какой-то миг Олесе показалось, что вены под его кожей вспыхнули, как разряды молний. Она моргнула, и тут же все исчезло.

– Хотите знать, на что я способен с женщиной? – От его низкого хриплого шепота, по телу прошла горячая волна.

Олеся не собиралась отвечать. И так вырыла себе могилу. А что если он и вправду... Она не успела додумать эту мысль – Габор метнулся к ней, прижимая к мягкому сидению. Олеся едва успела сделать вдох перед тем, как губы Габора набросились на ее рот. Именно набросились. Накинулись, как голодные звери. Они с Габором не закрывали глаз, продолжая смотреть друг на друга. Радужки мерцали странными вспышками, а рот... Олеся не выдержала и приоткрыла губы. Габор жадно скользнул языком между ними. Он целовал ее медленно, настой-

чиво, прикусывая зубами и слизывая тихие стоны. Олеся начала задыхаться. Ее захлестнуло странное ощущение неправильности.

Его губы были твердыми и чуточку шершавыми. Коллючая щетина царапала нежную кожу вокруг рта и подбородок. Каждое движение было жестким и вкрадчивым, словно он пробовал ее на вкус.

Олеся поняла, что не так было в этом поцелуе. Он был расчетливым. Каждое движение четко выверено и отрепетировано. Олеся была молчаливой куклой, на которой он отрабатывал свое мастерство. О, да, он делал это почти совершенно. Ее бедное сердце выпрыгивало из груди от восторга и ощущения горячих касаний языка. Но душа чувствовала, что все не так. Он просто наказывал ее. Пытался проучить. Ни капли эмоций. Холодный расчет.

Олеся собралась с силами и резко впилась в губу Габора зубами. Он тихо рыкнул, отстранившись. А Олеся ощутила на языке солоноватый привкус крови. Странно пьянящий вкус. Будоражащий. Это возбудило ее больше, чем механический поцелуй. Пристально глядя ей в глаза, Габор слизнул струйку крови, бегущую из раны на губе. Олеся вздрогнула. Ее бросило в жар, и одежда стала слишком тесной.

Снаружи слышались голоса и женский смех, а через секунду дверца кареты распахнулась. Олеся и Габор отпрянули друг от друга. С молниеносной скоростью он пересел на сиденье напротив. Сама не зная почему, Олеся ощутила странную обиду. Сначала этот неживой поцелуй, теперь отодвинулся, как будто стыдился ее или считал прокаженной.

Радостно смеющаяся Адрианна забралась внутрь:

– Как же было замечательно! Нам нужно чаще выбираться в деревню. По-моему, мы слишком рано уехали.

Драган лишь молча кивал. Олеся заметила, каким взглядом он смотрел на Адрианну. Восторженно-влюбленным. На лице застыла глуповатая, но счастливая улыбка. Адрианна же покраснелась, явно от смущения. Олеся завистливо вздохнула. Она всегда мечтала о такой любви. Пусть это наивно и глупо, но ей хотелось, чтобы все было, как в сказке. Что она получила в результате? Муж ни капельки не любил и изменял. А Габор холодно демонстрировал свои умения. У него вообще не было сердца. Да и зачем она о нем думает? Он ей никто. Как только выберется отсюда, сразу же обо всем забудет.

Черт! Она ведь хотела разузнать про деда, который бросил ее на дороге. А вместо этого думала только о Габоре. Олеся сердита взглянула на него. Он смотрел прямо на нее.

– Уже закат. Да и Маргит... утомилась. – В его голосе Олеся отчетливо услышала обещание всех возможных пыток, которые только существуют на свете.

Дура! А она-то мечтала о поцелуе. Фантазировала, каким он будет. Технически – совершенный. И совершенно бесчувственный. Получила, дуреха? Чтобы знала, как на чужих мужиков зариться. Пусть, вон, идет к своей Фиданке. Вот уж кто точно будет рад.

– Ой, верно. Закат! – Адрианна не выглядела ни встревоженной, ни испуганной.

Они с Драганом все время переглядывались, после чего Драган загадочно улыбался, а Адрианна начинала хихикать.

– Габор, братец? С кем ты умудрился подраться?

– О чем ты?

Мерзавец, наконец, отвернулся от Олеси и обратил внимание на сестру. Олеся облегченно выдохнула. Она и не заметила, что все это время сидела в жутком напряжении.

Адрианна стала серьезной:

– У тебя кровь из губы идет.

Габор бросил на Олесю быстрый взгляд, который обжег сильнее, чем их поцелуй-недоумение. Олесе стало интересно, что он ответит, но неожиданно лошади заржали, и карета начала останавливаться. Олеся попыталась выглянуть в окошко, но Габор бесцеремонно толк-

нул ее в плечо, прижимая к сидению. Рядом неподвижно замерла Адрианна. Габор и Драган почти синхронно откинули плащи и положили ладони на эфесы скрытых в ножнах сабель. Странно, а ведь Олеся даже не замечала, что Габор вооружен.

Он взглянул сначала на нее, а затем на сестру. Приложил палец к губам, призывая молчать. Адрианна тут же быстро закивала. Олеся тоже кивнула, начиная осознавать, что дело плохо. Габор бросил на нее внимательный взгляд и отвернулся к Драгану, указывая пальцем сначала на себя, потом на него. Драган кивнул и пропустил Габора вперед.

Габор открыл дверцу кареты, на ходу вытаскивая саблю и выскакивая наружу. До Олеси донесся и знакомый, и незнакомый голос, от которого внутри все заледенело. Теперь она точно знала, что значит выражение «волосы встали дыбом». Чужие воспоминания вихрем завертелись в голове. Отчетливый свист кнута. Издевательский смех и деревянная маска жуткого монстра.

– Брат! Вот так сюрприз! Не ожидал, что ты нарушишь свой же запрет и покинешь крепость на закате.

Олесе стало дурно. Ее замутило, и завтрак попросился наружу. Сама того не замечая, она вцепилась в ладонь Адрианны. Та удивленно на нее посмотрела:

– Это же Миклош! Слава Небесам! – От радостной улыбки Адрианны Олесе стало только хуже.

Картинки перед глазами мелькали так быстро и часто, что Олесе начало казаться, будто она летит на карусели. Сумасшедшие видения Маргит сменялись вполне осознанными и четкими воспоминаниями. И от того, что видела, Олеся начинала испытывать почти животный ужас.

Она попала в ад. То, что она очутилась здесь – ее наказание за какие-то грехи. Когда воспоминания Маргит оборвались темнотой, Олеся уже все поняла. Несчастную сумасшедшую женщину убил собственный муж. Убил жестоко и расчетливо. И то же самое ожидает Олесю. Теперь она либо умрет, либо сбежит отсюда. Но есть ли у нее шанс?

Глава 8

Она творила с ним что-то невероятное. Никогда, ни разу в жизни, он не терял контроль и не выходил из себя. Самообладание и выдержка – первое, чему его научили родители. «Гнев – худший советчик.» «От тебя и твоей холодной головы зависят тысячи людей.» «Враги только и будут ждать твоей ошибки. Не сможешь скрыть свои замыслы, и они станут достоянием твоих врагов.» Каждый день отец повторял, что необходимо держать себя под контролем. И до сегодняшнего дня Габор прекрасно с этим справлялся. Он справлялся с этим великолепно. Никто не мог похвастаться тем, что вывел господаря Дьекельни из себя. Никто не мог заранее узнать о его планах. Никто не мог пробить стену его самообладания и вывести на ненужные эмоции. Никто, кроме Маргит. Эта ведьма умудрилась довести его до потери контроля. Так легко и искусно, словно привыкла играть мужиками.

Габор не узнавал сам себя. Пара слов. Чертова пара слов! Не о маленьком мальчике и не о его бессилии с женщинами. Нет, совсем нет. Его вывело из себя упоминание о Миклоше.

Во время этой нелепой прогулки по деревне он совершенно забыл о том, что Маргит принадлежит другому. Его собственному брату. И то, каким голосом она спросила о нем... Нежно, неуверенно, интимно. Как будто между ней и Миклошем было что-то особенное, что не дано понять такому, как Габор. Все остальные слова стали лишь очередными углями в горящем огне. И этот поцелуй... О чем он думал? О чем?! Хотел проучить зарвавшуюся девицу. Хотел наказать ее. Думал, что она забудется в его руках, перестанет соображать и прижмется к нему в поисках новой ласки. Ну или хотя бы смутится. Но она укусила его. Укусила! И кому он что доказал? Только сделал хуже самому себе. Потому что узнал, каковы ее губы. Мягкие, нежные, вкусные. Хотелось впиваться в них зубами и втягивать в свой рот. Хотелось ощутить их везде на своем теле. Теперь мысли об этом будут неустанно преследовать его.

Нет смысла отрицать, что он безумно хочет заполучить ее в свою постель. Габор не мог выбросить из головы картины того, что мечтает сделать с Маргит. Она забудет и о Миклоше, и обо всем на свете. Будет умолять его продолжить и соглашаться на все, что он прикажет ей сделать. Каким бы постыдным ей это ни казалось. Она будет его. В его власти. Полностью покорная и подчиненная. Он сделает так, что Маргит будет зависеть от его ласк. Они станут ей жизненно необходимы. Превратятся в ее наркотик. И она сама будет умолять его не отдавать ее Миклошу.

Наваждение какое-то. Габор понимал, что его влечение к Маргит переходит все допустимые границы. Если не прикоснется к ней снова, не поцелует, то сойдет с ума. Ее губы так послушно раскрывались под его губами. Она тихонько стонала ему в рот, согревая теплым дыханием, от которого Габор вспыхнул, как сухой хворост. Он едва удержал себя в узде, когда коснулся языком ее губ. Ему хотелось, нет, нужно было!, превратить этот поцелуй не в наказание, а в порочное наслаждение. Чтобы только целуясь с ним, Маргит уже чувствовала себя принадлежащей ему. Это точно наваждение. Сумасшествие. Она околдовала его. Должно быть, это и впрямь происки Крампуса.

Когда карета начала останавливаться, Габор готов был вслух благодарить Небеса. Находиться в тесном пространстве, напротив Маргит, знать, что его губы совсем недавно касались ее губ – это сложно. Очень сложно. Невозможно было удержаться от желания хотя бы дотронуться до нее. Провести пальцами по нежной бледной коже, слегка тронутой румянцем. Вынужденную остановку Габор воспринял, как спасение. Он ринулся вперед, готовый к встрече с демоном, почти надеясь на нее. Он был готов ко всему. Даже к проклятому Крампусу! Но не к тому, что из кареты вальяжно и не спеша выйдет Миклош.

Хитрый гаденыш выглядел обрюзгшим, как будто пил, не просыхая, несколько дней подряд.

– Брат! Вот так сюрприз! Не ожидал, что ты нарушишь свой же запрет и покинешь крепость на закате.

Габор сжал зубы и огляделся, все еще надеясь увидеть демона. Но вокруг, как назло, все было спокойно. Габор не торопился убирать саблю. Миклош прибыл не вовремя. Хотя, учитывая все произошедшее с Маргит, сильно задержался. Как бы невзначай прикрыв дверцу кареты, Габор заставил себя улыбнуться:

– Кто еще осмелится нарушить мой запрет, если не я сам?

– Ха-ха-ха! Ты всегда любил ходить по краю. Раз уж мы встретились тут, отправимся в крепость вдвоем? – Миклош шагнул к карете, но Габор быстро преградил ему дорогу.

– Там у меня... дама, не совсем одетая. Сам понимаешь, она не готова к новому знакомству.

Миклош заржал. Габор в очередной раз убеждался, как между ними мало общего.

– Боишься, что она увидит меня и сразу же забудет о тебе?

Габору захотелось всадить кулак в его самодовольную рожу. Знал бы братец, кто сейчас находится в карете. Мысли вернулись к Маргит. Кого же на самом деле она предпочтет? Его или брата? Идиотизм какой-то. Она уже выбрала Миклоша. Но ведь и сам Габор не обращал на нее внимания до последнего времени.

– Да. – Габор пожал плечами. – Есть такие опасения.

– Не думал, что ты опустишься до подобного. – Миклош задумчивым взглядом буравил карету. – Ты всегда такой правильный. И кто же там? Какая-нибудь аристократочка? Или служанка?

Проклятье! Там же Адрианна. И она наверняка слышала голос Миклоша.

Пока сестра не выдала его, Габор направился в сторону кареты Миклоша.

– Я тоже человек и мне тоже иногда хочется расслабиться. – Габор распахнул дверцу кареты, пропуская брата вперед.

Когда Миклош, наконец, приблизился, Габор едва ли не силой впихнул его внутрь. Кивнул своему кучеру:

– Следуй за нами.

Он лишь надеялся, что успеет увести Миклоша до того момента, как появится Маргит.

– Ты один? – Габор демонстративно осмотрел пустую карету. – А где же супруга?

Лицо Миклоша изменилось. Моментально. Габор часто видел подобное. Тем более в брате. Знал его слишком хорошо, чтобы не разглядеть быструю смену масок. В детстве он часто становился свидетелем того, как Миклош принимал обиженный несчастный вид, пытаясь получить от родителей желаемое. Сейчас он выглядел так же – несчастным мальчиком, несправедливо обиженным страшим братом.

– А моя супруга, дорогой брат, сбежала. Вот так-то...

Габор подумал, что ослышался. Значит, сбежала... И кто же из них двоих врет?

– Как это – «сбежала»? Она же... Не совсем в себе.

Ему нужно знать, известно ли Миклошу о чудесном исцелении Маргит.

– Не в себе, но так же коварна как и все женщины. – Миклош отвернулся к окну, видимо, пытаясь скрыть свои истинные эмоции.

Габор едва зубами не заскрежетал. Ему что, силой вытаскивать из него подробности? Нет, Миклош сам ему все расскажет. Он не будет давить. Просто немного подыграет.

– Я никогда не понимал, зачем ты женился на этой полоумной.

На лице Миклоша мелькнуло раздражение. Кажется, подействовало.

– Я любил ее. Тебе, брат, неизвестно, что это такое.

Ну, да, любил. А как же тот смазливый слизняк?

– Ты любил ее, а она любила наши деньги.

– Не все меряется деньгами, брат. Я думал, она тоже меня любит. Возможно не так сильно, как я ее, но любит. И что же выясняется? Она умудрилась за моей спиной завести любовника и сбежать с ним! С каким-то крестьянином!

Габор на секунду утратил дар речи. Любовник? У Маргит? Когда же она умудрилась?

– Ты серьезно? Или решил подшутить?

– Мне не до шуток! – Миклош неуверенно заерзал на своем сидении.

Значит, все-таки, врет... Габор решил играть роль глуповатого старшего брата, одержимого приличиями.

– Нужно ее найти! Она позорит наш род.

Миклош скривился. Какую ложь придумал на этот раз?

– Я почти ее нашел. Выследил на пути в столицу, но им удалось уйти.

– Я дам своих людей. Они найдут и Маргит, и ее любовника. С кем она спуталась?

– С крестьянином, сказал же. Я не буду продолжать поиски, Габор. У меня все еще сохранилась гордость. После того, как своими глазами видел их поцелуи прямо посреди дороги... Пусть катится к Крампусу! Собралась в столицу? Вот там пускай и остается.

Габор запоминал каждое слово в этом нагромождении лжи. Что за игру затеял Миклош? И что скрывает Маргит?

– Как давно это было?

– Да вот вчера днем и было. Как увидел, решил: катись на все четыре стороны. Повернул карету и отправился сюда.

Маргит не могла целоваться посреди дороги со своим любовником – она уже три дня в замке. А вчера так и вовсе едва стояла на ногах. Если любовник и был, в чем Габор сильно сомневался, то он бросил Маргит. А вот в чем никаких сомнений не было, так это в лжи Миклоша. И если он зачем-то врет о том, что вчера видел Маргит целующейся... значит, скорее всего, врет и об остальном. У Маргит не могло быть другого мужчины. Не могло! Габор не желал верить, хоть и понимал, что это невероятно глупо. К тому же, Миклош ни слова не сказал о ее «исцелении». Вряд ли ему об этом известно.

Габор соображал быстро, как мог, складывая в голове кусочки головоломки. Как в детстве. Родители часто заставляли их соревноваться, считая, что это каким-то образом заставит сыновей стремиться к лучшему. Габору часто казалось, что родители их просто стравливают, делая ставки, какой из сыновей не выдержит первым и вцепится в глотку другому. Хотя, конечно, это было не так.

Но вот сейчас... Сейчас нужно соображать. Миклош врет. Зачем он это делает? Что произошло между ним и Маргит на самом деле? Они скоро приедут в крепость, и Миклош, так или иначе, узнает об исцелении Маргит. Или уже знает? Конечно! Как он сразу не подумал?! Похоже, после поцелуя он перестал соображать.

Габор нахмурился:

– Как она умудрилась завести любовника, если даже не может говорить? Вряд ли он писал ей любовные письма. Сомневаюсь, что она умеет читать и писать. Да и крестьяне грамотностью не могут похвастаться... Ты сам-то с трудом с ней общался.

Габор видел, как брат сжал губы. Он уже практически не сомневался, что все сказанное – ложь. Маргит не сбегала с любовником. Нет. Габор не верил в это. Не хотел верить. И раны от кнута на ее спине... Что случилось? И что они оба скрывают?

Лес начал редеть и в квадрате окна показались очертания замка. Габор решил поднажать:

– Так какие у тебя мысли на этот счет?

Миклош скривился, но тут же нацепил на лицо печаль:

– Никаких. Откуда я могу знать, как они договорились?! Она же сумасшедшая. Кто знает, что у нее там на уме.

Габор сдержал ухмылку.

– Раньше ты выходил из себя, когда кто-то называл ее сумасшедшей.

Габор видел, что Миклош с трудом сдерживается. Злился и пытался подавить ненависть, но она упорно проскальзывала на лице и в глазах. Его история была шита белыми нитками. Скорее всего, Миклош даже не утруждал себя тем, чтобы придумать сколько-нибудь правдоподобную версию. Он всегда был самовлюбленным подонком, уверенным в собственной безнаказанности. Ему вряд ли пришло в голову, что кто-то может не поверить в его историю.

Маргит не будет принадлежать ему. Нет. Габор знал, что сделает все, чтобы выяснить, что произошло на самом деле, а потом заберет Маргит себе. Что-то долго Миклош молчит. Нельзя позволять ему собраться с мыслями и придумать новую отговорку. Габор стер с лица все эмоции. Миклош никогда не поверит, что он вдруг превратился в заботливого старшего брата.

– Что ты намерен делать?

Миклош нахмурился. Видимо, уже успел расслабиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Твою жену. Нужно же ее найти.

Миклош побледнел, но быстро взял себя в руки. Подонки прекрасно умеют притворяться и жонглировать эмоциями. Но и Габор бы не был тем, кем стал, ведись он на подобное.

– Зачем ее искать? Я ей не нужен. Она сбежала с жалким крестьянином. Предпочла его мне! А раз так – то и она мне теперь не нужна.

Не знал бы Габор Миклоша, поверил бы и сердитому выражению его глаз и обиде на лице и даже горечи в голосе.

– Дело касается всей нашей семьи, Миклош. Маргит – ее часть. Я не позволю смешивать наше имя с грязью. И не позволю, чтобы на каждом закоулке обсуждали то, как полоумная безродная девица обвела вокруг пальца нас всех, выставила дураками, наставила тебе рога, а затем сбежала.

Миклош все-таки не сдержался. Потерял контроль. На лице появилось злобное раздраженное выражение. Роль скучного главы семейства всегда удавалась Габору лучше всего. Может, потому что он таким и был? Привык с детства отвечать за все и всех, в то время как Миклош мог развлекаться, как душа пожелает. Габор загнал непрошенные воспоминания поглубже в память, туда, где всегда их хранил. Сейчас у него другая цель. И все меньше времени до приезда в крепость. Меньше времени до того момента, когда Миклош увидит Маргит, а она его. Габор хотел посмотреть на их реакцию от встречи друг с другом – она о многом могла бы ему рассказать. Но какое-то внутреннее предчувствие твердило, что это плохая идея. Чем дольше они не будут видеться, тем лучше. Невозможно скрыть от Миклоша приезд Маргит. Как и то, что она теперь говорит. Другой вопрос начал мучить Габора: как давно она говорит. Он не сомневался в том, что все эти годы Маргит не притворялась. Нет. Но что-то же случилось. Что-то, что вернуло ей голос и речь, окрасило один глаз в голубой и наделило неожиданной смелостью. Или глупостью, раз посмела спорить с ним. Но даже так сильно изменившись, она все равно оставалась странной. Как будто сумасшествие оставило на ней легкий отпечаток своего прикосновения.

Габор взглянул на Миклоша. Нужно срочно вызвать своих людей из замка брата и поговорить с ними. Должны же они были что-то заметить.

Миклош все еще пытался взять себя в руки. Он постоянно отворачивался к окну, чтобы скрыть свою растерянность, но Габор видел, как бегают его глаза. Да, это тебе не с любовником развлекаться.

Миклош наконец пришел в себя.

– Как считаешь нужным, брат. Ты же – глава рода. Мы все давно научились плясать под твою дудку. Выбирай музыку, а мы станцуем.

В его словах слышалась не злость, нет. Обида. Обычная детская обида. За то, что родился младшим. И – странная самоуверенность. Как будто он был уверен в своей правоте и своем успехе. Копыта лошадей застучали по камню, карета поехала по ровной поверхности. Крепость. Габор тут же собрался. Нужно увести Миклоша со двора. Даже если Маргит будет вести себя смирно, в чем Габор сильно сомневался, то Адрианна наверняка ляпнет лишнего. Она обожала Миклоша, не желая видеть червоточину, появившуюся в нем, кажется, с рождения. Габор почти не сомневался, что Адрианна сразу же расскажет Миклошу и о том, как нашла Маргит, и о ее исцелении. Этого допускать нельзя. Прятать Маргит от Миклоша он не сможет. Да и кто-то из слуг проболтается. Они просто могут обсуждать это между собой, как было в тот раз, когда Маргит умудрилась их подслушать. Нет, он должен поступить иначе. Сейчас Миклоша легче всего вывести на эмоции и заставить ошибиться. Он зол из-за расспросов, устал с дороги и, похоже, уверен в том, что удастся выбраться сухим из воды.

Габор и сам не знал, почему заранее принял сторону Маргит. Она ведь действительно могла сбежать с любовником, который ее избил и бросил умирать на дороге. Но... но что-то внутри упорно твердило, что это не так. Она не поддалась ему, отвергла поцелуй, которым он хотел ее проучить. Спорила с ним и дерзила. Вряд ли бы простой крестьянин вообще удостоился ее взгляда. Габор пытался придумать оправдания, но понимал, что просто не хочет верить в то, что она могла с кем-то спутаться. К тому же он слишком хорошо знал Миклоша. От него сбежала бы и святая. Хоть с крестьянином, хоть с демоном. Габор вдруг вспомнил, как Адрианна просила его разобраться в том, что происходит между Миклошем и Маргит. Он ведь не собирался этого делать. Не было никакого желания лезть в их семью. Но теперь все изменилось. Все изменилось в тот момент, когда Маргит выскочила прямо на его саблю, не боясь острого лезвия и смотря прямо в глаза. Перед ним словно была другая женщина. Вроде бы и черты лица те же, но все-таки незнакомка. И эта незнакомка околдовала. Какой-то странной демонской властью. Опутала его своими интригами, и теперь он готов биться за нее насмерть.

Карета совсем замедлилась и остановилась. Габор быстро выскочил наружу и кивнул подоспевшим слугам:

– Проводите господина Миклоша в его комнаты и проследите, чтобы он получил все необходимое.

Габор смотрел вдаль, где за поворотом уже показывалась вторая карета. Снова обернувшись к Миклошу, который с недовольством зыркал на окруживших его стражников, Габор вновь превратился в заботливого старшего брата.

– Ты долго был в пути. Отдыхай, сколько пожелаешь.

Миклош недовольно скривился:

– Так торопишься избавиться от меня?

Габор хмыкнул:

– Как ты угадал?

– Не переживай, я не буду претендовать на твою пташку. После тебя подбирать не хочется.

Габор знал, что Миклош пытается его уколоть. В этих словах было столько всего... Словно Габор был виноват в том, что родился первым. Но он уже давно перестал реагировать на подобное. Наоборот, у него было огромное желание рассмеяться в лицо брату. Конечно, он не будет претендовать. Хотя бы потому, что интерес у него вызывают мужчины. Но Маргит все еще его жена...

Габор подождал, пока Миклош скроется в замке. Он пристально следил за тем, как брат исчезает в сумраке холла, где еще не были зажжены ни свечи, ни факелы. Солнце бросало последние лучи на крепость, на темные стекла и утопанный снег. Казалось, что все кругом тонет в огне и крови. Габор повернулся ко второй карете. Едва кучер натянул поводья, дверь распахнулась, и наружу вылетела Адрианна.

– Где Миклош? Почему ты его не позвал к нам? Я же слышала. Это точно он!

Габор любил сестру. Прощал ей многое. Но эта ее наивность, которая была бы нормальна для ребенка пяти лет, но никак не для взрослой женщины, начинала раздражать. Стараясь не выйти из себя и не наговорить лишнего Габор втянул сквозь зубы холодный воздух:

– Послушай меня внимательно, Адрианна. Сейчас вы с Драганом займетесь, чем угодно, но ни словом не обмолвитесь с Миклошем. Даже не вздумай идти к нему и приветствовать.

Адрианна попыталась его перебить:

– Но...

Габор видел недоумение, появляющееся на ее лице. Адрианна легко может все испортить и даже не понять, что натворила. Из кареты выбрался Драган. За его спиной Габор рассмотрел силуэт Маргит. Она по-прежнему сидела на своем месте и не двигалась. Как будто, кукла или статуя. Габор понял, что переживает за нее. Напряженность позы видна даже отсюда. Маргит боится и переживает. Но из-за чего? И что ее так пугает, что она даже не двигается.

Как только Драган встал рядом с Адрианной, Габор повернулся к нему:

– До тех пор пока я не позволю, с Миклошем вы не общаетесь. Даже не подходите к нему. Я жду всех за ужином. Это ясно?

Судя по лицу, Драган воспринял это как странную причуду, но Габору было плевать. Лишь бы удержал сестру.

– И вот еще что: не болтайте о Маргит. Ни со слугами, ни с Миклошем.

– Но как же так? – От возмущенного возгласа Адрианны застучало в висках. – Он наверняка извелся от переживаний. И Маргит тоже... И...

Габор одернул сестру:

– Адрианна, это приказ твоего господаря. Он не обсуждается. И не спорь со мной. Вы с Драганом сделаете так, как я сказал. Все. А теперь ступайте внутрь. Холодает.

Габор обошел застывшую пару и скользнул на сидение напротив Маргит. Одного взгляда на ее лицо оказалось достаточно, чтобы понять: никаким любовником тут и в помине не пахло. Конечно, он мог себя обманывать, но Маргит никак не походила на женщину, застуканную мужем на измене. Нет, она казалась насмерть перепуганной. Слишком бледной. Руки сцеплены на коленях и судорожно сжимаются. Ему захотелось сесть рядом и обнять ее. Прижать к своей груди, успокоить, сказать, что защитит от всего. Но Габор подавил этот странный порыв и лишь коротко произнес:

– Ваш муж уже здесь.

Маргит резко подняла голову, как будто только заметила его. Несколько секунд она просто смотрела, а затем отвернулась к окну. Габор понял, что начинает выходить из себя.

– Маргит, посмотрите на меня.

Она не послушалась. Продолжила сидеть, как каменная статуя, глядя в одну точку и не моргая. С ней он слишком легко теряет контроль и способность нормально соображать. Нельзя так реагировать на женщину. На чужую женщину. На жену брата. Но он уже проиграл этот бой. Габор обхватил подбородок Маргит и развернул ее лицо к себе.

– Самое время признаться мне, что между вами произошло.

Ее взгляд блуждал по лицу Габора, и он вдруг ощутил себя перед ней странно обнаженным. Как будто Маргит были известны те его секреты, которые он намеревался унести с собой в могилу. Она что-то искала в его глазах, перерыла всю душу, перекопала нутро. Габор никак не мог понять что именно она ищет в нем. Наконец Маргит разлепила пухлые губы и хрипло печально произнесла:

– Вы все равно мне не поверите...

Габора накрыло странной горячей волной. Он почувствовал себя мальчишкой, которому безумно важно оправдать ожидания взрослых. Хотя нет... Ожидание одного взрослого –

девушки, которая его странным образом приворожила. Откуда все это? В детстве и юношестве он не страдал от любви и подобной чепухи. Не было ни одной женщины, которая смогла бы тронуть его сердце. Но Маргит... Эти ее перемены. Загадочное исцеление. У нее был миллион секретов, и Габор подозревал, что никогда даже не приблизится к разгадке хотя бы одного из них. Вместе с тем он хотел ее защитить. Это желание стало потребностью. Словно бы именно для этого он и был рожден, а вовсе не для управления богатыми и обширными землями. Он ласково провел по нежной холодной коже Маргит, легонько сжал подбородок.

– Скажите, что произошло. Я разберусь.

Она покачала головой и, печально улыбнувшись, повторила:

– Вы не поверите.

– Просто расскажите мне!

– Вы УЖЕ не поверили.

– О чем вы? – Габор пытался зацепиться хоть за что-то. За смену эмоций на ее лице, за выражение глаз, позу. Но Маргит все так же отводила взгляд и не желала смотреть ему в глаза. Что-то случилось. Между ней и Миклошем что-то произошло. Но почему-то она не желает говорить. Во что он не поверил? Какие ее слова показались ему недостаточно убедительными? Габор пытался вспомнить и не мог. За несколько дней они умудрились наговорить друг другу столько всего... Габор ни с одной женщиной столько не разговаривал, сколько с Маргит. Да и с мужчинами все больше слушал.

– Маргит, если... если Миклош вас обидел, то расскажите мне. Я смогу помочь.

Она резко обернулась к нему, глаза сверкнули в сгущающемся сумраке кареты. Габор отчетливо увидел, как темно-карий цвет радужки заполняется ослепительной голубизной. Спустился один краткий миг оба ее глаза стали голубыми. С красивыми серыми крапинками, которые придавали взгляду странную глубину. То ли предрассветное небо, то ли темная опасная река. Знала ли Маргит, что происходит с ее глазами? Габор пытался понять, что это за магия, демонская она или иная, а Маргит его вдруг снова удивила:

– Нет. Он не обидел...

Габор был так заворожен ее взглядом, неестественно пугающей и вместе с тем потрясающей красотой, что едва не прослушал тихий дрожащий шепот:

– Он сделал кое-что гораздо-гораздо хуже...

Не отрывая взгляда от ее глаз, он снова хрипло приказал:

– Расскажите мне.

Она горько усмехнулась и покачала головой:

– Вы его брат. Вы будете на его стороне.

Он что-то хотел сказать, но сам не знал что. Да и зачем слова? Что они решат? Как помогут? Разве что он сможет как-то доказать Маргит, что не такой, как брат. Что отличается от него. Вряд ли намного лучше, но... Но она должна выбрать его. Габор успел лишь удивиться этим странным мыслям. Он взрослый мужчина, господарь великих земель, а пытается заслужить одобрение женщины. Которая ему к тому же не принадлежит... Но дальше не стал додумывать. Он потянулся к ее губам. Это все ее завораживающий колдовской взгляд. Демоны бы его побрали! Ее взгляд заставлял его делать то, что хочется, а не то, что должно. Габор наклонился ниже. Этот поцелуй будет другим. Он привяжет Маргит к нему. Он заставит ее довериться. Он станет ей необходимым и сотрет из ее памяти и души Миклоша.

Габор выдохнул теплый воздух на губы Маргит, и они призывно приоткрылись. Как будто она все-таки ждала поцелуя. Такому приглашению Габор сопротивляться не мог. Он коснулся ее губ, слегка зажал зубами нижнюю и ласково провел по ней языком. Он ощутил каждую трещинку и впадинку. Ее губы были теплыми и мягкими. Слишком нежными. Габор не смог удержаться и снова лизнул.

Маргит тихо вздохнула и чуть подалась ему навстречу. Габор сжал ее плечи, притягивая ближе к себе. От нее исходил мягкий жар, который вызвал лихорадку во всем теле. Ладони сами собой забрались под ее плащ, коснулись тонкой талии. В памяти всплыл силуэт под сорочкой. Очертания груди. Габор скользнул языком в горячую глубину рта. Нашел язык Маргит и жадно лизнул бархатистую поверхность. Маргит отозвалась на эту ласку. Отозвалась страстно и совсем не робко. Так, что у Габора все мышцы натянулись, как тонкие струны. Он готов был взять ее прямо здесь, в карете. Сделать правдой ложь, придуманную для брата. Габор впился в губы Маргит, не позволяя ей дышать чем-то, кроме того же воздуха, каким дышал он. Чтобы одно на двоих дыхание связало их крепкой нитью. Он потянул ее к себе на колени, вдавливая пальцы в нежное тело. Язык стал хозяином в ее рту. Стремился подчинить и установить свою власть, лаская щеки и небо, сталкиваясь с ее языком. Кровь так громко шумела в ушах, что он не слышал ничего, кроме их собственных тяжелых дыханий. Маргит была потрясающей. Пахла морозом, травами и душистыми цветами, а ее вкус... Габор хотел знать, какова она на вкус в самых потаенных местах ее тела.

Он не удержался и накрыл ладонью грудь, сжал, мечтая добраться до обнаженной кожи. Маргит протяжно застонала ему в губы, и Габор сорвался с цепей контроля. Рывком перетянул ее к себе на колени, разводя бедра Маргит и заставляя ее усесться на него верхом. Он задрал подол ненавистного платья и сжал округлую коленку. Двинулся дальше, нетерпеливо стаскивая чулок. Маргит ему необходима. Чтобы кожа к коже, горячие откровенные ласки и никаких запретов.

Пальцы Маргит путались в его волосах, скользили по шее, посылая волны дрожи по всему телу. Ее прикосновения такие страстные и невероятно яркие заставляли мышцы сокращаться от нетерпения. Бедра были безумно напряжены. Габор сдвинулся вперед, стремясь прижаться теснее к Маргит, вдавить в ее тело возбужденную плоть. А она снова его едва не убила. Начала плавно двигаться, скользя на коленях, то прижимаясь к рвущему брюки члену, то отстраняясь. Габор зарывал ей в рот, жадно впился в губы. Он возьмет ее прямо здесь и сейчас. В этой проклятой карете. Насадит на свой член, войдет до упора и будет врываться в ее тело, пока оба не охрипнут от криков, а пот не пропитает одежду.

Маргит вдруг резко отстранилась и попыталась слезть с его коленей. Габор успел перехватить ее, вцепившись в тонкие хрупкие запястья. Она мотала головой из стороны в сторону и соблазнительно покусывала губу. По бледным щекам разлился яркий румянец, а голубые глаза лихорадочно блестели. Габор понял, что еще пара минут и кончит, просто глядя на нее.

Маргит хрипло простонала:

– Это неправильно...

Габор с трудом вник в ее слова. Неправильно? Неправильно?! Да это самое правильное, что он когда-либо делал в своей жизни. Все еще держа ее за руки, он потянул Маргит на себя:

– Теперь ваше место здесь. – Он взглядом указал на свои колени. – Вернитесь.

Ее румянец стал ярче. Глаза грозно сверкнули. Длинные локоны возмущенно колыхнулись, словно от ветра:

– Я вам не домашний питомец, место которого у ног хозяина.

Небеса! Да поговорят ли они хоть раз нормально? Будет ли между ними разговор, который не окончится спором или ссорой? Впрочем, ему хотелось заниматься с ней вовсе не разговорами. Габор криво ухмыльнулся:

– У меня нет домашнего питомца. Но увидеть вас у свои ног я бы не отказался.

Судя по выражению ее лица, Маргит прекрасно поняла, что он имел ввиду. Она гневно приоткрыла рот, наверняка собираясь ответить ему что-то резкое, но сразу же его захлопнула. А Габор едва подавил стон, представив, как ее губы обхватывают его возбужденную плоть. И тут же в душе проснулась ревность. Неужели и Миклош получал от нее такие ласки? Руки крепче стиснули ее запястья. Подобной ревности он не ощущал ни разу в жизни. Похоже,

именно так себя чувствуют избалованные дети, которые хотят, чтобы лучшие игрушки принадлежали только им одним.

К ревности примешалась и неожиданная злость:

– Что же вы молчите? Обычно я достаиваюсь от вас стольких комментариев...

Габор резко дернул Маргит на себя. Она тихо вскрикнула от удивления и опять закусила губу. Габор едва слышно выругался сквозь зубы. Это движение его добьет. Он накрыл ладонью попку, обтянутую тканью платья и надавил, прижимая Маргит еще ближе, устраивая отвердевшую плоть в развилке ее бедер. Как же хорошо... Ничто не сравнится с этим ощущением – быть рядом с ней и в то же время отделенным от нее несколькими слоями ткани. Предвкушение наслаждения – сладчайшая пытка. Маргит вдруг тоже усмехнулась и легонько поерзала, задевая налившийся кровью член.

– Могу вам песню спеть. Или стишок рассказать. Хотите?

Вот же бестия! Габор хотел и рассмеяться, и проучить ее, чтобы выбирала выражения. Но этим он займется, когда они останутся наедине. В постели.

– Хочу, Маргит... Я столько всего хочу...

Она сжала губы и вновь начала вырываться.

– Я тоже хочу. Чтобы вы меня отпустили.

– А я этого делать не хочу.

Маргит недовольно сжала губы, и Габор едва удержался от желания ее поцеловать. Теперь, когда знал, каково это, терпеть становилось практически невозможным. Маргит гневно трянула головой.

– Я уже поняла, что мои желания здесь не учитываются.

– Почему же? – За руки Габор медленно притянул ее к себе, пока их лица не оказались в миллиметре друг от друга. – Если ваши желания совпадают с моими, то они учитываются в первую очередь.

Глаза Маргит снова сверкнули. На лице застыло странное выражение. Как будто ей было больно.

– Не пойму, зачем вы все это делаете... Надеетесь, что сюда ворвется ваш брат, и вы сможете доказать всем, какая я плохая?

Проклятье! Он совершенно забыл о Миклоше. Его приезд напрочь вылетел из головы. И зачем только Маргит напомнила?! Какого демона думала сейчас о нем? Но она сказала «ваш брат», а не «мой муж». Или он просто цепляется за слова в надежде, что между ними не все так гладко? Пытается придумать оправдание своей слабости перед ней.

Неожиданная злость наполнила рот горечью, стирая невероятный вкус поцелуя Маргит. Едва ли не сбросив ее с колен, Габор ссадил Маргит обратно на сидение. Она прерывисто выдохнула, наверное, не ожидая подобного обращения. На ее лице отразилась обида. И все равно Маргит выглядела соблазнительно. Невозможно было сопротивляться ей. Плащ съехал в сторону. Подол платья задрался, обнажая ноги. Чулок съехал вниз, высвободившись из плена подвязки. И, кажется, она не испытывала ни малейшего чувства неловкости. Обида уступила место злости.

– Я отослал Миклоша.

Маргит окинула его презрительным взглядом:

– Как предусмотрительно.

Наверное она заметила, что он как последний дурак пялится на ее ноги. Медленным движением Маргит развела колени в стороны, а затем чуть нагнулась и принялась поправлять чулок. Решив забить еще один гвоздь в крышку своего гроба, Габор насмешливо вздохнул:

– А вы, я вижу, не обременены таким пороком, как скромность...

На ее щеках вновь расцвел яркий румянец. Но судя по лихорадочному блеску в глазах, вовсе не смущения или стыда, а гнева.

– А зачем? Вам ведь будет намного проще вывести меня на чистую воду, если я не буду краснеть и падать в обморок каждый раз, когда вы полезете ко мне со своими детскими поцелуйчиками.

Зачем? Ну зачем она его провоцирует? Рядом с ней и так невозможно сдержаться. А когда она еще говорит подобные вещи, его выдержка вообще летит к демонам. Проклятая девчонка! Сама напросилась. Сама разрешила своими словами. Габор метнулся к Маргит. Она не ожидала и тихо удивленно вскрикнула. Он прижал ее к спинке сидения, грубо вклиниваясь между стройных ног. На ее лице сменялись испуг и недоумение, как будто она не могла понять, чего от него ожидать. И Габор этим упивался. Тем, что она еще не осознает, в какую ловушку саму себя загнала. Он задрал бесконечные метры ткани вверх, облегчая доступ к обнажившейся коже. Маргит уперлась ладонями в его плечи и попыталась отодвинуться. Габор почти с наслаждением наблюдал, как она мечется в тесном пространстве. Отступать дальше было некуда.

– Ч-что в-вы делаете?..

Габор еще никогда так быстро не расшнуровывал брюки. Пальцы дрожали от предвкушения, а член рвался наружу, поскорее погрузиться в жар и влагу Маргит. Почему-то он был уверен, что внутри нее будет очень жарко и влажно. Эти мысли выбили последние остатки разума. Габора хватило лишь на то, чтобы сбивчиво прохрипеть:

– Как что? Разве непонятно? Лезу к вам со своими «детскими поцелуйчиками».

Он прижался к ее пухлым алым губам, с жадностью прикусывая зубами и втягивая в рот, как самое желанное лакомство. Маргит протяжно выдохнула горячий воздух. От одного только этого тело покрылось испариной. Она была такой вкусной. Сладкой и свежей. Невероятной. Хотелось пробовать ее часами. Везде. И он обязательно это сделает. Габор проник языком в рот Маргит, коснулся ее языка. Она с готовностью ответила на поцелуй. Их языки сплетались и сталкивались, узнавая друг друга, скользя по нежной поверхности. Проклятье! Она целовалась так... словно только одним поцелуем отдавалась ему. Ни одна женщина и близко не была сравнима с Маргит.

Габор развязал тесемки ее плаща, развел полы в стороны и потянул вниз лиф платья. Чертова ткань не поддавалась, плотно облепив тело. Он свихнется, если не увидит ее обнаженной. Кое-как Габору удалось стащить с плеч Маргит верх платья. Но она вдруг снова ударила его в плечо.

– Прекратите немедленно! Там ваш брат и... и...

Габор непонимающе уставился в ее покрасневшее лицо. Голубые глаза ярко сверкали, занимая почти половину лица.

– Пусть Миклош вас больше не волнует.

Маргит уперлась ногой в его бедро и с силой оттолкнула от себя:

– Он очень даже меня волнует!

После этих слов ему захотелось ее придушить.

– Вот как? И чем же он вас так взволновал?

Маргит растерянно моргнула, выпрямилась на сидении и быстро одернула платье.

– Он... он мой муж. И ваш брат.

– Раньше нужно было об этом думать.

Ярость в ее глазах могла бы его убить. Он почти ощущал покалывание на коже.

– Это вы начали меня целовать. Не я. – Ее голос превратился в гневное шипение.

Габор понял, что ему доставит огромное удовольствие сломить ее сопротивление. Заставить Маргит умолять о ласках... Довести ее до такого же состояния, в котором находится он. Чтобы сама пришла к нему и предлагала себя. А он вдоволь насладится ее мольбами и только после этого успокоит огонь, бушующий в крови.

Мышцы живота судорожно сжались. Член болел от необходимости выплеснуть семя в Маргит. Габору физически необходимо было скинуть дикое напряжение. Но Маргит оттолкнула его. Несколько раз. И чтобы наказать ее, он потерпит.

Неторопливо затягивая шнуровку брюк, Габор сражался почти с нестерпимой болью. Сжав зубы, он с трудом выговорил:

– Миклош поделился со мной подробностями вашей нелегкой супружеской жизни.

Маргит как раз одергивала подол платья. Ее плечи едва заметно напряглись. Совершенно бесцветным голосом она глухо произнесла:

– Вот как?..

И это все? Ей ни капли неинтересно, что братец наговорил? В какой-то момент Габор даже позавидовал ее выдержке.

– Да-а-а. – Откинувшись на спинку сидения, Габор с удовольствием рассматривал ложбинку между грудей Маргит. – Оказывается, вы далеко не такая верная жена, какой мы все вас считали.

Маргит вскинула голову и прищурилась. По ее лицу сложно было что-либо прочесть. Она пожала плечами и затянула у горла тесемки плаща.

– Но для вас это ведь не новость.

– Почему же? Я всегда был твердо убежден в вашей добродетели.

– Ну да! Значит, все, что здесь произошло – испытание моей добродетели? Которое я, конечно же, не прошла. И теперь вы уверены, что ваш брат говорит правду. Я права?

Габор удивленно поднял брови. А Маргит оказалась сообразительной. И хоть он не предполагал ничего подобного, но выглядел его поступок не лучшим образом. Действительно, как проверка. И Маргит быстро пришла к этому выводу. Но разубедить он ее не будет. Пусть лучше думает, что он пытался таким образом ее проверить, чем знает, насколько сильно на него действует. Что рядом с ней, думая о ней, он теряет способность соображать.

– Правы, Маргит. Вы раскрыли мой коварный замысел. Но я все-таки спрошу еще раз: что произошло между вами и Миклошем?

Она тряхнула головой, откинув потрясающей красоты волосы назад. От этого движения по телу Габора снова прошла дрожь. Воображение с готовностью нарисовало десяток картин с участием блестящих черных локонов. Возбуждение, которое немного унялось, взвилось с новой силой. Габор едва не застонал сквозь стиснутые зубы. Эта девчонка сведет его с ума.

– Задайте этот же вопрос ему.

– Уже задал.

– И что он ответил?

– Что вы посмеялись над его доверием, изменив с каким-то крестьянином.

Лицо Маргит вытянулось. Она несколько раз удивленно моргнула и приоткрыла рот. Габор тут же испытал жгучее желание прижаться к ее губам, запустить язык в горячий рот и снова повторить все те поцелуи, которые так внезапно оборвались. Она выглядела слишком нежной и беззащитной. Либо весьма умелая актриса, либо... Нет, ей он верил. А вот брату – ни капли.

– Что ж... – Маргит разгладила последнюю складку на коленях. – На крестьянина вы мало похожи. Возможно, Миклош обознался.

Она попыталась выйти из кареты, наверняка задумав сбежать. Но Габор преградил дорогу рукой.

– Наденьте капюшон. – Он внимательно осмотрел Маргит.

Даже если Миклош следит за ними, вряд ли ее узнает. На ней не только одежда сестры, но и сама Маргит стала иной. Внешность та же, но внутри... Габор вдруг вспомнил слова старухи Бражены. «Тело одна, а душа – другая.» Так, кажется, она сказала. Да нет... Это самая

настоящая глупость. Но разве Маргит не изменилась до неузнаваемости? У нее даже походка другая. Раньше она сутулилась и низко опускала голову. Теперь же ходит, гордо задирая подбородок. Не боится отвечать ему, даже откровенно грубить и провоцировать. И в одночасье излечившаяся немота...

Габор уже не знал что и думать. Зря он тогда не выслушал Бражену. Завтра же поедет к старухе сам и все выяснит. Нельзя упускать ни единой нити, разгадывая эту головоломку. Почему-то Габору казалось невероятно важным, узнать все о Маргит. Ее секреты, которых, ему казалось, не мало.

Он проследил, как Маргит накинута на голову капюшон и так низко надвинула на глаза, что спрятала все лицо. Она вытащила из-под сидения корзинку с покупками, но Габор отобрал ее и пристально посмотрел в яркие голубые глаза:

- Пока я не разрешу, вам запрещено общаться с Миклошем.
- Ваша власть распространяется даже на это?
- Моя власть распространяется на все. В том числе и на вас.

Он потянулся к ее лицу и обхватил маленький круглый подбородок.

– Повторяю еще раз. Чтобы ни сказал я, и что бы ни сказал он, с этих губ не должно сорваться ни единого звука. – Он не удержался и провел пальцем по нижней пухлой губе, слегка надавил на впадинку.

Храни его небо от сумасшествия... Мягкая бархатистость нежной плоти пьянила и дурманила.

Кое как взяв себя в руки, Габор вышел наружу и подал Маргит руку. Она не стала отказываться. Вложила свою прохладную ладонь в его. Габор помимо воли сжал тонкие пальцы. Ему безумно хотелось ощутить их на своем теле. Как будто всю свою жизнь он существовал лишь для этого – для ее рук, скользящих по его коже, ласкающих и дарящих наслаждение. Глупая, идиотская мысль. Но так прочно засела в голове, что теперь ее оттуда не выкурить.

Глава 9

Дело дрянь. Дело дрянь. Дело дрянь. Олеся попыталась вырвать руку, но этот чертов господарь вцепился в нее насмерть. Не мог не понимать, что она хочет убрать ладонь. Но не отпускал. В голове царил мешанина. Прогулка по деревне. Приезд мужа Маргит. Габор со своими поцелуями. Олеся не знала, за какую проблему хвататься. Мало того, что она попала в непростую ситуацию, так еще и сама умудрилась заварить нешуточную кашу.

Нельзя было поддаваться на провокации Габора. Он так умело дергал за ниточки, вытаскивая из нее самые глубинные эмоции. Как она могла думать, что сможет его обмануть? Зачем говорила глупости?! Ох, ну как зачем?! Затем, чтобы он набросился на нее с тем диким невменяемым выражением лица. Чтобы начал целовать так, как ее никто и никогда не целовал. Рядом с ним Олеся ощущала себя школьницей, неуверенной девочкой-подростком. И вот эта девочка, едва-едва начавшая носить лифчик и научившаяся краситься, впервые встречает Того Самого. Он, конечно же, взрослее. Успешен, красив, у его ног весь мир, а желания исполняются по щелчку пальцев. Никогда прежде он не обращал на нее внимания, но тут она вырядилась в мамино платье, туфли на шпильке и попала ему на глаза.

Олеся покачала головой. Боже, и о чем она думает?! Но рядом с Габором она чувствовала себя именно так. Глупая наивная девочка. Она вообще не об этом должна беспокоиться. У нее проблем выше крыши. И первая из них – Миклош. Извращенец, убивший собственную жену.

А что если и Габор с ним в сговоре?! Да нет, не может этого быть. В путанных и сбивчивых воспоминаниях Маргит не было ничего подобного. Габора там Олеся вообще не смогла отыскать. Вряд ли он в курсе того, что творил его братец. Олеся вздрогнула, и Габор крепче сжал ее ладонь. Даже от этого простого движения по телу пробежали мурашки. Да что же он творит с ней? В карете ей каким-то чудом удалось сдержаться и оттолкнуть Габора. Но он что-то с ней сделал. Что-то такое, из-за чего ее мысли теперь вертятся вокруг его твердых губ и колючей щетины, так сладко царапавшей кожу. Олеся поняла, что сходит с ума от желания почувствовать, как эта щетина скользит по внутренней поверхности бедер. Олеся закусила губу, чтобы не застонать. Между бедер было влажно, а тело нуждалось в продолжении.

Габор уверенно вел ее в замок. Олеся старалась не думать, зачем он начал ее целовать. Хотел убедиться, что она способна на измену? Что он вообще задумал? Почему попросил, нет, скорее приказал, молчать? Хотя, она все еще не представляла, что может сказать убийце. В памяти Маргит всплывали ужасные картины изнасилований, избиений и постоянных издевательств. Миклош надевал маску жуткого существа, брал кнут и приходил к Маргит. Он насмехался над ней, гонял, как добычу, избивал кнутом, а потом несколько часов насиловал. Но это не все, что Олеся нашла в голове Маргит.

В калейдоскопе ее воспоминаний было еще несколько, которые Олеся еще пока не знала, как воспринимать. Например поцелуи Миклоша и еще какого-то мужчины, ночью проникшего в замок. Маргит умудрилась спрятаться и из укрытия проследить за тем, как проводит время муженек. Размытые картинки вполне недвусмысленно давали понять, что Миклош питает слабость вовсе не к женскому полу. Олеся передернуло от отвращения, хотя она никогда не была ханжой и считала, что выбор любовника – личное дело каждое. Но Миклош теперь воспринимался ею как личный враг. Убийца и садист. Он жестоко разделался с несчастной женщиной. И наверняка ни перед чем не остановится, чтобы сделать то же самое с Олесей.

Нужно что-то придумать и срочно. Мысль о побеге опять показалась невероятно привлекательной, но куда ей бежать? Вокруг лес и снег. Но лучше уж это, чем смерть от рук сумасшедшего.

Габор уверенно вел ее по переплетению коридоров. Из-под низко надвинутого капюшона Олеся мало что видела, но иногда ей на глаза попадались странные вещи. Она совсем не успела

изучить замок, даже малую его часть. Поэтому на многое сейчас глазела, как маленький ребенок. Габор как раз вел ее мимо бесконечного полотна с вышитыми на нем чудовищами. Уже знакомые изрезанные морщинами лица, горящие алым глаза и длинные острые языки. Олеся не удержалась от вопроса:

– Это тоже демоны?

Габор бросил на гобелен удивленный взгляд и нахмурился:

– Это Крампусы.

Жуткие существа сгрудились вокруг огромного котла и что-то там с упоением помешивали. Все это происходило на скале, у входа в пещеру. В пещере, скованная цепями томилась девушка. Почему-то Олесе стало страшно. В этом удивительном, совершенно ненормальном мире, сказки становились реальностью. И совсем не безобидным детским развлечением. Она задумалась и решила снова спросить у Габора:

– Вы ведь говорили, что Крампус только один...

Кажется, ее вопросы его раздражали. По крайней мере, выглядел он сердитым.

– Я ведь, вроде бы, попросил вас не раскрывать рта.

Олеся почувствовала себя маленькой девочкой, которая умудрилась ошибиться в том, что учитель объяснил сорок раз.

– Я думала, что молчать нужно только при Ми...

Он резко перебил ее:

– Молчать нужно, пока я вам не разрешу говорить.

Желание поспорить разгорелось с новой силой:

– По-моему, вы просто хотите, чтобы я молчала, как все бесправные женщины вокруг вас.

Неожиданно Габор открыл какую-то дверь и втолкнул Олесю внутрь. Капюшон спал с головы, и она смогла разглядеть утонувшую в сумраке комнату. Здесь пахло пылью, а в некоторых углах притаилась паутина. Из мебели – огромная кровать с темным пологом, цвет которого было сложно угадать из-за все той же пыли. Рядом с кроватью притулился металлический подсвечник, высотой в человеческий рост. На нем стояла одинокая свеча, оплавившаяся и украшенная пушистыми нитями паутины. Пол и стены оказались каменными. Угрюмо. Камин был выполнен в виде драконьей пасти. В обе стороны на всю длину стены тянулись его крылья с перепонками. Вот он – настоящий замок. Ни налета цивилизованности, ни малейшего удобства. Страшно. И мрачно. Слишком мрачно для ее расшатанной психики.

Олеся гордо вздернула подбородок. Она не даст себя запугать. Ни за что на свете. Ладно, кому она врет? Он уже ее запугал.

– Вы хотите убить меня тут, а останки сжечь в камине? Чтобы никто никогда не нашел?

Габор как раз закрыл дверь на непонятно откуда взявшийся ключ. Резким движением он швырнул его прямо в драконью пасть. С тихим звяканьем ключ ударился о камни.

– Откуда в вашей голове берутся такие мысли? – Он рассматривал ее со странным выражением лица.

На какой-то миг Олесе даже показалось, что его глаза сверкнули ярким алым огнем.

– Зачем вы тогда меня сюда затащили?

Он устало потер глаза и покачал головой. Похоже, она его достала. Ну не умела она быть томной молчаливой красавицей с загадкой во взгляде. Не умела.

Габор пронзил ее тяжелым взглядом и медленно проговорил:

– Я «затащил» вас сюда, чтобы вы могли дать себе волю и наговориться на сутки вперед.

Олеся удивленно моргнула. Ладно, и о чем же он?

– Сама с собой?

– Нет, со мной. – Неожиданно он улыбнулся. Как хищник, загнавший добычу в ловушку и решивший с ней немного поиграть. Ведь теперь-то она никуда не денется.

Медленно и плавно Габор сделал шаг вперед. Точно хищник. Олесья непроизвольно отступила, сдавая позиции.

– И о чем мы будем говорить?

Габор опять улыбнулся своей недоброй, но почему-то безумно притягательной улыбкой.

– Мы не будем говорить.

– Но вы же сами сказали...

Он снова перебил ее:

– Вы будете кричать. Пока не сорвете голос.

От такого заявления сердце ушло в пятки. Олесья судорожно огляделась в поисках любого средства для самообороны. Кроме высоченного подсвечника тут больше ничего и не было. А эту железную громадину она вряд ли сдвинет с места.

Но, кажется, Габор имел ввиду совсем не убийство с последующим расчленением. Он так на нее смотрел... Олесья ощутила себя обнаженной, выставленной на обозрение, и в полной его власти.

– Мне уже начинать звать на помощь? – Помимо воли голос прозвучал хрипло и призывно.

Габор усмехнулся и сделал еще один шаг к ней.

– На помощь? Вы думаете, я один не справлюсь?

Олесья закусил губу, с удивлением понимая, что ее начинает трясти от волнения. Габор совершенно по-звериному следил за ней. Его взгляд скользил по телу, забираясь под одежду и глядя кожу. Ему удавалось соблазнять ее, всего лишь смотря. И этот его намек... Она еще не отошла от поцелуев в карете, а сейчас он, кажется, собирается продолжить.

– Я думаю, что вы засунули меня в этот склеп, чтобы избавиться от меня. – Вот, молодец. Перевела все в безопасное русло. Относительно безопасное.

Что безопаснее: разговор об убийстве или о... том, на что он намекает? В случае Габора точно об убийстве.

– Склеп? Наш склеп выглядит несколько иначе. Я обязательно вам покажу, чтобы вы видели разницу. Это моя детская комната.

Олесья от удивления приоткрыла рот:

– Детская? Теперь все ясно...

– Что вам ясно? – Габор чуть наклонил голову и принялся расстегивать мудреные застежки на своей верхней одежде.

– Почему вы такой. Судя по комнате, детство у вас было так себе.

Габор стащил свой плащ и бросил на пол. В воздух взвилось облако пыли. Сердце забило быстрее. Он был очень красив. Суровой мужской красотой. Хищный взгляд, твердые губы, упрямый подбородок. Впалые щеки и выступающие скулы делали его похожим на того самого дракона, который стерег камин.

И вот как такому сопротивляться? Он был почти идеалом мужчины. Почти. Олесья изо всех сил старалась себе напомнить, кто он такой. И кто такая она. Но все благие намерения терпели крах под пристальным мужским взглядом. Габор смотрел на нее так... Никто и никогда не смотрел на Олесью настолько голодным взглядом. Ей хотелось скинуть с себя одежду и самой наброситься на него.

Пока не допустила ошибку, Олесья упрямо вздернула подбородок.

– Я хочу уйти отсюда. Выпустите меня.

– Обязательно выпущу. Позже. – Габор снял пояс с ножнами и небрежно бросил прямо на пол. – Как только вы расскажете мне, почему сбежали от Миклоша, и что с вами происходило, пока вас не нашла Адрианна.

– Я же уже сказала: я ничего не помню!

Габор странно усмехнулся:

– Это вы можете говорить, кому угодно, но не мне.

Габор неожиданно нагнулся и поднял брошенные ножны. Резким и одновременно плавным движением вытащил саблю. По длинному лезвию побежал хищный блик. Как будто оружие облизнулось, в ожидании новой жертвы. По коже Олеси прошел озноб.

Габор понял, куда она смотрит, и довольно ухмыльнулся:

– Это особое оружие. Предназначенное для убийства демонов и... их приспешников. После удара такой саблей, раны демонов не заживают, и они медленно умирают. Даже одна царапина может оказаться смертельной...

Олеся сглотнула ком в горле. А она-то думала, что хоть немного, но нравится ему. Оказывается, что нет. Горечь во рту и тяжесть на сердце стали неприятным открытием. Неужели, ей настолько важно, что он о ней думает? Козел!

От обиды к глазам поступили слезы. Она опять чувствовала себя переданной. Обманутой. Ничего, она ему еще покажет! Десять раз пожалеет, что решил над ней так издеваться.

– Сначала вы хотели меня соблазнить. Теперь решили запугать? – Она едва ли не оторвала завязки плаща, сдернула тяжелую ткань с плеч и швырнула Габору под ноги. – Ну, давайте! Можете сразу перерезать мне горло! Или хотите, чтобы я помучилась? – Она высоко задрала подбородок, обнажив шею.

– Маргит, неужели вы думаете, что я сейчас расплачусь и брошусь на колени вымаливать у вас прощение?

– Не думаю. Поэтому предлагаю вам сразу разобраться со злоумышленницей.

– А вы злоумышленница? – Его губы изогнулись в ухмылке.

Нет, ну вы посмотрите на него! Вот козел! Еще и ухмыляется. Смеется над ней. Знает, что ей нечем ему ответить.

– Ну вы же сами уже все решили.

– Маргит... Вы думаете, что смогли убедить меня историей о потере памяти? Адрианна нашла вас едва живую, на другом конце княжества. Ваши глаза изменили цвет, и вы можете говорить. С каким демоном вы заключили сделку? И для чего?

Кулаки сжались самой собой. Олеся метнулась к Габору, забыв про страх и смертоносное лезвие в его руках.

– Я. Не. Заключала. Никаких. Сделок!

Габор отбросил в сторону саблю и, подхватив Олесю за талию, прижал ее к стене.

– Мне уже плевать.

Он набросился на нее, прикусывая губы. Язык скользнул в ее рот, касаясь зубов, неба, языка. Олеся попыталась отвернуться, чувствуя, что попадает под власть поцелуя Габора. Но он не оставил ей ни малейшего шанса спастись от хищного нападения твердых губ. Отросшая щетина мягко царапала нежную кожу щек и подбородка. Губы горели от колких волосков. Влажный язык сводил с ума нежными ласками.

Олеся задыхалась. Габор как будто пробовал ее на вкус. Их губы почти не соприкасались. Он облизывал ее губы и страстно ласкал язык, заставляя задыхаться. Собирая по крупичкам последние остатки разума, Олеся нашла в себе силы поднять руку и коснуться пальцами губ Габора.

– Ни к чему хорошему это не приведет... Вы можете выбрать любую. Не мучьте меня... Вы наиграетесь, а я не хочу страдать...

Габор смотрел на нее пронзительным ледяным взглядом. Но его глаза больше не казались холодными... Не отпуская ее взгляда, он приоткрыл губы под ее ладонью и обхватил указательный палец. Втянул в рот, нежно посасывая и лаская языком. Олеся тихо застонала. Чего он добивается?! Что хочет от нее получить? У нее уже нет сил сопротивляться. Колени подгибаются, а соски набухают все сильнее с каждым порочным движением его языка.

Габор выпустил ее палец изо рта и прижался губами к ее шее. Зубы царапали кожу, прикусывали, как будто он старался отметить собой каждый сантиметр ее кожи. Олеся позорно сдалась. Зарылась пальцами в его мягкие волосы и откинула голову назад. Ей еще никогда не было так хорошо. Муж и близко не вызывал у нее подобной реакции.

Пальцы Габора жестоко расправлялись с платьем, едва ли не отрывая крючки. Олеся ни о чем другом думать уже не могла. Только бы поскорее избавил ее от ненавистной ткани и коснулся обнаженной кожи. Олеся стонала от нетерпения и боли, когда ткань врезалась в кожу. Габор срывал одежду с диким выражением лица. Платье, сорочка – все бесформенными кучами упало к ногам. Олеся и сама не поняла, как осталась в одних чулках и высоких сапогах. Кажется, этого Габору хватило. Он приподнял ее над полом, прижав к себе. На какой-то миг через его одежду она ощутила твердое давление члена. Но Габор не дал насладиться этим ощущением. Он стиснул ее бедро, заставляя обхватить ногами его за талию и снова зажал между своим телом и холодной стеной.

От контраста холода и жара Олеся задрожала. Габор накрыл ладонью ее грудь, и Олесе пришлось до боли закусить губу. Но тихий стон все равно вырвался на волю. Он сжал сосок, пристально глядя ей в глаза. Олеся еще сильнее прикусила губу. Такая простая ласка, и такое невероятное ощущение. Ее тело еще никогда так остро не реагировало на ласки груди. Приходилось сдерживаться, чтобы не стонать в голос и не просить еще. Габор подтянул ее вверх, его лицо оказалось на уровне ее груди. Медленным, сводящим с ума движением, он лизнул набухший сосок. Олеся дернулась от влажного прикосновения. Внутри вспыхнул и разлился жидкий огонь. Сотни искр разлетелись по всему телу. Она загорелась, как щепка.

Габор лизнул снова. Но на этот раз его зубы слегка прикусили вершинку соска. Олеся напряглась. Боже... Как же хорошо... В животе начало скапливаться давление. Тянувшая боль оседала внизу и превращалась в горячие капельки. Олеся чувствовала, как собственной влаги становится все больше. Нет-нет, это ужасно... Только бы он не увидел. От одних только поцелуев и мимолетной ласки ее груди, она уже становится мокрой.

Но Габор был неумолим. Он снова бросил на нее тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей и наклонился. На этот раз его губы захватили в плен сосок, язык надавил на вершинку. С тихим влажным звуком он втянул сосок в рот и начал резко всасывать. У Олеси перед глазами потемнело. Чертов садист! Ей хотелось выругаться самыми грязными словами, какие она только знала. Кожа горела от выступившей испарины. И даже холодный камень нагрелся от жара ее тела.

Габор выпустил сосок и несколько раз жадно его лизнул. Олеся выгнулась в его руках и потерялась промежностью о скрытый одеждой живот. Черт! На ткани наверняка останутся следы... Ей еще никогда не было так стыдно. И так горячо. И так хорошо. До головокружения. Мышцы влагалища сократились, требуя в себя горячий член Габора. Но он, наверное, обладал железной выдержкой.

Олеся не сразу поняла, что он остановился. Расфокусированное зрение с трудом пришло в норму, и Олеся уперлась взглядом в его взгляд. Непроницаемое выражение его лица было сущей пыткой. Неужели, он не испытывает ничего? Неужели, просто механически ее ласкает, чтобы доказать ее никудышность, развязность и еще бог знает что. Она тяжело дышала, мозг отказывался работать. Тело хотело только одного: Габора. Чтобы делал с ней все, что пожелает. И как можно дольше. Очень-очень долго. Чтобы вечность не выпускал ее из этой проклятой комнаты. Но она ему об этом не скажет. Ни за что.

Габор облизнул губы и тяжело сглотнул. Олеся проследила за резким движением его кадыка. Только сейчас заметила, что по шершавой коже стекают капельки пота. По шее, по лбу... Даже кончики волос стали влажными. На его скулах появился румянец. Он был едва различим на смуглой коже. Но все же был!

А еще Габор тяжело дышал. Грудная клетка с трудом поднималась и опадала. Глаза прищурены, а ноздри раздуваются, как будто ему безумно больно. Кажется, на него все это подействовало так же сильно, как на нее. Тогда какого черта он остановился?!

Хриплым, совсем не похожим на свой, голосом Габор спросил:

– Тебе же нравится – я вижу... Зачем ты сдерживаешься?

Олеся вцепилась пальцами в его плечи. Неожиданно для самой себя потянула вниз сюртук.

– Я не сдерживаюсь...

– Ты пытаешься молчать... Не издаешь ни звука...

Габор отшвырнул сюртук, который Олеся пыталась стащить с него, и неожиданно сильно зажал между пальцев другой сосок. Она выгнулась дугой в его руках, стремясь одновременно быть ближе и отстраниться. Наблюдая за ее реакцией, Габор оттянул тугую вершинку.

– Вот сейчас... Кричи...

Он зажал сосок между пальцев, накрыл ладонью грудь, и Олеся потеряла контроль. Брошенного низким голосом приказа было достаточно, чтобы она превратилась в один сплошной сгусток желания. Права она была, когда сопротивлялась ему. Знала ведь, что до добра не доведет. Прикосновения Габора, его руки и губы превращали ее в жадную до секса распутницу. Он ей был нужен. Ужасно нужен. Внутри. Долго и сильно. Тело ответило новым приливом влаги. Шелковистая смазка начала стекать вниз, по набухшим складкам, к ягодицам.

Олеся задыхалась и горела. От стыда и жажды. От того, что на ней ничего, кроме чулок и сапог, а он по-прежнему почти полностью одет.

Когда пальцы Габора устремились вниз, Олеся протяжно застонала. Она хотела снова чувствовать их на своей груди. Он коснулся ее плоти. Развел в стороны мягкие лепестки и скользнул ниже. Олеся громко застонала от пронзивших тело ощущений. Габор довольно улыбнулся:

– Ты уже влажная... Для меня... Только для меня...

Его палец вошел в нее, заполняя собой ноющую пустоту. Тихий всхлип вырвался из горла. Мышцы непроизвольно сжались, стискивая палец внутри. Габор двинул кистью, вводя до конца. Безумные ощущения. Узкие стеночки ответили новым приливом влаги. Олеся захлебнулась новыми стонами. Где-то глубоко внутри стало одновременно больно и сладко. Габор поймал губами ее стон, слизнул языком каждый звук.

– Тут должно быть мокро...

Олеся с трудом дышала от водопада эмоций, обрушившихся на ее хрупкое тело и мозг. С трудом сложила буквы в слова и непонимающе спросила:

– 3-зачем?

Габор снова лизнул ее сосок, медленно обвел ареолу в одну сторону, потом в другую.

– Потому что я... так хочу... Чтобы ты была мокрой... когда я буду тебя брать... и начала течь, как только я тебя коснусь... даже случайно... Просто прикоснусь к руке, а тут, – Габор начал резко двигать рукой, то вынимая из нее палец, то полностью вводя, – уже горячо и мокро...

Она пропала. Целиком и полностью пропала. Не отдавая себе отчета, не контролируя движения, Олеся начала двигаться. В рваном темпе, но плавно тянулась за его рукой. Насаживалась, теряясь в водовороте ощущений. Кажется, она действительно становится зависимой от секса. С Габором.

Одной рукой держась за плечо Габора, другой Олеся потянулась вниз. Вытащила рубашку из-за пояса брюк, дотронулась до влажной, покрытой волосками кожи живота. Он был таким твердым, непоколебимым. Никакой мягкости и нерешительности даже здесь. А вот и ее цель. Пальцы дрожали и запутывались, но она безошибочно развязывала шнуровку его брюк.

– А что будет... если я... случайно тебя коснусь? – Произнеся последнее слово, Олеся наконец высвободила горячий твердый член из плена брюк.

Она обхватила пальцами набухшую головку, которая оказалась широкой и горячей на ощупь. Смотря Габору в глаза, провела подушечкой по щели, из которой выступила тягучая смазка. Габор откинул голову назад и с хрипом втянул воздух сквозь зубы. Вены на шее вздулись и натянулись отчетливыми жгутами.

Олесе безумно хотело узнать, а видны ли они там, на стволе. Еще никогда она не желала настолько сильно рассмотреть и изучить вблизи мужскую плоть. Ей вообще было на это все равно. Но с Габором... Она хотела ощутить пальцами и языком каждый миллиметр.

– Так что будет... если случайно касаться буду я?

Сведенными в кольцо пальцами она начала ласкать член сверху-вниз и обратно, покрывая его выступившими капельками. Взгляд Габора стал совсем бешеным. Внутри вспыхивали, загораясь, ледяные искры, словно падающие звезды. Он приподнял ее еще выше над собой.

– Будет это. – Опустил руку вниз и направил в нее твердый член. – Где бы мы ни оказались.

Горячая плоть ворвалась в нее неумолимо и жестко, растягивая. Олеся, не сдерживаясь, вскрикнула. Он оказался слишком большим для нее. У нее давно не было секса. А тем более, такого. Не останавливаясь ни на секунду, не давая ей привыкнуть, Габор просто врывался в ее тело, преодолевая сопротивление. Внутренние стенки так тесно обхватили его плоть, что Олеся ощутила себя частью Габора. Он мощным рывком ворвался в нее, одновременно опуская Олесю вниз. Она чувствовала себя насаженной на него, едва ли не разорванной. От сумасшедшего трения внутри все горело и пульсировало.

Так горячо. И так хорошо... Ни с кем никогда не будет так хорошо. Они словно две части одного целого, разломанного тысячи лет назад, а теперь собранного воедино. Эта мысль напугала Олесю до чертиков. Она застыла в руках Габора. А он прижался лбом к ее лбу, тяжело хрипло дыша. Горячее дыхание коснулось щек и губ:

– Сейчас я не смогу... долго держаться... Но постараюсь... Как только ты кончишь, скажи мне...

Олеся кивнула. Габор отстранился и, не отпуская ее взгляда, вышел. Внутри стало пусто. Но Габор тут же заполнил эту пустоту резким ударом бедер. Олеся сжала внутренние мышцы, стараясь удержать его в себе. Низкий хрип Габора стал лучшей наградой. Он прижал ее к себе, отрывая от стены и развернулся к кровати. Олеся пыталась стянуть его рубашку, но задыхнулась от непривычных ощущений. Габор шел вперед, по-прежнему оставаясь в ней. Из груди начали вырываться стоны. Олеся не выдержала. Рванула в стороны полы рубашки и прижалась грудью к его груди. Мягкие волоски кололи набухшие соски, и это было потрясающе.

Габор остановился рядом с огромной кроватью.

– Любишь, когда ласкают грудь?

Одной рукой он стаскивал с себя брюки, а другой удерживал Олесю на весу. От каждого его движения член скользил внутри нее, принося невероятные ощущения.

Олеся кивнула и прикусила губу, наслаждаясь видом крепкого мужского тела:

– Сегодня полюбила...

Габор улыбнулся и захватил зубами ее губу:

– В следующий раз...

Олеся хотела сказать, что следующего раза между ними скорее всего не будет, но Габор опять сжал ее грудь. Легонько покрутил пальцами сосок из стороны в сторону, безотрывно глядя на него. Как будто следил за Олесиной реакцией. Она уже не сдерживала ни стонов, ни криков. Габор вдруг снял ее с себя и грубо швырнул на кровать. В воздух взвилась пыль. Олеся закашлялась. Волосы упали вперед, закрывая обзор. Она оказалась лежащей на животе

на пыльном мягком покрывале. Попыталась перевернуться на спину, но Габор надавил ей на плечо.

– Ты помнишь, что я сказал? – Его губы коснулись уха, захватили в плен мочку. Прикусили и втянули в рот.

– Н-нет...

– Как только... ты все... скажи мне... я постараюсь... продержаться... Но это будет тяжело... – Шершавая мужская ладонь накрыла и сжала ее ягодицу. Слегка шлепнула.

Олеся вдохнула пыльный воздух. Неожиданно Габор взял подушку, сгреб покрывало и простынь и подложил ей под живот. Олеся задохнулась. Ее бедра оказались высоко приподняты вверх, бесстыдно открытые и доступные Габору. Грудь прижата к кровати, соски трутся о мягкую ткань. Пыльный воздух дурманит разум. Габор собрал в кулак ее растрепавшиеся волосы, придавил к постели, не давая даже повернуть голову.

Олеся поняла, что возбуждается еще больше. Габор рывком развел ее бедра в стороны, не позволяя сомкнуть ноги, встал между ними. Олеся не видела, что происходит за спиной. Не могла хотя бы обернуться. Но высоко приподнятая попка, широко раскинутые ноги и невозможность видеть Габора, но только чувствовать, усилили ее возбуждение во сто крат. Она почувствовала, как влаги становится все больше. Как набухают от возбуждения и боли нежные складочки. Ей хотелось... Она уже была готова умолять... Палец Габора погладил плоть между малыми губами, собрал смазку и коснулся ее губ, размазывая ее собственный сок.

Голос Габора послал по телу чувственную дрожь:

– Ты вкусная?

Олеся, уже себя не контролируя и потеряв власть над своим телом и душой, облизнула губы. Коснулась языком пальцев Габора, ощутила немного терпкий вкус собственной влаги.

– Д-да-а-а...

– Я попробую тебя... Позже... Каждую ночь...

Она должна была поспорить, сказать, что больше ничего не будет, но... Не сказала. Сердце забилося быстрее от предвкушения новых ласк, очередных ночей.

Она так ничего и не ответила. Габор развел ее ноги еще шире и медленно вошел. Олеся застонала. Он замер в ней на несколько томительных секунд, а затем начал двигаться.

Олеся потеряла связь с реальностью. Пропала в водовороте страсти. Габор начал двигаться. Хотя движением это было сложно назвать. Он вбивался в Олесю, одновременно насаживая ее на себя, до упора, до боли. Наслаждение затапливало. Олеся вцепилась пальцами в покрывало. Невозможность пошевелиться лишь усиливала возбуждение, которые уже раскалилось до бела. Новые потоки влаги устремлялись вниз. Габор врвался в нее и выходил с тихими хлюпающими звуками. Влаг было так много, что их кожа скользила друг о дружку. Мышцы начали сокращаться, обхватывая горячий твердый член, безжалостно таранящий ее тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.